

№ 4 Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1968

ИЮЛЬ — АВГУСТ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

- В. И. Борковский. Леонид Арсеньевич Булаховский 3
Л. А. Булаховский. О прогрессе в языке 7

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- О. В. Творогов. Литературные стили Киевской Руси 13
Я. А. Сатуновский. Ритмы считалки в стихах Маяковского 21
О. А. Лаптева. Фотография ли? 33
С. В. Владимиров. Терминология научной фантастики 39

ГОРОДА РОССИИ

- А. И. Попов. Арск, Торопец, Великие Луки 45

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Н. А. Янко-Триницкая. «Штучки-дрючки» устной речи 48
З. Д. Попова. Чай — чаю, сахара — сахару 52
Н. С. Авилова. Чтут или чтят? 54
Л. К. Граудина. На дорогах 57

ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ

- В. Ф. Иванова. Основы русской орфографии 64

ПРАКТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

- Б. С. Мучник. Первоначальное и окончательное восприятие текста. 73

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Л. И. Виноградова, Э. М. Дурьгина. Стоит ли игра свеч? . . . 79

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ж. Ж. Варбот. Этимология 86

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Л. В. Вялкина. Зима и лето 97

И. Г. Добродомов. Дрофа — дудак 100

А. А. Брагина. Сервис 105

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. С. Львов. Первая русская книга 107

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

С 7 по 13 августа 1968 года в столице Чехословакии Праге состоится VI Международный съезд славистов. На съезде соберутся крупнейшие ученые более чем из 20 стран мира, занимающиеся изучением славянских языков, литератур, народного творчества, истории и культуры славян.

I и II Международные съезды славистов состоялись в Праге (1929) и в Варшаве (1934), III съезд предполагалось провести в Белграде. Его открытие помешала начавшаяся Вторая мировая война. Однако материалы съезда были опубликованы.

Международный комитет славистов, утвержденный в Белграде в

1955 г., поставил своей задачей организацию международных съездов в славянских странах каждые пять лет. IV Международный съезд славистов состоялся в Москве в 1958 году, V — в Софии в 1963 году. На каждом из этих двух съездов собралось около 2 000 делегатов из 28 стран мира. Было прочитано и обсуждено значительное количество докладов по наиболее актуальным проблемам стилистики.

Советские ученые принимают активное участие в международной славистической работе. Первым председателем Международного комитета славистов был избран академик В. В. Виноградов (с 1955 по 1960 год), затем — академик В. Георгиев (Болгария) (1960—1963), в настоящее время председатель — академик Б. Гавранек (Чехословакия). Нашу страну в МКС представляют академик В. В. Виноградов (вице-председатель МКС), академик Б. А. Рыбаков, член-корреспондент АН СССР В. И. Борковский, академик АН УССР П. К. Белодед, акаде-

(Продолжение на стр. 126)

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Леонид Арсеньевич БУЛАХОВСКИЙ

(1888—1963)

«Роль и значение современного русского литературного языка как языка государственных и общественных учреждений, школы, науки, прессы и пр. огромна. Язык этот стал могучим орудием культурного строительства. В СССР свободно развиваются все национальные языки. Неуклонно развивается и обогащается новыми средствами и сам русский».

(Л. А. БУЛАХОВСКИЙ. Курс русского литературного языка)

Доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук СССР и член-корреспондент Академии наук СССР Леонид Арсеньевич Булаховский — выдающийся советский языковед и один из крупнейших представителей славянского языкознания. Занимая в течение многих лет (с 1941 по 1961) пост директора Института языковедения имени А. А. Потебни АН УССР, Л. А. Булаховский был организатором научных работ по славянским языкам на Украине.

Многие слависты на Украине (и не только на Украине) могут гордиться тем, что они — ученики Л. А. Булаховского — прошли его школу. А учиться у Л. А. Булаховского, прекрасного знатока всех славянских языков, надо было не только специальности. Леонид Арсеньевич был ярким примером ученого-труженика, горячо любившего науку

о языке и отдавшего ей всю жизнь. Его труды обогатили советское и мировое языкознание и сделали имя их автора широко известным во всех уголках земного шара, где изучаются и преподаются славянские языки.

Поражает необычайная работоспособность Л. А. Булаховского. Его перу принадлежит свыше 300 работ. Буквально за несколько дней до смерти, будучи тяжело больным, Л. А. Булаховский заканчивал свой доклад для V Международного съезда славистов в Софии (1963). Л. А. Булаховский посвятил свои исследования вопросам общего языкознания, русскому и украинскому, чешскому, польскому, болгарскому, сербскому и словенскому языкам, методике преподавания русского и украинского.

В этой краткой заметке мы остановимся преимущественно на том, что сделано ученым в области русского языка. Основные темы его исследований по русскому языку — акцентология, лексика и грамматический строй современного литературного языка, история литературного языка, историческая грамматика. Широко известны неоднократно переиздававшиеся капитальные труды Л. А. Булаховского: «Курс русского литературного языка», «Исторический комментарий к русскому литературному языку» и «Русский лите-

ратурный язык первой половины XIX века» (т. I, II). Все эти исследования занимают почетное место в отечественном языкознании.

Вышедший в свет в 1935 году «Курс русского литературного языка» выдержал пять изданий (последнее — Киев, 1952) и был первым учебным пособием для университетов и педвузов. Четкость формулировок, обилие интересных примеров, соответствие программе сделали названную книгу одним из основных пособий по русскому литературному языку. Нормы современного языка получают у Л. А. Булаховского научное объяснение, освещаются и так называемые «отступления» в формах склонения и спряжения. Особый интерес представляют сведения об ударении отдельных частей речи.

Характеристика ударения частей речи дана с исключительной полнотой, с учетом словообразовательных элементов (префиксов, суффиксов) рассматриваемых частей речи. Исходя из того, что словообразование — одна из самых творческих и наименее замкнутых областей грамматики языка, Л. А. Булаховский уделяет этому вопросу много внимания. Отмечая, что словообразовательные элементы обеспечивают почти бесконечное количество новых слов и новых оттенков, он справедливо указывает, что, тем не менее, свободному творчеству поставлены определенные границы. Л. А. Булаховский выясняет причины выбора того или иного суффик-

са и префикса, учитывая историю данного слова и словообразовательных элементов, оттенки значения, которые приобретают рассматриваемые корни и целые слова в комбинации со словообразовательными элементами.

В главе «Синтаксис» на большом иллюстративном материале показано, как отражается в синтаксических построениях словообразование морфологической структуры различных частей речи. По мнению Л. А. Булаховского, предмет синтаксиса составляет учение о способах создания слов в большие целые конструкции (словосочетания, предложения и т. д.).

В «Историческом комментарии к русскому литературному языку» (1-е издание — Харьков — Киев, 1936; последнее, 5-е, переработанное, Киев, 1958) дано историческое объяснение различных фактов из области фонетики, морфологии, ударения и синтаксиса современного русского языка. Кроме того, книга содержит краткий очерк истории русского литературного языка до конца XVIII века.

Основная часть книги — фонетика, морфология и синтаксис. Большое внимание к синтаксису (ему отведена третья часть пособия) — бесспорная заслуга Л. А. Булаховского, поскольку в вышедших ранее курсах по исторической грамматике других авторов синтаксический строй древнерусского языка, как правило, не

И/ст, на В/№

Помещенное в № 1 «Русской речи» письмо Е. Г. Ромашкова «Вывески, этикетки и знаки препинания» я прочитал с большим интересом, так как и сам не раз обращал внимание на забавные ребусы, изображенные на этикетках с ценой товара, ребусы, которые мне, не искусственному в торговой лексике, не всегда под силу разгадать.

Кстати, вопрос о правомерности появления аббревиатур с косой разделительной чертой [которая и в математике-то — не совсем законный

знак] не так прост, как может показаться с первого взгляда. На днях в одном официальном серьезном документе, составленном и подписанном вполне грамотными инженерами, мне встретилось следующее наименование графы в таблице: «Телеуправление разъединителями к/с, в/в линий, а/б». Хочется обратить внимание, что специалистом, для которых предназначен документ, эти кажущиеся недопустимыми сокращения вполне понятны. Название графы читается так: «Телеуправление разъединителями контактной сети, высоковольтных линий, автоблокировки».

В технической переписке и документации мне очень часто приходится

рассматривался. В отделе морфологии приводятся интересные данные о словообразовании имен существительных, местоимений, прилагательных, числительных, причем вопросам словообразования посвящены специальные параграфы. Все, что оказалось в поле зрения автора, а оказалось очень многое, получило сжатую и четкую характеристику. И в этой книге, как и во всех других работах Л. А. Булаховского, проявилось его удивительное умение говорить доступно, интересно, увлекательно о трудных для усвоения и, казалось бы, скучных для неспециалиста вещах. Неоспоримые достоинства книги сделали ее одним из самых популярных пособий по курсу исторической грамматики русского языка.

Исследование Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX века» обогатило нашу науку ценными сведениями о лексике (I том), фонетике, морфологии, ударении и синтаксисе (II том) русского литературного языка указанного периода. Основное внимание в I томе (1-е издание — Киев, 1941; 2-е издание — Киев, 1957) уделено автором художественно-литературным жанрам, но имеются замечания также об эпистолярном слоге, слоге критической и научной прозы. Автор стремится показать лексику русского литературного языка в ее развитии, в связи с чем в ряде случаев говорит и о лексике литератур-

ного языка предшествующего периода — XVIII века.

II том труда Л. А. Булаховского (1-е издание — Киев, 1948; 2-е издание — М., 1954) еще богаче по имеющемуся в нем материалу, чем первый. В первой части тома, посвященной фонетике, проанализированы основные черты русского литературного произношения, как оно отражено на письме в памятниках литературы, в частности рассмотрено произношение заимствованных слов. В разделе морфологии (часть вторая II тома) много внимания уделено словообразованию — области малоисследованной. Замечания Л. А. Булаховского о суффиксах, префиксах, а также о бессуффиксных образованиях представляют большую научную ценность. Система ударения различных частей речи (ему посвящена часть третья II тома) русского литературного языка первой половины XIX века описана с большим знанием материала.

Синтаксису отведена почти половина II тома. Здесь дана общая характеристика синтаксиса русского литературного языка первой половины XIX века и характеристика специальных явлений (субстантивация имен прилагательных, бескаузальные типы предложений, сказуемые-связки и т. д.), рассмотрено употребление союзов и союзных слов, порядок слов, сделан ряд замечаний из области стилистического синтаксиса.

Следует подчеркнуть, что труды

встречаться с такими сокращениями, как ж/б (железобетон), п/ст (подстанция), п/путь (подъездной путь). А в канцелярском языке сокращения №№ п/п (номера по порядку), б/№ (без номера), на В/№ (на Ваш номер) получили такое широкое распространение, что, думается, понятны почти всем.

И вот, возмущаясь недопустимыми сокращениями, подчас ловишь себя на мысли: а так ли уж они недопустимы в эпоху кибернетики, когда особое значение приобретает кодирование, когда зачастую важна ёмкая, короткая, приближающаяся к стенографической запись? И не стоит ли лингвистам действительно подумать о том,

чтобы в специальных видах литературы дать права гражданства некоторым получившим широкое применение «аббревиатурам особого типа, которые читаются не буквенно, а с произношением закодированных слов полностью», подобно законным условным сокращениям см, км и другим!

Тем более, что возмущаться-то я возмущаюсь всеми этими «г/к, с/к, х/к», но, доведись мне давать указания, чем заменить подобные записи так, чтобы получилось и коротко, и понятно, — не вполне представляю, что бы я предложил.

Инженер Н. П. ГУКОВИЧ

Л. А. Булаховского по истории русского литературного языка XIX века способствовали утверждению этого раздела как самостоятельного в русском языкознании.

Мы назвали лишь самые крупные работы Л. А. Булаховского. Между тем ему принадлежит ряд статей по самым разнообразным вопросам: об усовершенствовании русского правописания и пунктуации, об ударении в заимствованных словах, о «Слове о полку Игореве» (ряд статей) и др.

Исключительно велики заслуги ученого в исследовании украинского языка. Труды Л. А. Булаховского занимают в мировой украинистике первое место. Самое деятельное участие, как член редколлегии, принимал Леонид Арсеньевич в создании однотомного «Русско-украинского словаря», посвятил ряд работ малоисследованному до него украинскому ударению. В своих трудах Л. А. Булаховский показывает место украинского среди других славянских языков, происхождение украинского языка, решает проблему диалектной основы украинского национального языка, южнорусизмов в древнерусских памятниках, вопросы исторической морфологии и исторического синтаксиса, пишет об особенностях стиля украинских писателей (Т. Г. Шевченко, М. Рильского).

Большая работа выполнена Л. А. Булаховским в области украинского правописания и пунктуации. Под его руководством был разработан проект действующего в настоящее время украинского правописания. Л. А. Булаховский — автор книги «Українська пунктуація. (Розділові знаки)» (Київ — Львів, 1947). Под редакцией Л. А. Булаховского и при его участии вышел в Киеве в 1951 году двухтомный «Курс сучасної української літературної мови», труд фундаментальный, заслуживший высокую оценку.

Л. А. Булаховский, как отмечено выше, выдающийся знаток славянских языков, славист широкого профиля. Ему принадлежат исследования, посвященные взаимоотношениям славянских литературных языков, проблеме применения сравнительно-исторического метода, славянской се-

масиологии славянской акцентологии. Особенно следует отметить его статьи и книги, посвященные проблемам акцентологии. Выход в свет монографий «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Київ, 1950) и «Акцентологический комментарий к чешскому языку» (вып. 1 — Киев, 1953; вып. 2 и 3 — Киев, 1956) — большое событие в славянском языкознании.

Еще на студенческой скамье у Л. А. Булаховского возник интерес к проблемам общего языкознания и не ослабевал на протяжении всей его научной и педагогической деятельности: опубликован ряд брошюр и статей по отдельным теоретическим вопросам, а затем и книга «Введение в языкознание» (ч. 2. М., 1953) и «Нариси з загального мовознавства» (Київ, 1955).

Видное место среди трудов Л. А. Булаховского занимают его работы о выдающихся отечественных языковедах (Ф. И. Буслаеве, И. И. Срезневском, А. А. Потебне, А. А. Шахматове, Б. М. Ляпунове, Е. К. Тимченко, Н. К. Грунском, М. Н. Калиновиче, В. И. Чернышеве и др.), написанные тепло и с прекрасным пониманием роли этих ученых в развитии науки о языке.

Л. А. Булаховский, прекрасный педагог, читал лекции во многих высших учебных заведениях страны: в Харьковском, Томском, Московском, Киевском университетах, в Башкирском пединституте. Умение преподнести материал, отточенная дикция, выразительное чтение приводимых отрывков из художественных произведений производили на слушателей неизгладимое впечатление.

Плодотворная научная, педагогическая и общественная деятельность Л. А. Булаховского заслужили высокую оценку: он награжден орденом Ленина, двумя орденами «Трудового Красного Знамени», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», удостоен звания заслуженного деятеля науки УССР.

Член-корреспондент АН СССР

В. И. БОРКОВСКИЙ

О ПРОГРЕССЕ В ЯЗЫКЕ

От редакции. Научно-популярный очерк проф. Л. А. Булаховского «Происхождение и развитие языка», отрывки из которого мы публикуем, напечатан в 1925 г. на украинском языке («Походження та розвиток мови». Харків, «Червоний шлях»). Перевод С. Е. Морозовой.

Очерк сохраняет интерес для современного читателя. До настоящего времени не разработана процедура сравнительной оценки языков, которая давала бы достоверные и надежные результаты. Читатель, интересующийся этим вопросом, может обратиться также к главе «Существует ли прогресс?» в известной популярной книге Ж. Вандриеса «Язык» (перевод с французского. М., 1937).

Мы считаем, что наиболее совершенным средством является то, которым можно с наименьшей затратой энергии достичь тех же самых результатов, что и другими средствами. Поэтому, прежде всего, интересен вопрос, можно ли в развитии известных нам языков заметить тенденцию к наименьшей затрате усилий при одинаковых практических задачах <...>

Издаем следующие критерии, которыми можно руководствоваться при определении степени легкости и трудности языка:

1. Наиболее полезным с точки зрения экономии усилий мы признаем такое положение в языке, когда вместо прежних разнообразных показателей для определения одних и тех же значений появляются показатели постоянные. Трудно не признать, что для тех, кто усваивает язык, лучше, чтобы в языке постоянные показатели для одних и тех же значений: степень сравнения — *сильніший, скоріший* — усваивалась бы легче, если бы признак *-іший* не имел параллельных соответствий, как, например, *старший, скоріший*, с одной стороны, и *ближчий* (от *близкий*), *кращий* (от *красный*) — с другой. Падежные показатели украинского языка усваивались бы значительно легче, если бы существовало одно склонение, например: *город — города — городові*, а не то множество их, которое имеется ныне <...>

Еще меньше усилий требует от нас во многих случаях образование форм с помощью постоянных изолированных показателей: русское *буду нести, буду делать*, болгарское будущее время с признаком *ще-* (произносится *ште*), который добавляется к настоящему времени, — *щенеса, щебера*, немецкое *werde tragen, werde machen* и т. д., или болгарская, французская, итальянская, английская и другие системы склонения — предлог и неизменяемое имя — отражаются в сознании чрезвычайно четко и легко.

Однако разница в усилении, которое затрачивается на осознание связанного показателя и показателя изолированного, очень мала, и о ней можно было бы совсем не говорить, если бы история языков не давала нам таких фактов, когда неизоллированные показатели, особенно окончания, очень быстро подчиняются влиянию различных фонетических и нефонетических причин и утрачивают однообразие. Сравните, например, явления в русских диалектах, вызванные частицей *-ся* с глаголами (отделенное *ся-* от глагола известно еще в памятниках русского языка XVI—XVII веков: «съ воры ся ему не водити» — Грамота 1615 г. и др.): в некоторых говорах Калужской и Рязанской губерний употребляются формы возвратных глаголов, в 3-м лице единственного и множественного числа на *-ццеть* и *-ццуть*: *придеццеть*, *уцццуть*, в неопределенное наклонение на *-ццать*: *уцццать*, *забавляццать*; сербское будущее время *чес'и — с'и — (с'и = choc'и = хочу)*, но *kovati + с'и* изменилось в *kovac'и*, *plesti + с'и* перешло в *plesc'и* и т. д. Сравните также приведенные М. Бреалем умбрские примеры; алтаря, до алтаря, на алтарі — *asacum, asamen, asamad* (предлоги *cum, in, ad*), а отсюда *asaco, asame, asama*. Изолированные показатели, хотя иногда и претерпевают изменения, более постоянны, сравните украинское *най-* (из *нехай*), русское *пусть* (из *пусти*), польское *niech* ‘*пусть*’ (из *niechaj* ‘*пусть*’).

2. Признаком высокого развития языка мы считаем такое состояние, когда количество символов формальных значений ограничивается важнейшими и общими категориями. (<...>)

Если мы будем учить язык: чипшевцев (Северная Америка), нам нужно будет запомнить в качестве отдельных морфологических показателей и такие, которые легко можно заменить отдельными словами того же языка: *pikuham* — он ломает *с силой*, *pikuskum* — он ломает *ногой*, *pikutum* — он ломает *зубами*, *pikunum* — он ломает *рукой*, *pikupittum* — он ломает *выдергивая*, *pikusum* — он ломает *подрезая*. Много примеров показателей такого излишества можно найти и в морфологии языков культурных народов: таково, например, различие трех грамматических родов в индоевропейском языке в позднейший период его развития, что отчасти сохранилось и у его потомков, в том числе в славянских языках; двойственное число, которое до сих пор существует в языках литовском, украинском, словенском, кашубском и лужицком (Меланезийцы имеют еще тройственное число, а туземцы Маршалльских островов — четверное число); чрезвычайное богатство видовых глагольных оттенков в славянских языках вообще, а в болгарском в особенности, например, *метех* ‘*подметал*’ — без временного ограничения; *метох* ‘*подметал*’ — с определенной, временной протяженностью, *пометох* ‘*выметал*’ — совершенный вид; русское *ходил* и *хаживал* — многократность; в чешском наряду с *chodival* (*хаживал*) возможны и такие формы, как *chodivával* и т. д.

3. Большая легкость при усвоении языка обеспечивается тем, что состав корня не выходит за границы того, что необходимо для

выражения соответствующих значений при условии комбинирования с теми общими значениями, которые свойственны формальным признакам. Из двух языков более легким будем считать тот, в котором реже встречается такое разнообразие синонимичных корней, как, например, в украинском — *гарний, краций, ліпший; брати, узяти; іду, йшов, ходив* (с исторической точки зрения, *йшов* одного корня с *ходив*), греческое *fero* 'несу'; *ojsa* 'понесу'; *enegka* (*enenka*) 'понес'; латинское *fero* 'несу'; *tuli* 'понес'; *latum* 'чтобы понести'; или русское: *петух — курица — цыпленок* (словенское *kur — kurica — kure*; украинское *кур — курка — курча*; или русское *тигр — тигрица — тигренок*).

4. Наконец, более легким будет тот язык, звуковые символы которого отличаются простотой передачи соответствующих понятий и легкостью их произношения.

Несомненно, что короткие слова легче запомнить и воспроизвести. Не случайно люди, которые не имеют грамматической подготовки, так упрямо отбрасывают конечное *-ся* в длинных отглагольных прилагательных: русское *вольнопределяющий (-ся), кажущее(-ся)* и т. д. Однако, что касается легкости или трудности произношения, то тут оценка очень часто бывает субъективной: украинское *ч*, которое так легко произносит украинец, очень трудно для француза, который вместо него употребляет *ш*, и напротив — обычное для француза *ф* (*f*) неграмотный украинец едва выговаривает, а более легким кажется ему замена *ф* на *хв*. Хотя и существует опасность субъективной оценки, однако можно отыскать признаки объективного характера. Гутцманн, например, в своем исследовании звуков в языке ребенка и языках первобытных народов (*Gutzmann. Zeitschrift für pädagogische Psychologie. I, S. I, 1899*) определяет степень трудности произношения звуков на основе анализа мышечных движений, необходимых при произношении. Принимая этот физиологический критерий, мы должны будем украинское *г* считать более трудным, чем глухое *х*, так как в образовании первого участвует еще и работа голосовых связок, что и придает этому звуку характер звонкого. Аффрикаты, то есть сложные согласные — соединения взрывного согласного с последующим протяженным... куда труднее с физиологической стороны, чем соответствующие им взрывные согласные: *ц* труднее по артикуляции, чем *т*, украинское *дз* (например, в слове *дзвін*), труднее *д* и т. д.

На основе этих критериев вопрос о развитии наших языков в сторону их легкости решается такими способами.

Существует теория, согласно которой индоевропейские языки имеют общую тенденцию заменять изменчивые и зависимые признаки на постоянные и независимые. Обоснование этой теории дает М. Бреаль в своем исследовании «*Essai de sémantique*» (1904), где он приводит много примеров из греческого, английского и романских языков. Воссоздавая морфологические системы индоевропейских языков, например, систему именного склонения, мы убеж-

даемся, что современные языки сделали большой шаг в деле создания постоянных, неизменных и независимых признаков. То же самое, только не так выразительно, замечаем и на более ограниченном временном протяжении в сыновних праязыках — праславянский, прагерманский, прагерманский. Иллюстрирую эту теорию только славянскими примерами.

Праславянский язык получил в наследство от предыдущей балто-славянской эпохи (эпохи совместного существования современных литовского, латышского и славянских языков) ряд основ, которые имели довольно разнообразные окончания. Так, например, после многочисленных фонетических изменений и влияний грамматической аналогии в старославянском языке (староболгарский), а его памятники датируются X—XI веком, отмечаем такие образцы склонения: 1) именительный — камы, родительный — камене, дательный — камени и т. д., 2) слово, словесе, словеси и т. д., 3) матери, матери, матери и т. д., 4) црькы, црькве, црьквы и т. д., 5) по^нть, по^нти, по^нти, творительный — по^нтьмь и т. д., 6) кость, кости, кости, творительный — кости, 7) сынъ, сыноу [у], сынови, 8) рабъ, раба, рабоу [у] — и параллельно с этим пример мягкого окончания: конь, кон'о^н, коню и т. д., 9) село, села, селоу [у] — и параллельно пример с мягкой шипящей перед окончанием, 10) жена, жены, женѣ — с параллельным мягким примером и еще несколько других.

В современном русском языке склонение имен существительных мужского рода почти ограничилось образцом *молот* с параллельным мягким *конь*, женский род двумя образцами: *жена* наряду с мягким *земля* и *кость*, средний род — одним образцом *село*, наряду с ним мягкой *поле*.

Такие исключения, как *дитя*, *путь*, *дочь*, отмирают на наших глазах: формы *дитяти*, *дитятею* почти исчезли из употребления <...>

Склонение *дочь* в повседневном языке заменяет склонение *дочка*, а образцы *темя*, *время* и т. д. даже у писателей начала XIX века часто склоняются так: «Выше темя (вместо *темени*) гор» (Кольцов), «что скрыто до время» (Пушкин). Такие явления замечаем и в других славянских языках.<...>

В глаголе существующих славянских языков также замечаем исчезновение праславянских форм — прошедшего незаконченного (имперфекта) и аориста (прошедшего законченного): эти формы исчезают... что можно проследить по памятникам. В этом также проявляется склонность ограничить насколько возможно формальные символы, которые существуют для отдельных значений. Формы причастий на -лъ, -ла, -ло, которые в большинстве языков соединялись со вспомогательным глаголом, а иногда и без него заняли место прежнего прошедшего незаконченного (имперфекта) и аориста, имели тот перевес перед последними, что окончания их были постоянными, а сам строй корня позволял различать значения законченного или незакон-

ченного (многократного) действия: *пил — выпил-л, принима-л — принял-л*. В этом случае видовой признак еще и в флексии становится излишним и таким образом происходила эволюция в направлении экономии способов...

В той системе форм индоевропейского праязыка, который воссоздается как первоначальный с помощью метода сравнительной грамматики, приходится констатировать такое цветистое разнообразие признаков, что, сравнивая его с новыми языками, нельзя не заметить, как эта система действительно упростилась.

Однако следует отметить, что в различных языковых областях это поступательное развитие к упрощению не везде одинаково: английский язык представляет собой в этом отношении очень развитый тип, к нему приближается французский, а наиболее архаичными остаются языки славянские и литовский.

Вследствие отбора, например, в языке английском, повоперсидском, грамматический род почти исчез (остатки его сохранились, возможно, лишь в наиболее архаичных местоимениях), в романских и балтийских остался только мужской и женский род, в северогерманских — только мужско-женский и средний. Склонность к уничтожению грамматического рода в славянских языках есть также и в болгарском языке, где древние различия, относящиеся к содержанию, заменяются сугубо формальными: *баща-та...* 'отец', *учителе-то* 'учитель', *войвода-та* 'вождь'. В говорах русского языка (южнорусских, очень акающих) исчезает средний род. Имена существительные среднего рода с ударением не на окончании переходят в женский род: *май палатѣнца, ва́ша дѣла* и т. д.

Двойственное число почти исчезло в современных индоевропейских языках и даже в тех, где оно существует (из славянских — главным образом в украинском, кашубском и лужицком), оно не имеет уже полной системы прежних форм и постепенно отмирает наряду с развитием культуры. Интересно отметить, что в литературном языке оно встречается куда реже, чем в языке народном.

Сокращение размеров слова в индоевропейских языках происходило по различным причинам, из которых наиболее важная —

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если же можно употреблять слова как попало и под словами разумеать что нам вздумается, то лучше уж не говорить, а показывать все знаками.

Л. Н. Толстой. О ЖИЗНИ

переход от этимологического, тонического (музыкального) ударения, обычного для произношения (это подтверждает древнегреческий язык и санскрит) к ударению экспираторному (выдыхательному), которое либо целиком заняло место первого (например, в немецком), либо стало преобладающим, как в большинстве славянских и балтийских языков. Безударные слоги во многих языках начали сокращаться в определенных положениях, процесс этот еще и сейчас заметен в ряде языков, между прочим, и в русском. Конечные звуки слов очень изменились во всех индоевропейских языках, так что, например, конечные взрывные индоевропейского праязыка заметны только у древних представителей индо-иранской и итальянской языковых областей. Очень распространено было также упрощение двойных согласных.

Общепризнанным образцом этого — даже с первого взгляда — является английский язык. Но если бы мы захотели ограничиться только славянской семьей, то и тут мы заметили бы большую склонность к сокращению размеров слова. Еще праславянский язык утрачивает конечные согласные, так что слово могло заканчиваться либо полным гласным, либо кратким (так называемые глухие гласные *ъ, ь* происходят от индоевропейских звуков, а отчасти и от новых, которые появились по многим фонетическим причинам — **u* (краткое *y*) и **i* (краткое *i*). Далее, важным шагом было образование носовых гласных из различных сочетаний гласных с носовыми согласными и некоторые другие явления. Наконец, очень способствовало сокращению слова исчезновение конечных редуцированных, которое происходило во всех живых современных языках: украинское *дим* вместо древнего *дымъ*, где *ъ* произносилось, или *конь* вместо древнего *конь* с самостоятельным гласным *ь*.

Что касается облегчения произношения, то хотя этот процесс трудно измерить, все же можно допустить, что и он был достаточно распространен в истории наших языков. Имею в виду, например, такие явления: носовые гласные заменены чистыми гласными в русском, чешском, болгарском, сербском и др.; двойной гласный *ъ* заменился в большинстве языков простым, монофтонгом; особенно большую роль сыграло исчезновение в большинстве языков этимологического количества слога (различные степени долгих и кратких гласных), а также исчезновение этимологических ударений. Постоянное явление, которое облегчает произношение, это обычный для многих языков переход конечных звонких согласных в соответствующие глухие.

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ЛИТЕРА ТУРНЫЕ СТИЛИ КИЕВСКОЙ РУСИ

В 1834 году А. С. Пушкин в незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» писал: «Старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей... „Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» (Полное собрание сочинений. М., 1958, стр. 307). С тех пор, как написаны эти строки, прошло более 130 лет. За это время наши сведения о древнерусской литературе неизмеримо расширились, обнаружены и изучены сотни литературных памятников, и сейчас никто уже не станет сравнивать древнерусскую книжность с пустыней. И все же для неспециалиста знакомство с древнерусской литературой порой ограничивается «Словом о полку Игореве», и он может задать вопрос: «А известны ли нам предшественники автора „Слова“? Не было ли оно, как писал когда-то Пушкин, действительно „уединенным памятником“?» Конечно, нет. И цель нашего очерка — познакомить читателя с литературой Киевской Руси, в частности, с литературными стилями той эпохи.

В литературе XI—XIII веков известны произведения различных жанров: летописи, хроники, бытовые и исторические повести, жития святых, апокрифы, торжественные ораторские сло-

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ва, сборники афоризмов и т. д. Отдельные жанры обладали стилями, присущими только им, а такие, как летописи, характеризовались более сложной системой: летописец переходил от одного стиля к другому в зависимости от того, рассказывал он древнюю легенду, описывал распри князей-современников или предавался философским раздумьям о судьбах Родины.

Если понимать под стилем подчиняющуюся особым нормам манеру изложения, связанную с характером содержания произведения, то следует признать, что большая часть летописи представляет собой стилистически нейтральное повествование. Но наряду с ним мы находим по крайней мере два отчетливо выраженных стиля: эпический и монументального историзма (по определению исследователя древнерусской литературы Д. С. Лихачева). К эпическому стилю летописец обычно обращался, излагая народные легенды. Примером может служить рассказ о смерти Олега, вошедший в Повесть временных лет — летописный свод, созданный в начале XII века (этот и другие древнерусские тексты мы воспроизводим со значительными орфографическими упрощениями).

И приспе осень, и памяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити (которого поручил кормить) и не вседати на нь, бе бо преже вопрошал волхвов и кудесник: «Отчего ми есть умерети?». И речи (сказал) ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ездити на нем, от того ти умерети». Олег же прим в уме си (запали эти слова в голову Олегу), рече: «Николи же (никогда уже) всяду на нь, ни вижю его боле того». И повеле кормити и не водити его к нему, и пребы неколико лет, не виде его, дондеже и на грекы иде (пока не пошел на греков). И пришедшу ему Киеву и пребывшу 4 лета (и когда вернулся он в Киев и пробыл там четыре года), на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умерети (от которого предрекали волхвы умереть). И призва старейшину конюхом рече: «Кде есть конь мой, его же бех поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерл есть». Олег же посмеяся и укори кудесника, река (сказав): «То ти неправо глаголють волсви, но все то лжа есть: конь умерл есть, а я жив». И повеле оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на место, иде же беша лежача кости его голы и лоб (череп) гол, и сседе с коня, и посмеяся, рече: «От сего ли лба смерть было взяти мне?». И вступи ногою на лоб, и выникнувши змиа изо лба и уклону и (его) в ногу. И с того разболеся, и умре.

Перед нами как будто записанное со слов предание, где отчетливо проступают характерные для устного рассказа черты: короткие фразы, разговорные интонации диалогов, отсутствие описаний и украшающих эпитетов, и лишь лаконичное упоминание отдельных деталей помогает образно представить происходящее (например: «лоб гол», на который « вступи ногою» князь и из которого «выникнула» «уклонувшая» князя змея).

Эти черты эпического стиля особенно очевидны при сопоставлении со стилем монументального историзма. К нему летописец прибегал в рассказах о каких-либо значительных событиях современности: описывая битву, вступление «на стол» нового князя, смерть и погребение князя и т. п. В изображении летописца,

обращающегося к этому стилю, человек и событие утрачивают какие бы то ни было индивидуальные черты: человек становится персонализированным воплощением абстрактных добродетелей или, напротив, пороков, а описание события, лишенное конкретных деталей, также превращается в обобщенную схему. Именно эта установка позволяла летописцам излагать разные события в сходных выражениях, порой буквально повторяя одни и те же традиционные обороты речи. Примером монументального стиля может служить описание похорон князя Изяслава:

И не бе лзе (и нельзя было) слышати пенья во плачи велице и вопли: плака бо ся по нем весь град Киев. Ярополк же идяше по нем, плачяся с дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси пожил бес печали на свете сем, многи напасти приим от людей и от братья своєю? Се же погыбе не от брата, но за брата положи главу своєю». И принесше положиша тело его в церкви святыя Богородица, вложивше и (его) в раку (гробницу) мраморную. Бе же Изяслав муж взором красен (красив с виду) и телом велик, незлобив нравом, криваго (лживого) ненавиде, любя правду.

Описание, на первый взгляд, кажется строго фактологическим. Однако если мы сравним несколько описаний похорон, то обнаружим не только сходство композиции (упоминание о всенародном оплакивании князя, указание на церковь, где он был погребен, характеристика умершего, состоящая из перечисления его добродетелей), но и употребление одних и тех же традиционных выражений: подобные описания строятся по определенным правилам, подчиняются особому «литературному этикету».

Кратки и естественны реплики персонажей в рассказах эпического стиля, прозаичны и «документальны» слова князей в стилистически нейтральном летописном повествовании. Лишь в монументальном стиле встречаются пространные монологи, построенные при этом по всем правилам высокого ораторского искусства, например, монолог Игоря Новгород-Северского (героя «Слова о полку Игореве») в рассказе Ипатьевской летописи о походе 1185 года.

Дружина Игоря разгромлена. Еще сопротивляющийся князь молит «души своей смерти», чтобы не видеть «падения брата своего», Всеволода, окруженного врагами и так яростно сражающегося, что и оружия «в руку его не доста». В отчаянии Игорь восклицает: «Где пыне возлюбленный мой брат? Где пыне брата моего сын? Где чадо рождения моего? (т. е. сын Игоря.— *О. Т.*) Где бояре думающие? Где мужи храбростьующей? Где ряд полчный? (Где строй воинский?) Где кони и оружия многоценная? Не ото всего ли того обнажихся?». Ряд риторических вопросов с анафорами (повторение начала) заканчивается вопросом, по существу являющимся ответом на все предыдущие. Всего лишился Игорь: и близких, и соратников, и войска, и «оружья многоценного». Эта фраза — блестящий композиционный финал всего монолога. Обратим внимание на интересную деталь. Употребленные здесь эпитеты — это названия качеств, представленных как деяния:

бояре не «мудрые», а «думающие» — те, с которыми постоянно советовался князь; мужи не просто «храбрые», а «храборьствующие» — постоянно проявлявшие свою воинскую доблесть. Эта же характерная древнерусская черта встречается и в «Слове о полку Игореве»: там не говорится, например, что ночь темна — она меркнет; не описывается мутная вода реки, а упоминается, что реки мутно текут; не сказано, что на серебряных берегах Донца зеленая трава, а говорится, что Донец стелет зеленую траву на своих серебряных берегах.

К стилю монументального историзма летописец прибегает и в описании разоренной половецкими набегами Русской земли. Пленники, которых половцы угоняют в свои кочевья, бредут «стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми (цепенеющие от холода), в алчи и в жажи (страдающие от голода и жажды) и в беде, опустевше лица (с осунувшимися лицами), почерневше телесы; незнаемую страну, языком испаленым, назии (нагие) ходяще и боси, ногы имуще сбодены (изранены) терньем, со слезами отвещеваху друг к другу, глаголюще: „Аз бех сего города“, и други: „Яз сея вси“, тако соупрашаються со слезами, род свой поведающе». Построенное на параллелизме перечисление тягот и страданий, которые испытывают пленники, угоняемые в «незнаемую страну», исполнено большой эмоциональной силы. И совершенно блестящая деталь — лаконичный, но необычайно искренний, словно возвращающий нас в эпический стиль, диалог: «Аз бех сего города» — «Яз сея вси». Воспоминание о родных городах и селах — единственная ниточка, связывающая пленников с далекой Русью, а общее несчастье заставляет тянуться друг к другу прежде не знакомых соотечественников.

Особая разновидность стиля монументального историзма — агиографический стиль, стиль житий (рассказов о жизни и благочестивых подвигах людей, которых церковь почитала как святых). Агиографический стиль также подвластен литературному этикету, также широко пользуется традиционными формулами: в сходных выражениях рассказывается, например, о рождении святого от благочестивых родителей, о годах его учения «божественным книгам», о том, как юный праведник отказывается «исходить» на игры с детьми и т. д. Но в житиях встречалось немало разнообразных, «бытовых» по своим деталям, эпизодов, например, описаний чудес, совершаемых святым. Он не только исцелял благочестивых христиан или, напротив, насылал болезнь на грешников, но мог по просьбе мирян или монахов изгнать бесов из хлева, где «скот затворяем», или чудесным образом наполнить мукой пустой сусек оскудевшего монастыря. И даже в такого рода рассказах, где мы могли бы ожидать, как и в летописи, стилистически нейтрального повествования, ощущается влияние агиографического стиля. Приведем рассказ одного из древнейших русских житий о том, как

Киево-Печерский игумен Феодосий чудесным образом накормил посетившего монастырь киевского князя Изяслава.

Боголюбивый же князь Изяслав... любовь имея, яко же речеся, не прусту к отцу нашему Феодосию и часто приходя к нему и духовных тех словес насыщаяся от него. И тако в един от дний пришедшу тому и в церкви сидящема има (пришел тот, и сидели они оба в церкви) на божественей той беседе, и год бысть вечерний (был уже вечер); тако же сий христороубец обретесе ту, с блаженным и с честною братиею на вечернем славословии. И абие (вдруг) божиею волею дождю велику леющюся, блаженный же видев тако належание дождю, призвав же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерь брашна (еды) на ядь князю». Тогда же приступи к нему ключарь (ключник), глагола: «Господи отче!» Меду не имам (нет у меня меду), еже на потребу пити князю и сущим с ним». Глагола тому блаженный: «Ни мало ли имаши?» Отвеща он: «Ей, отче яко ни мало не имам, беаше бо, яко же рече, опроверотил таковой сосуд тощ (пустой) и пиц положил». Глагола тому паки (снова) блаженный: «Иди и смотри истее (лучше), еда (ну, как) осталося или мало что от него будет». Он же отвещаваше, рекый (говоря): «Ими ми веру, отче, яко и сосуд ть (тот), в нем же бе таковое пиво (напиток) опроверотил и тако ниц положил». То же блаженный, иже поистине исполнен духовных благодети, глагола тому съ: «Иди и по глаголу моему и во имя господа нашего Иисуса Христа обрящети мед в сосуде том». Он же веру им (поверив) блаженному отъиде и пришед в храм (здесь — в кладовку) и по словеси святаго отца нашего Феодосия обрете бочевь (бочонок) ту праве положену и полную сущу меду.

Мы видим, что агиограф, несомненно, стилизует свой рассказ: он избегает конкретных и бытовых названий, обходясь перифразстическими или более общими наименованиями: бочонок он называет сосудом, вечерню — вечерним славословием, монахов — честной братией, мед — таковым пивом. Даже о персонажах автор предпочитает говорить описательно: князя Изяслава называет христороубцем, игумена Феодосия — блаженным. Часто употребляются указательные местоимения: «пришедшу тому», «сий христороубец», «глагола тому», «то же блаженный» (т. е. тот, о котором идет речь). Тем самым повествование как бы искусственно замедляется, становится более степенным, величественным. Иногда указательные местоимения выступают в роли определений, но совершенно абстрактных, по существу ничего не сообщающих о предметах или понятиях, к которым они относятся: «духовных тех словес», «на божественей той беседе», «опроверотил таковой сосуд».

В этом житии есть такой эпизод: монастырь собрались ограбить разбойники, но церковь после молитвы Феодосия вместе с молившимися в ней поднялась под облака и оказалась недосягаемой для грабителей. На протяжении всего рассказа слово «разбойники» встречается лишь один раз. В остальных случаях его заменяют местоимения: «си же мневше», «о нем мнящем», «приходящим им», «они отшедше», «они же видевшие», «старейшине их» и т. д., один раз оборот: «злии ти человеци».

Эти особенности агиографического стиля выступают особенно наглядно при сопоставлении рассказов об одном и том же событии

в летописи («Повесть временных лет» под 1073 годом) и Житии Феодосия. В летописи говорится:

Воздвиже дьявол котору (распри) в братьи сей Ярославичих. Бывши распри между ими, быста с себе (объединились) Святослав со Всеволодом на Изяслава. Изыде Изяслав ис Киева, Святослав же и Всеволод внидоста в Киев, месяца марта/22, и седоста на столе на Берестовом (княжеское село под Киевом — О. Т.), преступивша заповедь отню. Святослав же бе пачало выгнаныю братню, желая большее власти.

Все совершенно ясно: имена участников распри, время и место события и даже его причина («желая большее власти»).

Сравним рассказ Жития:

Бысть в то время смятение некако от вселукавнааго врага в трех князех, братии сущем по плоти, яко же двема брань сотворити на единого старейшааго си брата, христолюбца, иже поистине боголюбца Изяслава. То же (тот же) тако же прогнан бысть от града стольнааго, и онема пришедшема в град т (тот).

В летописи событие названо прямо — котора, распря. В Житии — смятение некако, дьявол назван иносказательно — вселукавный враг, Киев — град стольный, град тот. Время события — неопределенное «то время», хотя перед этим никакие конкретные события не указывались. Но самое поразительное, пожалуй, то, что ни здесь, ни в последующем тексте не названы противники Изяслава. Если учесть, что Житие было написано, по крайней мере, через пятнадцать лет после этих событий, то не приходится думать, что автор полагался на осведомленность современника. Дело в определенной стилистической тенденции. Она дает о себе знать уже в Киевскую эпоху, но расцвета достигает позднее, в XIV—XV веках. Характеризуя язык житий того времени, Д. С. Лихачев пишет: «Из высоких литературных произведений по возможности изгоняется бытовая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны, некоторые исторические припоминания и т. д.». Так, посадника автор называет «вельможа некий», князя — «властитель той земли». «Изгоняются собственные имена, сныя действующее лицо эпизодично: „человек един“, „муж некто“, „некая жена“, „некая дева“, „некто в граде“». (Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. Конец XIV — начало XV в. М.—Л., 1962, стр. 53—54). С отдельными элементами этого стилистического приема мы встречаемся и в Житии Феодосия Печерского.

И эпический, и монументальный, и агиографический стили употреблялись в произведениях повествовательных. В произведениях ораторской прозы — торжественных и учительных словах, посланиях — применялся другой стиль — образно-метафорический. Примером этого стиля может служить «Моление Даниила Заточника».

Оно написано в форме послания к князю, у которого Даниил просит заступничества. Не важно, было ли «Моление» действительным посланием к князю или же всего-навсего литературной мистификацией. Гораздо важнее созданный в произведении образ его автора. Даниил рекомендует себя как человека «крепкого в словесех». «Аз,— говорит о себе автор,— не во Афинех ростох, ни от философ научихся, но бых падая аки пчела по различным цветом и оттуду избирая сладость словесную и совокупляя мудрость, яко в мех воду морскую». И все «Моление» — каскад различных риторических фигур, типичных для образно-метафорического стиля: развернутых сравнений, смелых метафор, противопоставлений, афоризмов, каламбуров. Вот несколько примеров стиля «Моления»: «Вижду, господине,— обращается Даниил к князю,— вся человеки, яко солнцем греими милостию твоею, точию (только) аз един, яко трава, в застени (в тени) израстуци, на ню же ни солнце сияет, ни дождь идет: тако аз хожю во тме, отлучен день и ночь света очию твоею»; «Яко же паволока (дорогая ткань), испестрена многими шолки, красно лице являет (прекрасна с виду), такс и ты, княже наш, умными бояры предо многими людьми честен еси (в чести, в почете), и по многим странам славен явися»; «Лучше бы ми воробей испечен приимати от руки твоей,— говорит Даниил князю,— нежели бораць плечо от государей злых»; «Княже мой, господине! Кому Переяславль, а мне Гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено...».

Характерно, что в сравнениях, метафорах и антитезах образный стиль (особенно в памятниках светских) широко использует самые «бытовые» понятия, с которыми сопоставляются понятия абстрактные: могущество и слава князя уподобляется расшитой узорами ткани, его щедрость — неводу, который не удержит воды, «но избирает множество рыб». Прекрасно развито в образно-метафорических стилях чувство звуковой формы слова. Широко применялись сочетания однокоренных или созвучных слов, рифмовка параллельных синтаксических конструкций: «О светло светлая и украсно украшена земля Руская», «опуташа в путины железны», «под шеломы взлелеяны, конец конья вскормлены», «ни очима видима, ни слухома слышима», «Лаче озеро... плача исполнено».

В небольшом очерке трудно представить все стилистическое богатство древнерусской литературы XI—XIII веков. Но и приведенные примеры позволяют судить о богатых возможностях древнерусского литературного языка и мастерстве древнерусских писателей — предшественников и современников безвестного автора «Слова о полку Игореве».

Кандидат филологических наук
О. В. ТВОРОГОВ

«Иль на щите иль со щитом...»

Из «Рыцарского романа» М. И. Глинка
на слова Н. В. Кукольника

По свидетельству Плутарха, спартанка, провожая сына на войну, вручила ему щит со словами: «С ним или *на* нем», т. е. возвращаясь победителем (со щитом) или погибши со славой (павших в бою выносили с поля битвы на щите) (см.: Н. С. и М. Г. Апукины. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1966). За фразеологизмом *Со щитом или на щите* закрепилось переносное значение «стать победителем или побежденным».

Однако не всегда выражение правильно понимается и употребляется: *на щите* «поражение» — *со щитом* «победа». И один из первых сигналов о неблагополучии исходил от И. Ильфа и Е. Петрова: Польшаев, ездивший в центр отстаивать права «Геркулеса» на помещение бывшей гостиницы «Каир», «вернулся, как выразился Бомзе, на щите, помещение осталось за „Геркулесом“...» (Золотой теленок). Здесь вопреки установившемуся значению *на щите* обозначал не поражение, а победу, причем эта ошибка вложена в уста подхалима и хамелеона Бомзе. Но вот текст спортивного отчета: «Определились первые победители... „На щите“ был и другой столичный динамовец — Владимир Родомский. Всего несколько секунд не дотянул он весной в первом туре этих соревнований до нормы мастера спорта. А вот теперь мастерский рубеж позади» («Комсомольская правда», 18 августа 1962). И здесь *на щите* понимается как победа.

Причину этой ошибки можно понять, если вспомнить, что в современном русском языке есть еще один «похожий» фразеологизм: *Поднять на щит*. Он означает «превозносить, восхвалять кого-нибудь» (от обряда провозглашения императором древнеримскими legionерами победоносного вождя, см. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова). В рассматриваемых нами случаях значение части фразеологизма *на щите* пересмыслено явно под влиянием фразеологизма *поднять на щит*: в последнем превозносится тот, кто «на щите» (уж, наверное, не побежденный), стало быть, и в первом выражении *на щите* также должно обозначать победителя...

Но если рассуждать так, то вполне вероятно ожидать и нового — в соответствии с ложно понятым *на щите* — обозначения поражения. И вот, пожалуйста: «...он (Бомарше) оказывается то под щитом — в тюремном заключении, то на щите — в роли тайного агента власти, которому поручаются самые delicate миссии...» (Элизабет Маньян. Три часа в гостях у Бомарше. Перевод с французского. — «Литературная газета», 20 декабря 1966). Здесь уже новая система координат «победа — поражение» выявилась полностью: *на щите* обозначает победу, *под щитом* — поражение. Логика торжествует.

Впрочем, справедливость требует отметить, что пример *под щитом* встретился уже в повести А. С. Макаренки «Флаги на багнях» (1938) в диалоге между начальником колонии и хозяйственником:

«Поздно вечером в кабинете Захарова Соломон Давидович... с большим энтузиазмом готовился к новому своему делу: снабжению и сбыту. И сказал Захарову:

— Со щитом или под щитом, а снабжение у нас будет неплохое, к вашему сведению.

— Надо говорить «со щитом или на щите», Соломон Давидович. Так греки говорили.

— А «под щитом» они не говорили?

— Нет, не говорили, Соломон Давидович.

— Под щитом, значит, им было без надобности?

(Окончание на стр. 32)

РИТМЫ СЧИТАЛКИ В СТИХАХ МАЯКОВСКОГО

Я. А. САТУНОВСКИЙ

Напомню тем взрослым, которые уже забыли, что такое считалки. Это — стихи, исполняемые детьми перед игрой вместо жребия: кому водить, кому жмуриться, кому играть роль волка, лисицы и т. п.

Вот как описывал известный ученый-фольклорист П. В. Шейн в книге «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» процесс «конания» (исполнения считалок): «Все желающие участвовать в игре становятся в ряд или круг, и старший или старшая из них, обходя ряд или круг, говорит в такт один какой-либо из приговоров, притрогиваясь слегка рукою при каждом слове к плечу или груди каждого из участвующих» (т. 1. СПб., 1900, стр. 38). При всем своем служебно-игровом характере считалки обладают несомненными поэтическими достоинствами. Важнейшие элементы поэтики считалок чрезвычайно близки поэтике и эстетике Маяковского. К их числу относится и ритм — основа, по Маяковскому, всякой поэтической вещи. «Поэзия Маяковского есть поэзия выделенных слов по преимуществу». Существует большой класс считалок, к которым данная формула Р. Якобсона полностью приложима. Поэзия таких считалок есть «поэзия выделенных слов». Вот несколько примеров (стихи записаны «лессенкой», чтобы лучше передать способ их произнесения детьми):

Тпруши,
бычок,
по дорожке
течет;
хомут
не свой,
погоняй,
не стой.

Тетка
Арина
коров
доила,
блины
пекла,
со двора
стекла.

Село
расцвело:
бабы
не встают,
петухи
не поют.

Конь
ретивый
с длинной
гривой
скачет
по полям
тут
и там.

Катилася
торба
с высокого
горба.
Там
рожь
и
пшеница.
С кем
хочешь,
с тем
делися.

Чья
кошна
на моей
кошпе?
Скинь
долой,
вези
домой.

Налим.
налим,
на реку
ходил,
рыба
карась,
ты
убирась.

Вряд ли нужен специальный анализ, чтобы почувствовать близость ритма этих считалок ритму таких двухударников Маяковского, как, например:

В смокинг вштопорен,
побрит что надо,
по гранд
по опере
гуляю грандом.

Четверо сосулек
свернулись,
уснули.

Приходят
люди,
ходят,
будят.

Окна
разинув
стоят магазины...

Широко распространены многочисленные варианты считалок со словами, имеющими «озаумленные» латинские корни: «Ум, друм, рэ, фатер, фитер, же, уну, дуну, раба, фатер, фитер, жаба». Ритм этих стишков и таких счи-

талок, как «Раз, два, три, стара баба ты», «Анс, цвей, драй, Лида, Лида, лай», близок к ритму «маршевых» трехударников Маяковского в «Нашем марше»:

Дней бык пег,
медленна лет арба.
Наш бог бег,
Сердце наш барабан.

Кстати, в этом стихотворении имеются строки, не только ритмически близкие к считалкам, но и перекликающиеся с детским поэтическим фольклором («по самой строчечной сути»). В качестве считалок часто применяются «заклички» — обращения к радуге, дождю и т. п.:

Радуга-дуга, не давай дождя, давай солнышка, колоколнышка.
Радуга-дуга, перебей дождя.

Маяковский в «Нашем марше» писал:

Радуга, дай дуг
лет быстролетным коням.

В «III Интернационале»:

Серп
огнем играя
обнимайся с молотом радугой дуги.

А в «Дачном случае»:

Вверху
зеленеет
березная рядь
и ветки
радугой дуг.

С известными закличками: «Дождик, дождик, перестань, мы поедем в Арестань», «Дождик, дождик, припопнь» — перекликается написанная Маяковским реклама Резинотреста:

Дождик, дождь, впускую льсьнь —
Я не выйду без галош.

Близки к считалкам и детские стихи Маяковского. Еще в 1940 году М. Китайник в статье «Детский фольклор и детская литература» указывал, что, например, начало «Сказки о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» — типичная народная считалка, приближающаяся по своим интонациям к традиционным числовым («Детская литература», 1940, № 5):

Жили — были
Сима с Петей.
Сима с Петей
были дети.
Пете 5,
а Симе 7 —
И 12 вместе всем.

Есть такая считалка:

Три ста, три листа,
голубей полста,
конь-переконь
золотым узлом.

Этот «конь-переконь» напоминает заглавие еще одного детского стихотворения Маяковского — «Конь-огонь». В стихотворении есть такие строки:

Сын
отцу твердил раз триста

и дальше:

спросил
и вынес три листа
отличнейшей картонки.

Правда, никаких «голубей» и «золотого узла» в стихотворении нет (есть «голубые глаза, в желтых яблоках бок»), и поэтому возможно, что совпадение некоторых элементов здесь чисто случайное.

Способы выделения слов

Подобно стихам Маяковского, рассмотренные выше считалки написаны в системе акцентного стиха, или ударника, структура которого, как известно, опирается на равное количество логически сильных ударных слов, а не на количество стоп, как в силлабо-тоническом стихе. Ударные считалки интонационно близки к стиху Маяковского. Их близость обусловлена рядом факторов: словарным составом языка, крайним лаконизмом выражения и главным образом той «выделенностью слов», о которой было сказано выше.

Исследователи показали, что «выделенность слов» в стихах Маяковского обусловлена интонационным разобщением отдельных членов речи, ее особым синтаксическим строением. «Ритм и синтаксис Маяковского на каждом шагу объясняют друг друга», — писал Г. О. Винокур в книге «Маяковский — новатор языка» (М., 1943).

Наиболее простой и, как заметил Г. О. Винокур, очень распространенный у Маяковского тип дробного построения речи из разобщенных слов или словосочетаний — это перечисление предметов, лиц, названий, применение изолированных именительных падежей, обычно нескольких подряд, без глаголов:

В мягкой постели
Он,
фрукты,
вино на ладони почного столика.

—
Не высидел дома.
Липенский, Тютчев, Фет.
Спать
тоскою к людям ведомый
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.

—
Сразу —
люди,
лошади,
фонари,
дома
и моя казарма
толпами
по сто
приулился на улицу.

Огромное количество таких «перечислительных конструкций» содержат и считалки:

Щетки, гребенки, ножницы, вон.
Чух, рюх, белый дух.
Ступа, лупа, крест, пест.
Спинка, брюшко, рак, лягушка это — детская игрушка.

Соколянский день, соколянка, дворянка, сокол, вылетай.
 Сито, корыто, мука, решето.
 Пьявица, жук, грязный пук.
 Плешки, медешки, чай, сахарок.
 Ниточка, иголочка, синенька стеклочка.
 Нижник, вышник, краля, король.
 Краюшечка, горбушечка, ломтик, пол-ломтика, царь, царица, красная девица.
 Кузница, гребенка, потник, молоток, убирайся под порог.
 Калина, малина, красная смородина, утюг.
 Кашица, Мапка, ты пятпашка.
 Вера, Надежда, Любовь, свекла, картошка, морковь.
 Чашки, орешки, медок, солодок, поди вон, королек.
 Стульчик, мальчик, сам король подвалился под горой.

Функции обособленных именительных у Маяковского разнообразны, они могут служить для обозначения места и обстановки действия, для решения других художественных задач. В считалках изолированные именительные падежи служат иной цели. Они как бы заменяют отсутствующие числа. «Счет» в считалках — это каркас, вокруг которого строится стихотворение. Поэтому в состав многих считалок входят числительные (без существительного при них), стоящие в положении изолированного именительного:

Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять.
 Раз, два — кружева, три, четыре — прицепили, пять, шесть — кашу есть, семь, восемь — сно косим, девять, десять — белый месяц,
 11, 12 — на улице бранятся, 13, 14 — перо и чернильница, 15, 16 —
 позвольте расписаться.
 Ази, двази, тризи, низи, шума, рума, дуба, крест, пошел Ванька в лес,
 срубил палку, убил галку — на, собака, ешь.
 Первички, другички, на колобе, на желобе, ставка, плавка, сучок, обру-
 чок, мотовильце, рожок, поди вон, пирожок.
 Первенчики, друженчики, летали голубенчики, по божьей росе, по по-
 повой полосе.
 Перводаи, другодаи, на колоде барабан, пятнёрка, тетёрка, утюг.
 Янзы, дванзы, трипзы, волынзы, нята, лата, шухтер, бухтер, квантер,
 син.

В стихах Маяковского также встречаются числительные в положении изолированного именительного:

Я живу на Большой Пресне.
 36, 24.

—
 Что теперь?
 Оди заорал, толгу растя,
 Второму прибавидя
 третий, четвертый.

—
 «Приду в четыре», — сказала Мария.
 Восемь.
 Девять.
 Десять...

Однако этот способ интонационного разобщения речи, естественно, не мог играть в практике поэта ту роль, какую он играет в считалках.

Числительные в считалках весьма часто озаумлены. Существует около ста более или менее устойчивых «заменок» чисел первого десятка (например: шесть — шобстым, со́та, я́тын, ла́та, ладу́н и т. д.). Значение счетных слов узнается по созвучию, чаще — по порядку их размещения в считалке. Но ребятам и этого мало: они используют вместо чисел любые слова, большей частью — именительные без глаголов (см. выше: «первички, другички...

ставка, плавка, сучок, обручок, мотовильце, рожок... пирожок»). Отсюда избиле обособленных именительных, придающих особое — «маяковское» — звучание тактовому стиху считалок. Остановлюсь на одном частном случае. Г. О. Винокур показал, что в стихах:

«Пелагея,
что такое?
где еще *кусок*
жаркое?»

синтаксическое разобщение «прямолинейно достигается тем, что зависящая форма данного синтаксического члена заменяется... независимой его формой... Любопытный пример такого же рода дают строки:

Но,
о здравии хлопоча,
Не *двинулись*
в Крым
ни одна *нэпачиха*
и
ни *одного нэпача*.

Здесь выделен в отдельную строку безличный оборот, хотя ему предшествует сказуемое *не двинулись...*» (Г. Винокур. Маяковский — новатор языка, стр. 86—87). Подобные «несоответствия» близки детскому языку. В считалках встречаем:

Шла кукушка мимо клетки, *увидала белы дети*.
Шел солдатик мимо рынка, *нёс он кружку и часы*;
мне не *надо и часы*, лучше ломтик колбасы.
Кто тебе строчили? Тараканки источили.
Куки, баки, *съел собаки*.
Печи топить, или *кони кормить?*

В считалках используются и другие способы синтаксического обособления слов и словосочетаний (например, инверсия: «Погляжу играют как»).

В создании особой ритмико-интонационной структуры и эмоциональной окраски считалок играет также роль их инструментовка, в первую очередь внутренние рифмы и так называемые парные слова. В книге Г. Виноградова «Русский детский фольклор» (Иркутск, 1930) приведено более четырехсот слов, образующих такие пары. Вот несколько примеров парных слов и других внутренних рифм:

Ани-бани, что под нами, под железными столбами?
Аты-баты шли солдаты.
Колен-молен, чем подкован?
Сеги-веги, все медведи.
Сито-брито, под корыто.
Татар-батар, губернатор.
Тёк, тёк, блины пёк.
Эна-бена трубаэна.
Эни-бени три конторы, сахар-махар, помидоры, ас, два-с,
кислый квас, кто постарше, выше вас.
Эта-бета без корсета.
Сёма-Ерёма, сидел бы ты дома.
Тень, тень, потетень, выше города плетень.

Внутренние рифмы, дробящие стих и вынуждающие читателя делать остановки внутри строки, широко и разнообразно вводил Маяковский:

Угрюмый дождь скосил глаза.

А за
решеткой
четкой...

и т. д. до конца.

Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули.
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!»
Резок
жгут
муки.

Четыре утра.
Скок со всех ног.

Стук
со всех рук.

— В пятницу,
к двенадцати,
пять рубах!

— В среду,
к обеду,
семь кальсон!

Несут
минуты — вестницы
по лестнице
вести.

Хотя, как правило, и в считалках и в стихах Маяковского внутренние рифмы являются дополнительным к обычной рифмовке средством организации стихотворной речи, роль их не ограничивается тем, что они «подготавливают и усиливают конечную рифму», как считал М. Штокмар (Рифма Маяковского. М., 1958). Внутренние рифмы обычно несут определенную художественную нагрузку, придают речи напряженность («тело жгут руки... резок жгут муки», «в гущу бегущим грянь, парабеллум!»), живость («скок со всех ног, стук со всех рук») и т. п. Вместе с тем, как отмечалось, внутренние рифмы при произнесении требуют выделения и служат важным средством «преодоления синтаксиса», к которому постоянно стремится речь Маяковского.

Словотворчество

Маяковский — творец и создатель новых слов и новых словосочетаний — неотделим от Маяковского-поэта, Маяковского-лирика, Маяковского — «горлана-главаря». Неологизмы Маяковского всегда мотивированы, новые слова созданные в традиции русского языка и в то же время новаторские, они обращают на себя пристальное внимание читателя, требуют особой интонации, особого выделения, так же, как внутренние рифмы, метафоры и т. п. Они входят обязательной составной частью в художественную систему Маяковского. В литературе уже отмечалось, что многие слова, «изобретенные» Маяковским, весьма близки к словам детского языка: «Вырастет из сына *сеин*, если сын *свиногок*»; «*Жираф* — длинношейка — ему никак для шеи

не выбрать воротника; *Жирафке* лучше: *жирафу*-мать есть *жирафёнку* за что обнимать»; щен, обезьян, шимпанза, китиха, лошадиха, калекша, водица, луница, дождина; разбольшущий, разужасная, квартирошный, всехный, язык трамвайский, язык зверячий, слух ухатый и др. Такие или подобные слова издавна бытуют в речи детей.

Самая богатая область словотворчества Маяковского, как указывал В. В. Тренин в книге «В мастерской стиха Маяковского» (М., 1937), — это создание новых глаголов путем присоединения к обычным формам глагола различных приставок, например: «Между нами — вот беда — *позатесался* Надсон»; «Вся земля *поляжет* женщиной»; испозолочено; выржу, выгрущу, вывозжу и т. п.

В считалках тоже встречаются аналогичные глагольные формы, например:

Домик, домик двухэтажный, наверху свисток отважный, как *засвистнет*, заорет, всех на фабрику зовет (у Маяковского в стихотворении «Рабочим Курска»: «Заревет сирена, и замрет тонка, и опять *засвистывает* электричество и пар»).

Раз, два, три, — слышал, вышел, вон *повышел*.

Прибежали ермаки, все *посняли* колпаки.

Я поеду во Торжок, я куплю себе порток: *выстрочены, поистроченны*.

Кроме того, можно отметить несбычные глагольные формы в считалках:

Я скакала, я скакала, себе ногу *обломала* (вариант: «себе руку *изломала*»), ножку выставила, замуж *выскочила*.

Ехала карета по новому мосту, мост *изломался*.

Бежал зайчик по мятели, у него ушки *отпотели*.

Там шапки *пушат, перепушивают*.

Я на елке рос, меня ветер *стрёс*.

Уж я лапотки *плетёл*, на окошечки *складал*.

Иногда глаголы заменяются междометиями: «пузырь лоп», «костка хруст», «кошка хлоп». Некоторую аналогию находим у Маяковского: «пад дверью звоночный звяк», «билет-целк, щека-чмок» и т. п.

Можно также указать на близость неологизмов-прилагательных в считалках и в стихах Маяковского: «*фабричный* завод», «*герушный* квас», «*каллиный* мост» близки по конструкции к «лаечным перчаткам» и «кафейному гомону» Маяковского, «*фабристая* фабрика» — к «*молоткастому, серпастому* паспорту», «*чугуновы* дети» — к «стеганью *одеялову*» и «строилам *соборовым*».

Считалки особенно богаты новообразованиями-существительными. События словопроизводства в считалках чрезвычайно изобретательны и часто близки, применяя термин Г. О. Винокура, к «словопроизводственной игре» Маяковского. Здесь и «кукушок», родственный «свину» и «обезьяну», и «соколянка», «чиженька» («жирафа, шимпанза»), и «звончик», похожий на «плачик» и «стончик» у Маяковского. Любопытно, что ребята производят существительные с уменьшительным суффиксом *-чик* не только от существительных (жучик, крючик, корольчик, голубенчики), но и от прилагательных (милычки), междометий (хрущик) и др. Приведу несколько считалок на *-чик*.

Шальчик-мальчик, сам король, *шишел-вышел*, сам пошел.

Шенчик, друженьчик, летал теплетенчик по божьей росе, по татарской *косо*.

Ехал чичик через мост, вел кобылушку за хвост.

Милычки, милычки, золоты копыльчики.

Интересны и другие уменьшительные формы в считалках: «Стрень, брень, горошенька, как у брошки *брошенька*»; «У чижка, у чиженьки *хохоло*

чек рыжепский»; плетонущка; сахаришка; татарушечка; вѣдушка (не от *воды*, как *водица* у Маяковского, а от *вѣда* — *водить*).

Распространен в считалках суффикс *-ан*: «Шел молчан по всем городам»; «Ехал с городана, русу косу приплетала»; «Перводан, другодан, третьедан, на реке рыбодан»; «Перводан, другодан, на четыре лебедан». Часто встречается в считалках и суффикс *-ун*: «петух топтун», «петух клохтун», «селезень свистун» и др. С суффиксом *-ец* образованы: под колоду, под корец; соколец; стригунец; царец; *-ей*: царь-царевей, соколей; *-ень*: хрустень-перстень; *-иж*: нижник, вышник.

Встречаются любопытные сращения: «Осиново полено по *заморю* полетело» и «Прело, горело, по *занебу* летело, в *занебе* то церква, в церкви Николая».

Интересны новообразования, например, в словах женского рода: королица, фабрика, грибеница, живалка-бывалка, отымалка, водилка, и широко распространенные в детском языке: стукалочка, застукалочка и выручалочка. Во множественном числе в считалках применяются: прыжки-звяжки, пожницы-скрышницы, баранцы, востренцы, крененцы, голубенцы, голубички, голубилки и т. д.

Одно из характерных новообразований в языке Маяковского — превращение несклоняемых имен существительных в склоняемые и, в частности, употребление собственных имен во множественном числе, например: «ариями Ромеов и Джульетт», «стили бывают разных Луев: все три Луя приблизительно в одну цену». В считалках встречается аналогичная конструкция: «пятьсот Юрьѳв».

Однако детский язык не ограничивается указанным типом словопроизводства. В считалках в огромном количестве представлены так называемые заумные слова. Один из разделов в собрании считалок Г. Виноградова так и озаглавлен — «Заумные считалки». В этот раздел входит более ста стихотворений (с вариантами). Но и в других разделах («Считалки-числовки» и «Считалки-заменки») элементы зауми играют весьма значительную роль. Приведу несколько примеров заумных считалок:

О бар, бо бар
за бор зи
о бар, бо бар
кур.

Эьски, тоськи
колга-волга
снор-патор
кутор-фатор,
лим, лим
лим ном ним
поезд вынел
вын Крым.

Жил был граф
Пузо-Бузо Ланерузо
лара гвоздей
ганабуза,
Граф Вируза
да бутуль.
Цыи-цыи
полатынь,
попрыгушь,
полатушь,
ели мули
сансыбиэль
флек, флек, флек.

Маяковский не писал заумных стихов (отдельные слова вроде «стихи веселые, как *би-ба-бо*» у поэта — исключение). Это не мешало ему, особенно в молодости, живо интересоваться работой своих друзей — «заумников» Велимира Хлебникова, здравствующего ныне Алексея Крученых, Василия Каменского. Заумные считалки, несомненно, ближе стоят к стихам творцов «взрослой» зауми, чем к поэзии Маяковского.

Стилистические приметы

Характерная особенность «предметных» считалок — их сжатость. Почти каждый стих заключает в себе фразу: «Боров в кафтане, свишь в сарафане, утка в юбке, селезень в сапогах, на коротеньких ногах, на подборочках».

Сжатость в высшей степени свойственна и стиху Маяковского. Важнейший стилистический признак языка Маяковского — это то, что он целиком

пронизан стихией устного слова. Особое своеобразие стиху Маяковского придает сочетание интонаций трибуна (даже — пророка) с крайней непринужденностью, фамильярностью. Зачастую это связано с употреблением в стихе слов и выражений грубоватого, а иногда — откровенно грубого, вульгарного стиля, намеренно и сознательно противопоставляемых поэтом гладкому и стандартному словарю литературной продукции» (Г. О. Винокур). Здесь и «позия — пресволочнейшая штуковина, существует — и ни в зуб ногой», и «любви пришел каюк», и «светить, и никаких гвоздей», «дернул меня черт», «по рожке», «к чертям свинячим» и т. д. Маяковского, который сам «уха словом не привык ласкать», вряд ли смутили бы в считалках многочисленные вульгаризмы, вроде: убирайся к черту вон; по шеем; подери его горой; старба баба; дурак; пузо; шиш; вонючий; шшивый и др.

Стихией громкой устной речи обусловлены многочисленные имитации устного интонирования и звукоподражания, обилие междометий у Маяковского: «Англия! Турция! Т-р-а-а-ах!»; «Т-с-с-с-с... — грохот»; «Идем! Идем-идем! Го, го, го, го, го»; «О-го-го могу — залететь высоко, высоко!»; «Траля-ля, дзюнь-дзю»; «Стал на четвереньки и залаял: Гав! гав! гав!»; «Эй, вы! Небо! Снимите шляпу»; «Эй, сицеблудые! Рейте!»; «Ах, зачем это, откуда это, в светлое весело»; «Эхом раскатилось восторженное А-ах!» и т. д.

Считалки созданы (или взяты из разных жанров фольклора) для громкого произнесения, для игры вслух. И в них тоже много звукоподражаний и междометий:

Дили-дили-дили-дон.

Дзюнь-дзюнь-передзюнь.

Трам, трам тири — был в трактире. Трам, трам трушки — ел ватрушки.

Трам, тром — с творогом.

Цынцы-брынцы балалайка, цынцы-брынцы заиграй-ка.

Цынцы-брынцы бубенцы.

Ой ду-ду, ой ду-ду, сидит ворон на дубу, он играет во трубу: ой ду-ду, ой ду-ду.

Тулю, зулю, кошка мяв.

Эй, Иван, подавай стакан, нарежь лимон, убирайся вон.

Эй, говори поскорей.

Ах ты, батюшка-евод.

Пиф, паф, ой-ой-ой!

Драх, друх, а зайчик — ух, полетел из зайки пух.

Мы не хотим, да хохочем: ха-ха-ха.

Тпру, тпру — не скачи, отдай мои калачи.

Тпруши-тпруши, мои санки.

Ехала барыня по кочкам, да бух!

Хлоп, хлоп колесо.

В считалках постоянно встречаются характерные признаки речи-беседы — восклицательные и вопросительные предложения, повелительные наклонения, местоимения и глаголы второго лица, слова-обращения:

Раз, два, 3, 4, 5, 6, 7, 8, ходит баба с длинным носом, а за нею дед.
Сколько деду лет? Говори поскорей, не задерживай людей.

Ты слуга, подай карету, а я сяду и поеду. Ты, слуга, подай метлу, я в карете подмету.

Стой баба, не беги! Отдай наши пироги — с луком, с перцем, с собачьим сердцем.

Перводан, другодан, села баба на баран; покажи рубежи, куда хошь побежи.

Иван-капитан, чем коней пропитал? Овсом, серебром. Из копыта, под копыта, из телеги прямо в грязь. Оставайся белый князь.

Король ехал с Дону по синему морю; кланяйся королю в ноги.

По шилу, по мылу, по маслу погасла, по свинцу, по олову попади мне прямо в голову.

Поразительно, как много точек соприкосновения у считалки и стихов Маяковского! Речь идет не о второстепенных деталях, а об основных признаках поэтической системы. Знал ли Маяковский считалки — русские, грузинские? Ознакомившись с рукописью этой статьи, В. Б. Шкловский засвидетельствовал, что «В. Маяковский в самом деле знал, очень любил считалки, часто цитировал и радовался их мастерству».

Все это, несомненно, помогло ему выработать собственную поэтическую систему, обусловленную яркими свойствами его личности и духом времени.

То общее, что есть в поэтике считалок и поэтике Маяковского, позволяет утверждать, что поэт — «родня» считалке, «родня», как писал Г. О. Винокур, «русскому фольклору, русскому языку, т. е. некоторым общим и постоянным категориям истории русского слова».

Письмо в редакцию

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

Русский язык богат образными, крылатыми словами и изречениями, о которых говорят: лучше и убедительнее не скажешь. Часто одно-два таких слова ярко определяют все содержание предмета.

Кто не знает, что картофель давно заслужил в народе прозвище «второго хлеба». Этими словами о картофеле сказано все. Советский лен, даже за границей, общепризнанно называют «русским» или «северным шелком». Природный газ образно называют «голубым» или «незримым топливом». Второе название кажется более удачным. На определение голубой нагрузки и так слишком велика: голубая гладь озер, бухт и т. п., голубой континент, голубые магистрали, голубые экраны телевизоров, голубое топливо, голубой уголь и т. д.

Случается, что образное наименование одного предмета переносится на другой. В самом деле, если народ когда-то метко назвал нефть «черным золотом», то целесообразно ли это имя дублировать, навязывать другим, хотя, может быть, и не менее ценным вещам?

И все-таки в печати, особенно в местной, нередко «черным золотом» величают и каменный уголь. Фильм о шахтерах, добывающих уголь так и называется «Черное золото». А раз-

ве неизвестно, что каменный уголь давно именуется «черным хлебом» для промышленности! Пожалуй, это образное название угля более правильно и не менее замечательно. Оно по достоинству присвоено только каменному углю. Изредка каменный уголь именуют «солнечным камнем» и «твердым топливом».

Еженедельная газета «Центральное телевидение» [7 сентября 1967] в статье «Творческий отчет Украины» придумала новое название нефти — «жидкое золото», а каменный уголь назвала «черным золотом». Иногда нефть описательно называют «жидким топливом». Но это совсем не образное выражение. Это обычное, прозаическое сочетание. Кто же не знает, что нефть — жидкое топливо!

Могучим лесным массивам нашей Родины издавна, и весьма удачно, присвоено звание «зеленого золота». В связи с этим многие районы и даже целые таежные области, являющиеся основными поставщиками леса на внутренний и внешний рынок, не зря называют «валютными цехами» страны. Но, несмотря на это, термин «зеленое золото» сплошь и рядом употребляется, когда говорят и пишут о чайном листе. Зачем же называть одинаково столь разные вещи! Если чайный лист и нуждается в присвоении ему крылатого имени, называть его «зеленым золотом» вряд ли целесообразно. Тем более, что есть предметы и подороже золота. Например, что может быть прелестнее по цвету и ароматнее по запаху, чем благоухающая нежная роза! Один грамм розового масла по стоимости равен двум граммам

золота. Но никто, разумеется, не собирается придумывать для розы более образного имени, чем ее собственное. То же самое, по нашему мнению, можно сказать и о чайном листе. К предыдущему хочется добавить, что каракулевые шкурки (смущки) почему-то в печати стали называть «черными розами» («Сельская жизнь», 13 июля 1967). А что же теперь делать с настоящими розами, которые бывают самого различного цвета, в том числе и черные (правда, очень редкий для роз цвет)?!

Образность нельзя смешивать с «красивостью», которой многие щеколят в печати и в устной речи.

В этом отношении весьма поучительны замечания А. М. Горького, нацеленные против показной, слащавой, трафаретной, бессодержательной, а порой и неуместной «красивости». Когда употребляется то или иное сравнение, речь должна идти не о красивости, а о правдивости и образной точности. Нетипичное, нехарактерное сравнение подчеркивает лишь плохое знание изображаемого предмета, а подчас и несерьезное отношение к делу.

Кому неизвестно, что хлопок — «белое золото». И все же это выражение иногда применяют по отношению к сахару, к рису и ко многому

тому, что имеет белую окраску, цвет. «Белым золотом» называют шерсть монгольских полутонкорунных овец арханской породы. Из этой шерсти на камвольных фабриках изготавливаются высококачественные ткани («Сельская жизнь», 9 августа 1967).

Один корреспондент, видимо, в погоне за «красивостью» додумался до того, что кавказскую бурку посчитал вороной масти.

Отбор, толкование и внедрение в язык крылатых слов не могут быть пущены на самотек. Этот процесс желательнее систематически направлять, ненужное отбрасывать, повторяющееся заменить новыми образными словами. Безусловно, решающая роль здесь принадлежит органам нашей печати и Институту русского языка АН СССР. Редакции и издательства не должны допускать в печать суррогат. Точность и ясность необходима для обычных слов, понятий, названий предметов, и тем более она нужна для образных выражений. Было бы полезно внести соответствующие дополнения и в книгу Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова» при ее переиздании.

П. Д. ТРИФОНОВ,
полковник в отставке

Иль на щите иль со щитом...»

(Окончание. Начало на стр. 20)

— Совершенно верно. Так говорили греки, когда отправлялись на войну. Со щитом вернусь — значит с победой. На щите — значит принесут меня убитым. Со щитом или на щите.

Соломон Давидович внимательно прислушался к этой исторической справке и усомнился.

— Если я правильно понимаю, для нас подходит только со щитом, а на щите для нас абсолютно не подходит. Какой же смысл может быть для отдела снабжения на щите?

— Пожалуй...

— Тогда скажем так: со щитом или с двумя щитами! Это вполне приемлемо для отдела снабжения.

Однако все такие случаи — следствие того, что забыто значение фразеологизма *На щите или со щитом*, значение его частей. И, вероятно, правильно делает «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, подавая эти части выражения по отдельности: *На щите*; *Со щитом* (стр. 538), с тем, чтобы напомнить, освежить в памяти читателя значение каждой из них.

Б. Ш.

ФОТОГРАФИЯ ЛИ?

Если внимательно прислушаться к живой речи носителей русского литературного языка — интеллигентов, рабочих, вообще городских жителей, — то можно услышать, что эта речь пестрит построениями, необычными для письменного текста. В последнее время лингвисты отмечают целый ряд синтаксических конструкций, характерных для устного произнесения (см., например, статью И. А. Кручининой в «Русской речи», № 1, 1968).

Эти конструкции существенно отличаются от тех, с которыми мы привыкли встречаться на практике — в книгах, прессе или в теории — учебниках, грамматиках. Отличия касаются прежде всего самих способов организации таких конструкций — синтаксической роли отдельных членов, приемов их объединения. Ведь, разговаривая в привычной жизненной обстановке, мы не заботимся о том, чтобы заранее отшлифовать, «выправить» нашу речь в соответствии с параграфом учебника. Мысли наши в обычном бытовом общении возникают спонтанно, не всегда логически организовано, и речь, конечно, за ними следует. Интереснее другое — в синтаксисе при этом не возникает хаоса. Речевые структуры объединяются в определенные типы, группируются в упорядоченные ряды. Нисколько не задумываясь над употреблением очередной фразы, мы, однако,

оказываемся отнюдь не свободными в ее выборе: подходящий для данного случая синтаксический стереотип незаметно, но настойчиво предлагает свои услуги, и мы всегда ими пользуемся. Именно это и позволяет нам специально не работать над своей обычной речью (если, конечно, мы не стремимся к какому-либо речевому эффекту). Впрочем, повторяем, все это происходит бессознательно.

Как же поступает в таком случае писатель? Ведь он-то подходит к выбору нужных ему речевых средств не только сознательно, но и очень ответственно? Пусть даже его герои — обычные люди в обычной обстановке, писатель за думывается над каждым их словом?

В последнее время литераторы особенно охотно обращаются к изображению подлинной, неприкрашенной действительности, жизни, как она есть. Наиболее оперативным и гибким в этом отношении, наиболее чутким к запросам времени оказывается жанр небольшой по размеру повести и особенно рассказа. Действительно, если обратиться хотя бы к недавним публикациям, можно найти немало повестей и рассказов, авторы которых ставят своей задачей достичь предельной достоверности изображения, опираясь на подлинный современный речевой материал. Писатель-реалист наших дней стре-

мится точно воспроизвести не только услышанную в жизни речь, создать неподдельные речевые характеристики героев. Воплощая свое авторское «я», ведя повествование от своего лица или в объективизированной манере, он также нередко ставит своей задачей имитацию строя мыслей, впечатлений и наблюдений, характерного для нашего современника. При этом следовало бы ожидать, что углубляющийся процесс демократизации литературы неизбежно должен сопровождаться все большей демократизацией языка художественного произведения, все большим приближением его к народной речи.

Так ли это? Где предел такого приближения, какие стороны языка оно охватывает в первую очередь, а перед какими отстает?

Уже первое наблюдение, если обратиться к повестям и рассказам — назовем хотя бы имена таких очень остро чувствующих современную народную (в широком смысле слова) речь писателей, как В. Шукшин, Е. Снегирев, Б. Золотарев, А. Макаров, В. Семиш, показывает, что речевая достоверность базируется в первую очередь на тематической, и, следовательно, словесной достоверности. Если же говорить о том, как построены высказывания, т. е. о синтаксическом плане речи, то здесь дело обстоит много сложнее. Прежде чем попытаться понять принципы передачи в художественном произведении реальных устно-разговорных синтаксических построений, уточним, о каких собственно построениях идет речь.

1. Прежде всего интересны некоторые способы организации фразы, употребляемые в нашей обычной речевой практике очень широко. Попробуем прислушаться буквально к любому непринужденному сообщению, рассказу, разговору, и наше внимание сразу же привлекут такие построения:

— *Страшно было вёсело.*

И ее очень жалко. *Очень у нее несчастный вид.*

Очень она мне нравится.

Очень он вам понравится.

— Ты пойдешь на Платонова? —

Нст. Наверно, нет.

Больно это все трудно.

(Тире в записях обозначает произнесение фразы как отдельной реплики, отсутствие тире — ее принадлежность к монологу).

— Я вообще бы не хотела, чтобы ему платили. Это *так* было ужасно написано.

— *Так она мне нравится.*

— *Так было трудно.*

И без конца, без конца с ним *так* происходили истории.

— *Такая* вчера была невозможная буря.

— *Такой* он тогда был смешной.

— *Такая* шла девочка, я видел.

И вот попросил его посмотреть, *какие* производят впечатление его картины.

— *Ведь* то же самое будет. Мы будем ждать четыре года и *никакого* не будет ответа.

— *Ничего* нет удивительного.

Страшные вы говорите вещи.

В Москве нашел, и там *интересная* очень *подробность*.

И там *потрясающая* совершенно фраза.

Подобные фразы содержат или плеонастическое слово (наречие — *очень*, *больно* и под., местоимение — *такой*) усилительного характера, вводимое лишь в целях нагнетения экспрессии и эмоциональной окрашенности речи и почти полностью лишённое собственно информативного смысла, или слово (прилагательное, местоимение — *какой* и др.), хотя и наделенное собственной информацией, но употребляемое во фразе по образцу первого как по своей функции (создание экспрессии речи), так и по своей роли строительного элемента фраз подобного типа. Этот элемент, принимая на себя одно из ударений фразы, выносится на первое (иногда — на последнее) место фразы или соответствующей ее части и тем самым служит для расчленения ее на ритмико-интонационные отрезки. Использование этого элемента связано со стремлением донести до слушателя всю фразу не за один прием, что могло бы затруднить восприятие, а по частям; при этом сообщение в целом получает повышенную экспрессию.

2. Теперь возьмем другой тип построений, связанный с широко распространенным в устной речи явлением бессоюзного соединения частей

сложного предложения. Конструкции эти хорошо известны и в письменном воплощении, но в живой речи наших дней они могут получить специальное разговорное воплощение. Вот некоторые построения, не во всем однородные, но объединяемые общим способом бессоюзия:

— И. К., а вас застала, вам сколько было?

— Пришли совсем мало народу было!

— Я там буду рассчитывать, я вам дам копеечку.

— Я сегодня спал под твоим одеялом, я чуть не умер.

— Мы ехали, шел снег.

— Дом развалили за одну минуту. Еще утром стоял я шел.

— Я пришла там был пустой коридор.

— И., ты мыла посуду, вода теплая?

— Ты яму-то копал. Сколько у тебя чернозему было?

— Ты утром смотрел. Сколько было денег?

— Я тебе вчера давала яблоко в школу. Ты его съел?

— Он так несет, что можно подумать она легкая.

— Лилии-то пойдут. Если мы их будем поливать особенно будет вода.

— Ты не знаешь, куда ушла маленькая девочка сюда приходила?

— А где открытка здесь лежала?

— Слушай, ты знаешь, мы сейчас туда придем их не будет.

Как видно, разговорные бессоюзные конструкции могут выражать подчинительные отношения частей сложного предложения, объединенных связью временной, условной, дополнительной, определительной, а также и сочинительные отношения. Выражение спаянности частей, соединяемых таким образом, также весьма различно — от полного отсутствия паузы и интонационно-мелодической границы между ними до остановки со значительным понижением тона, позволяющей поставить на письме точку. Приведенные конструкции по строению гораздо разнообразнее своих общелитературных эквивалентов: *Тише едешь — дальше будешь*, хорошо известных нам из учебников.

3. Наконец обратим внимание еще на один тип разговорных построений. Его принцип состоит в том, что слово, важное для сообщения, принимает форму именительного падежа, хотя по синтаксическим условиям предложения его падеж должен быть косвенным. Ср.:

— Где нам сойти? — Вторая остановка сойдете.

— Шпиг 100 грамм. Где мне отрезать?

— На тебе сахар кусочек.

— А четвертый номер эссенуки у вас есть?

— Ты не видел баночка маленькая такая?

А потом на следующий поход нам нужно байдарку вытирать тряпка.

И здесь, как в конструкциях первого типа, наблюдается стремление расчленил высказывание и донести его до слушателя отдельно и самостоятельно воспринимаемыми отрезками. Это в данном случае приводит к очень наглядному отступлению от принятых грамматикой правил падежного управления.

Мы сознательно упрощаем задачу, выбрав лишь три типа построений, хотя можно было бы назвать и ряд других. Чрезвычайная характерность этих трех типов для современной разговорной речи, особенно не имеющей своей целью пространное сообщение, позволяет а priori предположить, что они найдут широкое отражение в современной художественной литературе, активно стремящейся к воспроизведению речевого фона нашей эпохи.

В последнее время приходится слышать предостережения от фотографического копирования «телеграфного стиля» сегодняшнего дня. Но на поверку оказывается, что такое копирование невозможно в принципе.

Из названных трех типов синтаксических структур особенно «везет» в литературе первому. Он широко используется писателями различных направлений и в авторской речи и в речи персонажей. Ср.:

«И солдаты смеялись, показывали нам часы, давали конфетки, сажали на колени. Очень они нам нравились» (В. Некрасов. Дом Турбиных).

«Очень они были веселые и шумные. И всегда уйма народу» (там же); «На запыстье тикали часы с бриллиантами, да только игры в них не было *никакой*» (С. Ласкин. Длинной, длинной ночью); «Ужасно ему не хотелось *возвращаться*» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В современной газетной речи:

«Как будто любовь другого человека — твоя вечная собственность, и *никаких* не надо усилий, чтобы ее сохранить» («Комсомольская правда», 11 января 1967).

И почему-то особенно активно в переводных произведениях:

«Хороший это был инструмент» (А. Брыхт. Дансинг в ставке Гитлера. Перевод с польского Ю. Абызова); «Несмотря на слабость он продолжал быть настойчивым. Но *надежды* на успех у него не было *никакой*» (Л. Фейхтвангер. Успех. Перевод с немецкого В. Вальдман); «Привлекательного в этом человеке нет *ничего*» (там же); «Она каждый день под вечер бывала в зоологическом саду и *очень* была *привязана* к жуткому, но очаровательному зверьку» (там же. Вообще в «Успехе» таких конструкций поразительно много, ими пронизан весь язык книги); «И ей он *немало* принес *страданий*, забыть этого окончательно она так и не смогла» (Л. Фейхтвангер. Настанет день. Перевод с немецкого. В. Станкевич и С. Маркина); «Ему никак не удастся внушить ей страх. Уж *такая* у нее *натура*» (там же); «Та жизнь, которую он сможет вести благодаря договору с обществом, конечно, *самая* для него *правильная*» (Л. Фейхтвангер. Братья Лаутензак. Перевод с немецкого В. Станкевич и Р. Розенталь); «/—/ и все зависит от того, как ты будешь говорить с ней, *какое* произведешь на нее *впечатление*» (там же); «Ильза радуется, представляя себе, *какую* он скорчит *гримасу*, узнав, что жемчужина фальшивая» (там же); «История с маленьким Эмилем *очень* на меня *подействовала*» (там же); «... тут из-за них *такая* поднялась *буча*» (Трумэн Капоте. Лесная Арфа).

Использование этого приема далеко не новость в русской литературе. Его можно встретить и у Гоголя, и у Тургенева, и у Чехова.

«Гляди, чтобы на кухне готовилось то, что он любит, чтобы *белье* и *платье* ему ты подавала всегда *чистое*» (Гоголь. Старосветские помещики); «Фома Григорьевич раз ему насчет этого *славную* сплел *присказку*» (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки); «... *И до того* в ней было *немо* и *глухо*, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня *сжалось*» (Тургенев. Бежин Луг); «*Ужасно* она мне *нравится!* То есть черт знает как *нравится!*» (Чехов. Удав и кролик).

Ср. еще:

«На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — *такой* он был *важный!*» (Андерсен. Снежная королева).

Обилие приведенного материала не случайно. Оно характеризует реальную распространенность в языке литературы конструкции, условно выделенной нами под номером первым. Однако это не значит, что найти ее можно в любом произведении. Так, например, в чрезвычайно интересном, — в частности по языку, — рассказе Е. Снегирева «Роди мне три сына» таких конструкций почти нет. Можно назвать и другие вещи, написанные близким к разговорному языком и тем не менее не употребляющие эту конструкцию. Из переводных отметим хотя бы повесть Б. Кауфман «Вверх по ведущей вниз лестнице» (перевод с английского Е. Ивановой и С. Шайкевич).

Конструкции, условно выделенные нами под номером вторым в их специфически разговорном воплощении, найти в художественной литературе много труднее, хотя и они встречаются еще в русской литературе XIX века (например, у Достоевского). Если обратиться к произведениям, названным нами в связи с рассмотрением конструкций первого типа, то здесь можно отметить только:

«Дело в том, что, когда в конце двадцатых или в начале тридцатых годов изымали золото, один из соседей — *вог. там, через улицу*

жил, — вспомнил, что...» (В. Некрасов. Дом Турбиных).
«— *Туда ехал, у меня заглохло*» (В. Шукшин. Начальник).

Нет второго номера в «Мастере и Маргарите». Что касается названных переводов, то несмотря на объемность трех романов Фейхтвангера, на их страницах не встретилось ни одного подобного бессюзного построения (то же и в повести А. Брыхта), как и других разговорных конструкций. Разговорность их языка полностью исчерпывается широким употреблением номера первого.

Если же обратиться к нашему третьему номеру, то он, хотя и не менее широко, чем первые два, распространен в современной устно-литературной речи, в названных произведениях не встречается, как и в рассказах и повестях писателей, упомянутых в начале статьи.

Некоторые писатели используют вместо синтаксических конструкций, выделенных нами другие, чаще всего также однотипные. Например, в рассказе В. Войновича «Два товарища» широко представлены «двойные глаголы»: *лежал читал, сидят ждут*; к этой же конструкции прибегает В. Шукшин в рассказах «Волки», «Начальник», «Вянет, пропадает»: *пошел погулял, пойду вложу*.

Чем же объяснить такую диспропорцию? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, обратимся к одному модному ныне — и у нас, и за рубежом — языковому приему, создающему впечатление рубленой неорганизованной устной речи и при этом чуждому перечисленным нами реальным разговорным конструкциям. Этот прием обычно употребляется при повествовании от первого лица и вводится с целью воссоздать ход ассоциативно возникающих представлений, хаотических в своем алогизме. Воплощается этот прием в длинной фразе, не поддающейся привычному грамматическому членению, где через запятую (реже — через другой знак препинания) соединяются совсем, казалось бы, несоединимые части; всё вместе не получает сколько-нибудь законченного синтаксического оформления и подчас весьма трудно для восприятия. Ср. хотя бы:

«Девять пятнадцать и желтенькая книжка с талончиками на скидку, но они пока еще не действительны, на страницах зияют пропуски, в наших супергастрономах клиент — король, самообслуживание в супергастрономах удобно и выгодно, обслуживаешь сам себя, а уходишь с таким чувством, словно тебя обслужили, и кто велел, тот король..., а с отпуском ничего не вышло... ты подсчитала еще разок? Ничего, ты справишься, ясно, справлюсь» (К. Гейслер. Холodные времена. Перевод с немецкого И. Каринцевой).

Подобным же слогом написана, например, упомянутая повесть А. Брыхта, а также рассказ Е. Снегирева «Роди мне три сына», где прием наизывания ассоциативно возникающих сообщений в большей степени приближен к бесхитроственному устному повествованию (это проявляется, например, в том, что Е. Снегирев избегает перемежать планы повествования от разных лиц, включать во фразу начеяно услышанные или увиденные отрывки и т. д.), ср.:

«Я те записки берегла, старая планшетка была у меня, за чехлом рации всегда лежала, и сгорела планшетка, уже не было Лобанова; засек немец рацию, я как раз вышла — взрыв, горит, бросилась в дом, схватила рацию, к двери сквозь дым, еще взрыв, отшвырнуло меня, оглушило, пришла в себя уже на улице, лежу, дом догорает, сгорели записки вместе с рацией».

А. Гладилин, прибегая к такому слогу как к единственному способу создания якобы разговорной интонации, вводит еще и скобки, которые делают возможными любые вставки без всяких ограничений:

«Залп из всех орудий — и ходу, ходу, минные аппараты к бою, но вроде не видно погоны (Кто провалился во Владивосток — Только «Алмаз»? Вполне понимаю радость команды), еще несколько узких арбатских проливов (нелепая мысль о возможной засаде, за тем перекрестком — эскадра броненосцев в составе завуча, физика под флагом директора — рецидив

страшных историй, слышанных в детстве), и крейсер «Аскольд» на всех парах врывается в мирный порт (Ленькина квартира, родители ушли на работу), где можно спокойно поболтать на якоре вдали от школьных баталий» («История одной компании»).

А между тем реальная речь непринужденного устного сообщения обычно предельно проста, и подобные нагромождения ей чужды. Они неизбежно остаются лишь имитацией, с наибольшей достоверностью выполненной, пожалуй, только Е. Снегиревым, который сумел избежать соблазнов чрезмерной пестроты и разноплановости, уготовленных возможностями этого приема. А. Гладилин, напротив, без должного выбора включая во фразу какие угодно куски текста, далеко уходит от подлинной интонации разговора молодого современника, хотя создание такой интонации, видимо, является его целью (см. об этом: М. Чудакова, А. Чудаков. Современная повесть и юмор. — «Новый мир», 1967, № 7).

Теперь вернемся к вопросу о диспропорции введения синтаксических примет живой речи в литературное произведение. Казалось бы, писатель может использовать весь «букет» этих примет; однако на практике получается иная картина. Очевидно, существует некий писательский секрет, который не позволяет ему просто фотографировать живую речь, как это делают, например, языковеды для своих целей. Секрет этот состоит, видимо, в умелом обращении избранной реальной синтаксической приметы живой речи (или нескольких — немногих ее примет) в литературный прием, который, насыщая язык произведения, позволяет соз-

дать определенную характерологичность речи. Чешские исследователи давно заметили, что, например, диалог театральный и диалог бытовой — далеко не одно и то же и по тематике и по собственно языковому воплощению (Ян Мукаржовский).

Интересующая нас диспропорция имеет, видимо, и еще одну причину. Не все синтаксические приметы живой речи в сознании писателя предстают как в равной мере «литературные». Так, почти совсем не используемый в литературных произведениях способ представления важного для сообщения члена высказывания в именительном падеже (наш номер третий), возможно, воспринимается как сниженный, просторечный (хотя это как будто не должно было бы останавливать писателей, изображающих людей из народа). А может быть, его трудно услышать и он остается незамеченным?

Так или иначе, но достичь эффекта непринужденной речи, как видно, весьма нелегко. Об этом говорит хотя бы широкое обращение к «приему запятой» в ущерб использованию других синтаксических характеристик. Между прочим, многие писатели, превосходно знающие и воссоздающие народную речь, обходятся привычным синтаксисом, почти не допуская отступлений от него. Назовем хотя бы А. Платонова, а из современных писателей — В. Савченко, А. Макарова, Б. Можая, В. Климушкина. Впрочем, здесь надо было бы говорить о соотношении современной устной литературной и диалектной речи, а это уже — особая тема.

Кандидат филологических наук
О. А. ЛАПТЕВА

Человеческий язык вытесняется все более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпук *, отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный — несуществующими словами называет несуществующие понятия.

Л. Н. Толстой. О ЖИЗНИ

* Воляпюк (volapük) — искусственный международный язык, изобретенный в 1880 году Иоганном Шлейером; распространения не получил.

ТЕРМИНОЛОГИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Научная фантастика в известной мере моделирует будущее: общественно-экономический строй, облик людей и особенности их поведения, а также пути развития науки и техники. Но и в тех случаях, когда главная задача произведения — рассказ о человеке будущего, писатель дает названия предметам и явлениям, которые выходят за рамки современного научно-технического обихода.

В научно-фантастической литературе мы обнаружим целую систему взглядов, теорий, гипотез, находящуюся в довольно сложных отношениях с тем, что обычно именуется современными научными представлениями. В этой статье мы остановимся лишь на некоторых закономерностях возникновения новых научно-фантастических терминов.

Многие понятия, иногда обозначаемые различными терминами, стали в фантастике общепринятыми. Их используют писатели разных стран часто без каких-либо пояснений. Они узаконены в современной фантастике в неменьшей степени, чем в современной науке такие понятия, как «всемирное тяготение», «естественный отбор» или «периодический закон». Так, например, приобрели права гражданства «машины времени» (первая такая машина была «изобретена» Г. Уэллсом в 1895 году) и «гравитационные двигатели» (хозяина патента на которые обнаружить не так-то просто).

Наряду с устоявшимися понятиями и терминами писатели часто используют новые, придуманные ими; ведь каждый фантаст стремится стать «изобретателем» или «первооткрывателем» так же, как и в науке: новые термины образуются от латинских и греческих корней или даются произвольно по праву первооткрывателей. Совсем недавно термином «кварк» была обозначена, например, гипотетическая частица, обладающая поразительными свойствами (очень большой массой, дробным зарядом и др.). По-немецки *кварк* значит 'творог', но название частицы никак не связано с этим продуктом. Оказывается, что канадский физик Гелл-Манн, «придумавший» кварки, заимствовал это слово из романа Д. Джойса «Поминки по Финнегану», в котором чайки, пригрезившиеся герою, выкрикивают, как заклинание «кварк,

кварк, кварк!» (подробнее о происхождении термина «кварк» см. в брошюре С. Владимирова и М. Карева «Кварки и элементарные частицы». М., 1965).

Естественно, что в научно-фантастической литературе произвольно выбранные термины встречаются чаще, чем в научном и техническом обиходе. Вполне вероятно при этом, что часть фантастических терминов со временем переключается в науку: фантастика давно уже перестала быть только или даже хотя бы преимущественно детской литературой. Ее читают (и пишут) многие крупные ученые. Бывает и так, что термины научной фантастики используются затем в «большой» литературе, в публицистике и т. п.

Проследим теперь все эти тенденции на конкретных примерах.

Ситуация Франкенштейн — термин, которым обозначают случаи, когда творения рук человека выходят из-под его контроля. Франкенштейн — фамилия героя романа «Франкенштейн или Современный Прометей», написанного Мэри Шелли (женой известного английского поэта) еще в 1818 году. Франкенштейн создал искусственное подобие человека, подобие чудовищное, наделенное примитивным разумом и низменными страстями. По ходу действия чудовище совершает ряд злодеяний. Любопытно, что сейчас «франкенштейнами» нередко называют не создателей роботов, выходящих из-под власти своих творцов, а самих роботов.

Мы не случайно упомянули о роботах. Ситуации, к которым может быть применен термин «франкенштейн», были исключительными в научной фантастике до тех пор, пока успехи кибернетики не сделали актуальной (и не только для писателей-фантастов, но и для философов, психологов и ученых других специальностей) проблему о взаимоотношениях между человеком и «думающими» машинами, а в более широком смысле — о последствиях автоматизации. С этого момента восстания роботов становятся одной из наиболее популярных тем фантастической литературы (см., например, о бунтах роботов у А. Днепрова «Суэма» в сборнике его рассказов «Пурпурная мумия», у С. Лема в «Охоте на Сотавра», у К. Саймака в рассказе «Сделай сам»).

Робот. 31 января 1968 года в «Правде» было напечатано сообщение о том, что «несколько роботов было сделано в Калининграде. В Москве на смотре „родившийся“ здесь „Нептун“ завоевал звание чемпиона роботов СССР». В Словаре иностранных слов (М., 1964) можно найти пояснение: «робот — автомат, выполняющий сложные операции, производящие впечатление человеческих действий». При этом в скобках указывается, что термин «робот» заимствован из чешского языка (robot). В Русско-английском словаре (М., 1965) говорится, что «робот» звучит по-английски *gôbôd*. Наконец, в Чешско-русском словаре (М., 1959) мы читаем, что робот *Kuchyňský* — это кухонный автомат, а также барщина, барщинный труд; в переносном смысле — тяжелый труд.

Заимствование специального термина, уже давно ставшего интернациональным, из чешского языка — факт почти беспрецедентный: большинство иностранных слов образуется от греческих, латинских, английских, французских или немецких корней. Но и в чешском языке «робот» имеет совершенно иное значение, чем ему дано теперь. Оказывается, что в новом значении слово было впервые употреблено К. Чапеком в его научно-фантастической пьесе «Р.У.Р», написанной в 1920 году, когда кибернетических роботов еще не существовало ни в действительности, ни на страницах научно-фантастических романов. О происхождении термина рассказал сам писатель: «Эй, Йозеф, — обратился он к своему брату-художнику, — у меня вроде бы появилась идея пьесы.

— Какой? — пробурчал художник...

Автор изложил сюжет так коротко, как только мог.

— Ну так пиши, — проронил художник...

— Но я не знаю, — сказал автор, — как мне этих искусственных рабочих назвать. Я бы назвал их лаборжи (от английского labour 'работа'. — С. В.), но мне кажется, что это слишком книжно.

— Так назови их роботами, — пробормотал художник...» (см.: Сочинения, Т. 3. М., 1958).

Со страниц пьесы термин «робот» проник в мировую литературу и стал интернациональным. Интересно, что от «робота» есть и производные термины. Так, в сборнике рассказов американского ученого и фантаста А. Азимова «Я, робот» изложены основы «роботехники» и «робопсихологии». Эти слова еще не проникли в науку, но их можно рассматривать, как весьма вероятных кандидатов в новые научные термины.

Машина времени. Мы уже упоминали о том, что этот термин в научной фантастике стал общеупотребительным, международным. «Машина времени» как литературный прием заслуживает специального исследования. Здесь мы можем коснуться этого вопроса лишь очень коротко.

Перенесение действия в сколь угодно далекое прошлое не требует, как показывает практика мировой литературы, каких-либо специальных приемов: в исторических романах просто описываются события, происходившие когда-то. При этом молчаливо предполагается, что автор узнал об этих событиях из тех или иных источников. Дело обстоит совершенно иначе, когда авторы утопий и других произведений хотят рассказать о будущем человечества. Перед ними неизбежно встает вопрос о том, как это будущее стало им известно. Видимо, так и объясняется типичная для подобных произведений ситуация: герои романа во сне или каким-либо другим столь же условным образом оказываются в будущем, а затем делятся впечатлениями с читателями или другими героями романа, современниками автора. В дальнейшем литературные приемы проникновения в будущее были использова-

ны и для «путешествий» в прошлое. В качестве примера сошлемся на книгу М. Твена «Янки при дворе короля Артура». С формальной точки зрения ее можно рассматривать как зеркальное отражение многих утопических романов.

Однако к концу прошлого века уже наметилась генеральная линия развития фантастики: требование правдоподобия, «реальности» рассказа, которые достигались точностью деталей, соответствием всего, о чем идет речь, если не букве, то духу научных и технических исследований. Самые смелые предположения и допущения обосновывались так же, как обосновываются научные проекты. Эту тенденцию легко можно проследить во всех или почти во всех романах Жюль Верна. И именно поэтому к концу прошлого века «изобретение» машины времени стало столь же актуальной задачей для фантастики, как создание летательных аппаратов тяжелее воздуха или теории строения атомов для техники и науки.

Только утя это обстоятельство, мы поймем, зачем понадобилось «отцу» машины Г. Уэлсу так детально, нарочито спокойно и буднично описывать ее внешний вид и устройство: «Предмет, который он держал в своей руке, представлял собой очень искусно сделанный металлический остов, немного больше маленьких часов. Он был сделан из бронзы и слоновой кости и отчасти из какого-то прозрачного хрустального вещества...

— Я хочу, чтобы вы ясно поняли, в чем дело: при надавливании на этот рычаг машина начинает скользить в будущее, а этот второй рычаг вызовет противоположное движение. На седло машины должен сесть желающий путешествовать по Времени. Сейчас я нажму рычаг, и прибор полетит. Он исчезнет, уйдет в будущее и скроется из наших глаз» (Машина времени).

Из-за недостатка места мы не останавливаемся на том, что создание машины времени побудило писателей-фантастов самым тщательным образом изучить возможные последствия проникновения человека в прошлое, из будущего в наше время, встретить людей из многих эпох и тому подобных ситуаций. Для нас сейчас важно, что универсальные машины времени, почти не меняющие своего устройства вот уже на протяжении более семидесяти лет, исправно служат фантастам. При этом никого из писателей, вновь и вновь отправляющих своих героев в прошлое или будущее на машинах времени, мы не упрекаем в отсутствии выдумки — точно так же писатели-нефантасты используют поезда или самолеты для передвижения своих героев. В то же время «прием сна» во множестве произведений произвел бы на нас, вероятно, впечатление однообразия. В этом сказывается различие между условным литературным приемом и термином, играющим роль литературного приема. Термины в отличие от литературных приемов не только не обязаны, но и не могут быть оригинальными.

Нуль-пространство. Теория относительности создала для писателей-фантастов огромную трудность: проникновение людей в

звездные миры, отдаленные от нас на тысячи, миллионы и миллиарды световых лет, стало принципиально невозможным. Но так как научная фантастика не терпит ограничений, то появилась необходимость либо «создавать» космические корабли, движущиеся быстрее света, что неизменно встречает сопротивление со стороны «научно мыслящих» критиков, либо изобрести нечто аналогичное машине времени.

Эту задачу, по-видимому, впервые решил И. А. Ефремов в 1959 году в повести «Сердце змеи». Существо «открытия» изложено в следующем отрывке из повести: «„Теллур“ — первый пульсирующий звездолет Земли. Этот тип звездолетов, передвигающийся в нуль-пространстве, должен был достигнуть гораздо больших глубин Галактики, чем прежние ядерно-ракетные, анамезонные звездолеты, летавшие со скоростью пять шестых и шесть седьмых скорости света. Пульсирующие корабли действовали по принципу сжатия времени и были в тысячу раз быстрее». В дальнейшем в произведениях других авторов «нуль-пространство» фигурирует уже как нечто общеизвестное.

В заключение познакомимся с тем, как происходит процесс создания новых научно-фантастических терминов, связанных с сюжетами конкретных произведений. Воспользуемся для этого сборником рассказов Д. Биленкина «Марсианский прибор» (М., 1967).

Приводим эти термины в том порядке, как они появляются на страницах книги:

Елихордия — значение термина не поясняется и остается загадочным для читателя. Речь идет о каком-то таинственном явлении, наблюдающемся на Марсе. В данном случае новый термин используется как литературный прием: с его помощью автор подчерки-

Честь мастера

Так озаглавлена традиционная рубрика «Недели» — «Колонка редактора» — в № 12 (17 марта 1968). В статье речь идет о профессиональном мастерстве, о том, что каждый человек (будь то балерина или сталевар, водопроводчик или врач и т. д.) должен быть мастером своего дела. Автор статьи (редактор) восклицает: «Если бы все это понимали! Если бы всем ясно было, что плохая работа оскорбляет в первую очередь не потребителя, а работника».

По-видимому, это относится и к работе редактора. И редактор должен быть мастером. Во всяком случае, читатель вправе требовать от него

если не хорошего слога, то, по крайней мере, грамотной речи, без стилистических ошибок.

К сожалению, в статье немало «погрешностей противу языка». Например, автор рассказывает про одного своего знакомого, который «всю жизнь ходил в невзрачную парикмахерскую», где «безразличные женщины... равнодушно и быстро совершали над ним несложный процесс освобождения от лишних волос». Но однажды этот знакомый зашел в модную парикмахерскую, которая «на редкость была полупустой», чтобы «испытать здешнюю славу на собственной голове».

В. О.

вадет, что на Марсе человек обязательно столкнется с явлениями, неизвестными землянам.

Бомбозонды — приборы, выстреливаемые из межпланетных станций при их приближении к цели. Писатель использует характерный для научной фантастики прием: идет перечисление хорошо знакомых приборов — дистанционных анализаторов, радаров, телескопов — и тут же упоминаются придуманные автором бомбозонды, в которых, впрочем, нет ничего фантастического. В принципе бомбозонды могут быть легко созданы и не исключено, что когда они появятся, их назовут именно так.

Психомодель — прибор для моделирования душевного состояния человека. Прибор можно подвергнуть различным воздействиям. По его показаниям психолог судит о том, как поведет себя «смоделированный» человек в самых сложных ситуациях. Смысл термина не требует пояснений. Необходимость в нем возникла потому, что автор «изобрел» особый метод психологического анализа. Насколько «патентоспособна» его идея, покажет будущее. Нас интересует то обстоятельство, что введение нового представления потребовало и нового термина для его обозначения.

Меафон (латинское memoria 'память' и греческое phone 'речь') — прибор, сохраняющий человеческую речь. В отличие от обычных магнитофонов меафон представляет собой некий кристалл, «наливающийся во время работы голубым светом». Характерно, что во многих научно-фантастических произведениях в качестве накопителей и хранителей информации выступают различного рода кристаллы, стержни и тому подобные далекие «потомки» полупроводниковых приборов. По существу мы имеем здесь дело с кочующей идеей, родоначальника которой вряд ли уже удастся установить. Возникновение ее связано с лавинообразным нарастанием количества научно-технической информации, с тем, что часто называют «информационным взрывом». Что же касается собственно терминологии, то единого обозначения для «потомков» полупроводниковых приборов нет. Станислав Лем, например, называет аналогичные устройства трионами (см.: Магелланово облако).

Дисан — газообразное вещество, сильный поглотитель озона. Термин, видимо, выбран по созвучию с такими словами, как «гексан», «пропан». Понадобился он автору книги тоже в связи с разработкой новой идеи. Если поглотить значительное количество озона из ионосферы, то образуется «окно», через которое проникнет смертоносное ультрафиолетовое излучение. По ходу рассказа изобретается новое «геофизическое» оружие, каковым и становится дисан.

Уже по этим немногим примерам можно судить о многочисленности способов, помогающих образовать новые научно-фантастические термины, и о той роли, которую они играют в осуществлении авторских замыслов.

С. В. ВЛАДИМИРОВ,
журналист

АРСК

Доктор исторических наук
А. И. ПОПОВ

Этот небольшой городок Татарской АССР в русских летописях упоминается с конца XV века (Арск, Арский городок); в дальнейшем летописи и другие источники называют Арских людей, Арскую землю, Арскую сторону, Арских князей. Под Арскими людьми в этих источниках подразумеваются удмурты, потому что чуваш и казанские татары называли их словом *ар* (в чувашском языке существуют омонимы *ар* — 'мужчина', 'муж' и 'удмурт' — см.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка). Арские князья, однако, были не удмурты, а татары (так называемые карианские и чепецкие мурзы).

Об Арске, Арских людях и князьях имеется много сведений в древних и старинных русских актах, при этом часто вместо «Арские люди» употребляются «вотяки», «отяки» (древнее название удмуртов): например, для Екатерининского наказа в 1767 году представлены и материалы от «Казанского уезда Арской дороги ясашных новокрещеных вотяков» (слово *дорога* означает здесь административную единицу — вроде волости).

В XVI веке в Казани были Арские ворота, с востока от города находилось Арское поле, так как в этом направлении на расстоянии 60 верст, по выражению казанского летописца, «острог Арск — зделан аки град тверд». Он вмещал до 15 тысяч бойцов. Это и был городок Арск времен покорения Казани Иваном Грозным. В XVIII столетии Арск был уездным городом Казанской губернии, а потом переведен в разряд заштатных.

Встречаемые в географических справочниках объяснения названия *Арск* по большей части фантастичны: то связывали его с сибирскими аринами (племенами Западной Сибири, теперь уже исчезнувшими), то считали *ар* самоназванием удмуртов и т. п. В действительности можно с уверенностью сказать, что это *ар*, лежащее в основе названия *Арск*, *Арская земля*, имеет чувашское (собственно волжско-булгарское) происхождение и затем перешло к татарам. Отсюда русские люди и взяли название города и окружающей его земли, оформив их по образцу своего языка: Ар-ск, Ар-ская земля. Подобные явления на территории СССР наблюдаются часто, так как наша страна многонациональна и, следовательно, многоязычна. Огромное число ее географических имен имеет в основе нерусское происхождение, хотя в окончательной редакции приобретает русские или русифицированные элементы.

ГОРОДА РОССИИ

ТОРОПЕЦ

Один из древнейших городов России Торóпец находится в Калининской области. Он упоминается Начальной летописью и Печерским патериком как богатый торговый город уже в начале XI века. В середине XII столетия Торопец, входивший тогда в состав Смоленского княжества, платил 400 гривен княжеской дани, что представляло по тому времени крупную сумму. Впоследствии существовало Торопецкое княжество (один из князей был знаменитый

Мстислав Удалой), затем город вошел в состав Литовско-Русского государства и вернулся в состав Руси только в 1500 году.

Торопец расположен на реке Торопе, от которой и получил свое имя. Названию этой реки — Торо́па — нередко приписывали балтийское (литовско-латышское) происхождение, основываясь на созвучии окончания *-она* с литовским и латышским обозначением реки. Для такого сближения нет, впрочем, никаких оснований: название Торопец чисто славянское.

Река, на которой он стоит, в документах первой половины XVI века систематически именуется *Торопицей*, а не *Торопой*, как ее обычно называют теперь. Разгадка этого названия объясняется тем, что течение реки Торопы при впадении в Западную Двину необычайно быстрое. Здесь, в трех километрах от устья, находится единственный на реке порог, препятствующий подъему вверх на веслах ввиду большой стремительности течения. В «Географическо-статистическом словаре Российской империи» П. П. Семенова (Тянь-Шанского) ошибочно сказано, что на Торопе вовсе нет порогов. На самом деле порог при впадении в Западную Двину отмечается в описаниях лесосплава по этой реке и ее притокам.

Таким образом, следует считать несомненной связь названий *Торопица* (Торопа) и *Торопец* с глаголом *торопиться*. Это подтверждается и существующими аналогиями в других местах, например, на притоке реки Суды (Суда — приток Шексны) — Андоге имеется порог, также носящий название Торопец.

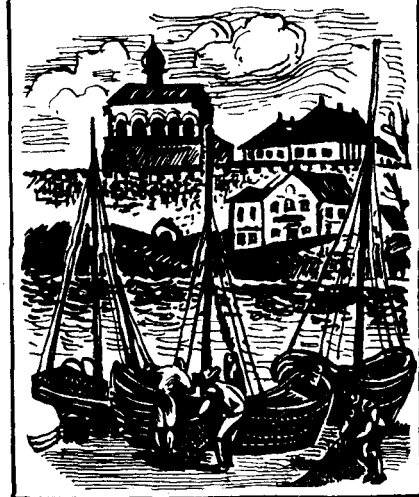
В заключение отметим, что коренные торопчане всегда произносят *Торóпец* (с ударением на втором слоге), а реку называют *Торóпа* (в прошлом, несомненно, Торо́пица). Однако почти всегда лица, живущие далеко от этих мест, говорят *Торопе́ц* (с ударением на последнем слоге).

Город вместе с Великолуцким уездом до Октябрьской революции входил в состав Псковской губернии, теперь он центр Великолуцкого района Псковской области.

В 1166 году город уже существовал. Сообщения об этом находим в I Новгородской летописи. Назывался он тогда Луки (Луки), теперешнее название — Великие Луки — возникло значительно позднее, в XV веке. Легенды связывали это название с луками (для стрельбы), с преданием о разбойнике Луке Великом, обитавшем некогда в этой местности.

В действительности Луки получили название от чрезвычайно извилистого течения реки Ловати, на которой расположен город. Непосредственно ниже Великих Лук, в местности, называемой Низы, — река представляет очень запутанную сложную систему резких поворотов почти в обратном направлении («луки», «излучины»). Здесь некогда пролегал Великий водный путь из Варяг в Греки, поэтому излучистость пути была отмечена соответствующим названием, вероятно, очень рано. Точно так же несомненна древность возникновения здесь населенного пункта. В связи с этим следует сказать, что около Великих Лук на Ловати найден один из богатейших на территории СССР кладов арабских монет X века.

Великие Луки

В составлении русского народа преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш, от словенского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей простанству малые различия имеет в наречиях.

Сих народов, положивших по разной мере участие в составлении россиян, должно приобрести обстоятельное по возможности знание, дабы уведать оных древность и сколь много их дела до наших предков и до нас касаются. Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения.

М. В. Ломоносов
ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА РЕЧИ

1

«Штучки-дрючки» устной речи

(Повторы—отзвучия)

«Гибок язык человека; речей для него изобильно. Всяких; поле для слов и туда и сюда беспредельно».

Илиада

В устной речи, как известно, много недосказанного, восполняемого обстановкой речи, мимикой, жестикуляцией, но вместе с тем в ней много избыточного, в частности, разнообразных повторений, служащих не столько для передачи нового содержания, сколько для выражения экспрессии и даже просто для «украшения» речи. В них проявляется отношение к языку не только как к знакомой системе, но и как к творческому процессу.

Повторение слова в целях усиления его семантики или повышения экспрессивности всего высказывания характерно для русского языка в целом. Существуют различные модели повторов: синонимические (тоска-кручина), антонимические (взад-вперед); повторение того же слова в той же форме (шел-шел) или разных слов, но в строго закрепленных формах (студент студенту рознь) и др. Все эти типы повторов более свойственны устной и поэтической речи, хотя могут встречаться и в некоторых стилях письменной.

В устной речи используется еще одна модель, совершенно не свойственная письменному языку, особенно в его деловой форме. Характерная черта этой модели состоит в том, что слово повторяется с изменением начального звука или группы начальных звуков, например: фокус-покус, страсти-мордасти, трава-мурава и т. п. Получается своеобразный рифмованный прицеп, как бы отзвучие к базовому слову.

Это явление широко распространено во многих современных языках под влиянием тюркских, однако «в тюркских языках повторение не связано со стилем и встречается во всех видах литературного и разговорного языка» (Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 47). В русском такие повторы используются с экспрессивной целью, с оттенком пренебрежительности, снисходительности, иногда для обобщения или

просто поэтической вольности речи. Так, например, лаборант, желая выразить пренебрежительное отношение к камере, сконструированной руководителем лаборатории профессором *Баландиным*, называет ее *камера-баламера* (Ю. Щербак. Как на войне. Телеспектакль. — «Московское телевидение», 15 января 1958).

В тюркских языках замена касается обычно только одного начального звука, причем преимущественно на губной [б], [п], [м]; и только в том случае, если базовое слово начинается с губного, в «повторе» возможен иной звук, например в узбекском языке *мева* 'фрукты' — *мева-чева* 'разные фрукты' (А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 137). В русском языке может быть замена как одного звука, так и начальной группы звуков, причем самый характер замен весьма разнообразен:

1. Замена только одного начального звука одним звуком: фокус-покус (ф—п), чудо-юдо (ч—j), сахар-махар (с—м). Ср. в именах собственных: Вадя-Бадя.

«Но Александр Илларионович не долго унывал, это не в его натуре. Тут же в постели он придумал хитрый *фокус-покус*, с помощью которого предполагал повергнуть в прах всех наемников» («Известия», 6 января 1960); «— Чичба, слушай меня. Когда нам звонят, — и он указал пальцем на потолок, — мы не разводим демагогию и не ссылаемся на *посетителей-мосетителей*. Пойми это!» (Гулия. Урок).

2. Замена одного начального звука группой звуков: трава-мурава (т—му), коза-дерева (ко—дере), камера-баламера (к—бал). Ср. в именах собственных: Федя-бредя. «— У нее тоже принц объявился. Торт приподнес. — Угощай, — сказал толстяк. — При такой жаре скинут твои *тортики-цмортики*» (Гранин. Иду на грозу); «— Ого, кто пришел! — сказал папа. — Сам Павля. Сам *Павля-бородавля*. — Садись с нами. Павлик, арбуз есть, — сказала мама» (Драгунский. Похититель собак).

Стремление прибавлять к именам рифмованные прицепы проявляется и в манере снабжать то или иное имя рифмующимся значимым словом, без учета семантики прибавляемого слова: Сергей-Воробей, Валера-Холера, Яша-простокваша. Иногда в таких рифмованных словах содержится указание на признак лица, и тогда они приближаются к обычным приложениям: Степа-кастрепка, Маша-растеряша. Ср. у А. П. Чехова: «Мипша-терептиша!» (так обращается писатель к своему брату М. П. Чехову в письме).

3. Замена группы начальных звуков одним звуком: штучки-мучки (шт—м).

«— Получили бы большую комнату и поженились, — сказал комендант. — Что за пожар?! Из-за этого пожара я сам могу стать погорельцем, — милиция за такие *штучки-мучки* по головке не гладит» («Литературная газета», 23 июня 1959); «— Так не бывает, — сказал толстяк. — Небось расчет она оформила. В наше

время без отдела кадров не похитишь. Всякие *бумажки-шмажки*» (Гранин. Иду на грозу).

4. Замена начальной группы звуков другой группой звуков: страсти-мордасти (стр — морд), штучки-дрючки (шт — др), шайка-лейка 'компания сомнительного свойства' (ша — ле).

« — Достаньте ребенку, где хотите, жар-птицу! — Но где я ее возьму? — А вы знаете, — сказал папа, — что за такие *штучки-дрючки* здорово мылят шею? — Какие *штучки-дрючки*? — спросила снегурочка. — Я не гарантирован, — сказал папа, что эту птаху не продали из-под полы. Понятно?!» («Крокодил», 1968. № 3); « — Домашних бефстроганчиков свеженьких, — начал Крупка, — селедочку керченскую, баночку печени тресковой в масле, *салатиков-мулатиков*, ну и крепенького, того, что звездочками сияет» («Нева», 1959, № 12).

Отдельные случаи, когда повтор основан не на существительном, а на глаголе, не укладываются в отмеченные рубрики. Так, например, выражение *видал-миндал* употребляется только в качестве вопроса; кроме замены первого звука [в] на [м] в отзвучие вставлено еще [н]; можно, конечно, рассматривать это как замену групп звуков (ви — ми). « — Каждый теперь норовит выскочить на открытое местечко, с кругозором, и бьет по немцу, точно не самолет это, а куропатка. Только б достать гитлеровца винтовочным огнем. Вот, друзья! — Времена другие, товарищ батальонный комиссар, — сказал разведчик Моликов... — *Видал-миндал*? — сказал Кутовой майору Люсю. — Психология» (Письменный. Край земли).

Выражение *шалляй-валляй*, связанное семантически с глаголом *валлять* в значении 'делать что-либо кое-как' имеет значение наречия *кое-как*, причем базовым, полнозначным словом является второй компонент. «Вера пошла не в вуз и не на завод, а в училище, где готовят парикмахеров, и там ей преподавали эстетику, санитарию и гигиену и, конечно, теорию и практику парикмахерского дела. Ей платили стипендию, и она сдавала экзамены, проходила стажировку. Вы видите, что дело поставлено не *шалляй-валляй*, и таких, как Вера, много» (Черепанова. Короли и капуста).

Некоторые из таких парных образований получили в устной речи, особенно в просторечии, широкое распространение, но даже они не всегда фиксируются толковыми словарями. Так, например, *фокус-покус* и *страсти-мордасти* не отмечены в словарях под редакцией Д. Н. Ушакова и АН СССР.

Да и как их отмечать? С фонетической точки зрения, эти выражения представляют собой два слова с самостоятельным равноправным ударением на каждом. С морфологической — тоже, так как они могут иметь самостоятельные окончания, в каждом компоненте (ср. приведенные выше *салатиков-мулатиков*, *посетителей-мосетителей*). Но с семантической точки зрения, — это одно слово, и вторые части таких слов обычно отдельно не упо-

требляются (покус, юдо, мучки, дрючки, мордасти, миндал и т. п.), тогда как первые употребляются и самостоятельно с тем же или близким понятийным значением, только без экспрессивно-стилистического оттенка: фокус, чудо, штуки, страсти, салатик, видал и т. п. Только в выражении *шалляй-валяй* компонент *валяй* не может самостоятельно быть использован в наречном значении.

В таких повторах «носителем материального значения является одно (чаще всего первое) слово, а второе, рифмующее с ним, является как бы отзвуком „словом-эхо“ и употребляется не иначе как в соединении с первым... Тем не менее второй, семантически невесомый элемент все же осознается как некий синонимический придаток первого, значащего элемента словосочетания» (Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 74). Ср., например: трава-мурава.

По своей функции в составном слове вторые компоненты приближаются до некоторой степени к размерно-оценочным суффиксам, которые тоже могут сообщать слову различные экспрессивные оттенки, например: человечище, человечек, работенка и под. В повторах, построенных на формах множественного числа существительных, может возникать значение ‘всякие там’ (ср. приведенные выше *посетителей-мосетителей*, *бумажки-шмажки* и др.).

Особняком стоит среди повторов-отзвучий парное слово *мастер-ломастер*, в котором второй компонент не представляет самостоятельного слова, но и не лишен собственного значения, так как в нем, как бы объединяются корень глагола *ломать* и слово *мастер*.

Не следует смешивать рассмотренные повторы-отзвучия с такими составными словами, в которых тоже два рифмующихся начальными звуками компонента, но ни один из них не употребляется самостоятельно, а если и употребляется, то совсем в ином значении, например: гоголь-моголь (гогель-могель), шуры-муры, цети-мети, шурум-бурум, бухты-барахты, тары-бары (-растабары), шахер-махер. Эти единицы — уже неразрывные сочетания, слова с различной стилистической отмеченностью (например, слово *гоголь-моголь* стилистически нейтрально), хотя большинство из них относится к просторечию или разговорному стилю.

Среди повторов-отзвучий хронологически можно выделить две группы:

1. Повторы как стойкие единицы народно-поэтической речи, возникшие в языке очень давно. Их можно встретить в сказках и других видах народного творчества. Это такие парные слова, как *чудо-юдо*, *коза-дереза*, *трава-мурава*.

2. Повторы как способ образования новых (обычно нестойких) единиц в устной речи, возникшие в русском языке сравнительно недавно: по свидетельству академика Аг. Крымского, во второй половине XIX — начале XX века (см. его работу «Калач-

малач, кішміш-мішміш»]. — «Збірник історично-філологічного відділу УАН». № 57, Київ, 1928).

Некоторые из них приобретают в наше время широкое распространение, например: фокус-покус, страсти-мордасти, штучки-дрючки, шайка-лейка, шалый-валяй, мастер-ломастер.

Доктор филологических наук
Н. А. ЯНКО-ТРИПЦКАЯ

Чая~чаю, сахара~сахару

Как только на школьном уроке дойдет до выражений *кусок сахару, чашка чаю*, поднимается несколько рук и раздается несмелый вопрос: «Как правильно написать *сахара* или *сахару*, *чая* или *чаю*?».

В языковом сознании пишущих нет критерия для выбора окончания. Учитель, опираясь на существующие учебники и пособия, разъясняет, что *-у (-ю)* надо писать, если говорится о частичном использовании вещества, а в остальных случаях должно быть *-а (-я)*. Тогда возникают новые вопросы: «Как определить, где частичное, где нечастичное использование вещества? Как быть, если речь идет не о веществе: *шум, треск* и др.?».

Как же употребляются формы на *-у (-ю)* в живой речи?

В районных газетах Воронежской и Курской областей, за которыми мы вели наблюдение примерно в течение полугода, отмечено более 80 существительных — названий веществ, употребленных в количественном значении только с окончанием *-а (-я)*: ячменя, жира, цемента, гороха, жома, овса, протеина и т. д. И только два раза встретилась форма на *-у (-ю)*: «Расходуют 5—7 килограммов молотого меду»; «За чашкой чаю механизаторы до поздней ночи беседовали о земле».

Академическая «Грамматика русского языка» (т. I. М., 1953, стр. 143) на основе огромного материала из художественной литературы XIX—XX веков указывает существитель-

ные, которые в родительном падеже могут иметь окончание *-у (-ю)*. В романах Л. Леонова «Русский лес», Г. Николаевой «Жатва» и в нескольких десятках популярных брошюр по химии, медицине, кулинарии, исследованных выпускницей Воронежского университета Л. Болтенко, таких существительных оказалось 19. Это слова: воздух, сахар, чай, мед, пот, газ, творог, жир, сыр, кисель, сок, кислород, навоз, йод, хворост, жемчуг, изюм, стеарин, гемоглобин. Причем в авторской речи обычные формы на *-а (-я)*: с ниткой жемчуга, плошка меда, две кисти винограда и т. д.; *-у (-ю)* находим в речи персонажей: «Сколько у тебя гемоглобину?»; «По горстке сушеного изюму»; «Сколько одного поту пролили» и др.

Несомненно, что некоторые выражения с формой на *-у (-ю)* привычно употребляются в разговорной речи: попить чаю, прислать медку, съест творожку. Именно они прежде всего и отражены на письме, ср. приведенные примеры из газеты, а также пример из медицинской брошюры о питании, где в списке рекомендуемых на ужин блюд, есть *стакан чаю* или *сока*. Даже стоящее рядом *сока* не повлияло на привычное *чаю*.

Выпускница Воронежского университета В. Стрижененко наблюдала за употреблением интересующих нас форм в письмах и заметках, поступающих в редакции двух районных газет Воронежской области. Но и в этих заметках, нередко довольно да-

леких от нормированной речи, отмечены лишь единичные случаи употребления форм на *-у (-ю)*: «Чаю забыли когда видели»; «Крахмалу не было»; «Десятки цветнеров сахару».

Таким образом, наблюдения показывают, что с формой родительного падежа мужского рода на *-у (-ю)* связано сейчас не количественно-разделительное значение, а лишь стилистическая окраска разговорной речи.

Об этом говорит и употребление окончаний *-у (-ю)* и *-а (-я)* у существительных, обозначающих не вещества, а процессы, состояния, разные отвлеченные понятия. Академическая грамматика, указывая небольшое количество таких существительных, констатирует более обычное появление окончания *-у (-ю)* в сочетаниях с предлогами *из, от, с, без* и в устойчивых фразеологических сочетаниях. В XIX веке формы на *-у (-ю)* были более употребительными.

В сочинениях абитуриентов и студентов университета, в районных газетах Воронежской области у отвлеченных существительных мужского рода в родительном падеже находим главным образом *-а (-я)*: без надзора, для отвода глаз, от голода и др. Только в единичных случаях были употреблены *-у (-ю)*: что толку, ни разу.

В современной художественной литературе формы на *-у (-ю)* встречаются редко и с явной установкой отразить разговорные, даже просторечные особенности выражений героя: «Может, не стоило беспокоить, но из-за нашего интереса...», — говорит егеря в очерке В. Пескова «Ломаное копыто»; «С голоду подохнем», — ворчит бабка в романе Ю. Воищева «Я жду отца».

Сопоставления показывают, что в русском литературном языке действует явная тенденция к сужению форм родительного падежа на *-у (-ю)*. В настоящее время они сохраняются в основном в устойчивых выражениях разговорной речи: ни разу, без толку, попить чаю и т. п. Вытеснение форм на *-у (-ю)*, по существу дублетных форм на *-а (-я)*, с точки зрения развития языка вполне целесообразно.

Известные аналогии можно найти в употреблении существительных

мужского рода предложного падежа на *-е* и на *-у (-ю)*. В существующих пособиях *-у* рекомендуется для обозначения пространственных понятий, а *-е* для всех остальных.

В просмотренных нами текстах, названных выше, большинство существительных, обозначающих пространственные понятия, стоят в предложном падеже с окончанием *-е* и пары на *-у (-ю)* вообще не имеют (176 слов): в классе, в зоопарке, в магазине, в городе, в зале, в буфете, в мире.

Академическая грамматика приводит список слов, которые могут иметь и преимущественно имеют *-у (-ю)*. Многие из этих существительных отмечены только с формой на *-у (-ю)* и в нашем материале: в саду, на лугу, на берегу, на борту, на валу, на полу, в аду, в раю, в тылу, в носу, на носу, на лбу, на суку, в снегу, в лесу, в углу, в виду, на виду.

Как видно из примеров, разграничение окончаний предложного падежа существительных мужского рода единственного числа связано не с различием значений, а с различием корней; окончания распределены по лексическим группам.

Форма на *-у (-ю)* наблюдается также у слов, называющих отрезки времени, действия, состояния. Обычное окончание предложного падежа у таких слов — *-е*: в нашем веке, на слете, в семестре, на откорме. Но группа выражений устойчиво сохраняет *-у (-ю)*: в этом году, в бою, в тифу, на ходу, на каждом шагу, в долгу.

В некоторых случаях окончания *-е* и *-у (-ю)* используются для разграничения значений слова: *хлеб на корню, но на корне растения; сидеть в первом ряду, но в ряде случаев; в краю родном, но на переднем крае борьбы; быть на счету, но написать на счете*.

Следует отметить, что слов с окончанием *-у (-ю)* значительно меньше, и многие из них тяготеют к устойчивым выражениям или стали ими. В случаях возможной дублетности литературный язык избегает окончаний *-у (-ю)*. Так, во всем просмотренном материале ни разу не было *в дому*, хотя это слово в предложном падеже употребляется очень часто, и только один раз отмечено *в чеху*,

тогда как в *цехе* употреблялось десятикратно раз.

В разговорной, ненормированной речи такой закреплённости окончаний *-е* и *-у (-ю)*, как в литературном языке, нет. «На угле кислый квас продают», — сообщает женщина собеседнице и добавляет: «Вон на том углу». «Одеяло на чердаке лежит», — говорят отец дочери и тут же себя поправляет: «На чердаке». Формы на *-у (-ю)* часто употребляются без колебаний: «Опять на столбу сидите» (электрику); «Живут здесь в тихом уголку». Это отражено и в сочинениях учащихся и в письмах в районные газеты: «На суду Павел говорит»; «По приезду пошел я на работу»; «Находимся в телятнику»; «В так называемом сузу». Окончание *-е* возможно и там, где литературный язык допускает только *-у (-ю)*: в соловом лесе.

Не соблюдаются в разговорной речи и литературные разграничения значений слова с помощью окончаний: «На крае плантации»; «На первом ряде сели самые уважаемые люди»; «На его счете нет денег»; «В тот вечер мы были на „Клопу“». Это свидетельствует о том, что в просторечии формы предложного падежа мужского рода на *-е* и *-у (-ю)* дублетны. Действующая в литературном языке тенденция к разграничению окончаний *-е* и *-у (-ю)*, к различению с их помощью слов и

значений должна быть признана целесообразной, а нарушение складывающихся в литературном языке норм — несомненной ошибкой.

Полученные выводы позволяют сказать несколько слов по поводу широко известной и принятой в зарубежной русистике теории американского ученого Р. Якобсона о существовании в русском языке двух родительных и двух предложных падежей (R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre.— TCLP, VI, 1936, S. 149). Эта теория опирается именно на существование двух окончаний в родительном и предложном падеже.

Как показывает рассмотренный материал, формы на *-у (-ю)* как в родительном, так и предложном падеже, не связаны ни с особым синтаксическим, ни с особым морфологическим значением. Это окончание способно принимать лишь несколько десятков наиболее употребительных в разговорной речи слов. Окраску разговорности, а часто и просторечия как раз и несут формы на *-у (-ю)*. В родительном падеже они явно вытесняются своим дублетом на *-а (-я)* или переходят в состав наречных форм. Таким образом, нет никаких оснований говорить о двух родительных и двух предложных падежах в русском языке.

З. Д. ПОПОВА,
доцент Воронежского университета

Чтут или чтят?

В современном русском литературном языке существует глагол *читать* в значении 'почитать, испытывать к кому-нибудь глубокое уважение'. Глагол этот не употребляется широко, однако в известных контекстах, требующих торжественности, довольно часто встречается как в художественной литературе, так и публицистике. Относится он к продуктивному IV классу с суффиксом *-и (-ть)* в неопределенной форме и входит в

ряд немногочисленных односложных глаголов этого класса: *длить, злить, льстить, мнить, мстить, тлить, тщиться, чтить* (известно, что глаголы на *-и (-ть)* IV класса преимущественно многосложные с именной основой: *бороздить, партизанить, помадить* и т. п.). Глагол *читать* относится ко II спряжению и, по существующим правилам, должен иметь следующую форму спряжения настоящего времени:

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	чту	чтим
2 лицо	чтишь	чтите
3 лицо	чтит	чтят

Между тем в форме 3-го лица множественного числа обнаруживаются колебания. Есть мнение, что здесь возможны две формы: *чтят* и *чтут*. На это указывает, например, В. В. Виноградов в книге «Русский язык» (М.—Л., 1947, стр. 445).

Толковые словари (например, Словарь С. И. Ожегова, 17-томный академический) также отмечают две параллельные формы *чтят* и *чтут* (при этом отмечается книжный характер глагола). Академическая Грамматика считает эти формы равноправными и находит даже различие в их лексическом значении. Однако примеры, приводимые в Грамматике в качестве доказательства этого положения, нам не кажутся убедительными. Ср.: «Оба они любовью чтят память о ней» и «Их чтут, им повинуются тысячи таких, как он». В обоих формах заключен единый смысл 'выражать почтение, уважение, почитать'. Не случайно словари не отмечают здесь различий в значении.

Существует и другое мнение, что имеется только одна форма, а именно *чтут* (см.: S. Karcevsky, *Système du verbe russe*, Prague, 1927). Некоторые считают единственной и обязательной форму *чтят* (см.: E. Daum, W. Schenk, *Die russischen Verben*, Grundformen. Aspekte. Rection. Leipzig, 1954). В нормативных справочниках есть тенденция сделать нормой форму *чтят*, а *чтут* считать только допустимой (см.: «Русское литературное произношение и ударение». М., 1959).

Таким образом, остается неясным, какая же форма — *чтят* или *чтут* — должна употребляться в 3-м лице множественного числа настоящего времени глагола *читать*. Чтобы решить этот вопрос, надо подойти к нему исторически.

В XVIII—XIX веках мы находим у глагола *читать* устойчивое употребление формы *чтут*. Она отмечается, например, «Словарем Академии Российской» (т. 6, 1794) с примером из еван-

гельского, т. е. славянского, текста: «Да вси чтут сына...». Это показывает, что традиция такого употребления идет исстари. Вместе с тем в то время форму *чтут* имели и другие глаголы, отличные от *читать* и по спряжению и по значению: *цель* в значении 'читать' и *цель* 'считать'. Хотя этимологически их можно считать одним глаголом, но для XVIII—XIX веков они разные с разным кругом значений. Как и глагол *читать*, они имели в 1-м лице единственного числа настоящего времени форму *чту*, в 3-м лице множественного числа — *чтут*, а форму причастия настоящего времени — *чтущий*.

Глагол *цель* 'читать' уже в конце XVIII — начале XIX века употреблялся очень ограниченно. На это, в частности, указывают пометы словарей. «Словарь Академии Российской» (1789—1794) дает его в славянской форме инфинитива *цельси* с пометой «сл[авянское]»; Словарь 1847 года дает помету «церк[овнославянское]». Современные словари, хотя и отмечают этот глагол, но характеризуют его как «старин[ный]» (под редакцией Д. Н. Ушакова), «устарел[ый]» (17-томный академический). Глагол *цель* сохранил употребительность с приставками в форме совершенного вида (например: *прочель*, *перечель*), на что, в частности, указывают С. Карцевский и академическая Грамматика. Последняя почему-то придерживается этимологического принципа, соединяя два глагола *цель* 'читать' и *цель* 'считать' в формулировке, что глагол употребляется в современном языке главным образом в сложении с приставками (*выцель*, *зачель*, *цель*), а также *перечель* и *прочель*). Бесприставочный глагол несовершенного вида очень рано стал заменяться глаголом *читать*.

Глагол *цель* 'считать' отмечается в «Словаре Академии Российской» с теми же формами настоящего времени *чту*, *чтешь*, причастием *чтущий*. Он был широко употребителен в конце XVIII — начале XIX века, например: «Обидными чту нравы, которые делают тиранов из отцов» (Озеров. Дмитрий Донской); «Монахов четьрнадцатъ, бельцов, чтущихся к пострижению, четьре» (Челищев. Путешествие к Северу России). Сове-

менные словари, отмечая его устарелый характер, приводят формы *чту, чтешь, чтут, чтущий*.

Чту, чтут и чтущий у глагола *читать* становятся омонимичными с теми же формами глаголов *честь* 'читать' и *честь* 'считать': «Хотя Фетиду чту, но больше почитаю всевышних я богов» (Тредьяковский. Деидамия трагедия); «Своих я чад люблю и чту душою» (Пушкин. Дионея); «Я Шуйских чту» (А. К. Толстой. Царь Федор Иоаннович); «Которые в тебе чтут нежного отца» («Русский вестник», 1810, № 3); «В России чтут Царя и кнут» (А. Полежаев. Четыре нации).

Зачастую в текстах омонимия с глаголом *честь* 'считать' вызывает неясность в значении: «Ее чтут мудрые кумиром и поклоняются царя» (Державин. Всемило); «Я бога богом чту» (Жуковский. Из Дон-Кихота); «В дар отечеству пролить в сраженью кровь Не только долгом чту, за первую чту славу» (Озеров. Дм. Донской). В этих примерах возможно двойное толкование: 'считать' и 'уважать'. Одновременно с формой *чтут* употреблялась и *чтят*, но гораздо реже, ср.: «В России чтят наконец достоинства ученых» (Карамзин. Письмо Муравьеву от 5 октября 1805). Ср. колебания Державина: «Иные чтят одну фортуна; далее в скобках: «иные *чтут* (курсив автора. — Н. А.) одну фортуна» (вариант стихотворения «На смерть Бибикова», 1774).

Омонимия и, следовательно, неясность значения форм *чту, чтут* привела к вторичному образованию приставочных глаголов несовершенного вида. Так, глагол *честь* 'считать' издавна заменялся глаголами *считать* и *почитать*, равноценными по значению с приставочным *честь* (глагол *почитать* — *почесть* в значении 'считать' был очень употребителен в XVIII—XIX веках. Его не надо смешивать с глаголом *почитать* — *почтить* в значении 'оказывать почтение, уважение'). Например: «Вот остроумием что часто мы считаем» (Державин. Модные остроумие); «Почитаем нужным ассигновать потребную сумму...» (Полное собрание за-

конов Российской империи, 1789). С другой стороны, и глагол *читать* заменялся своим приставочным эквивалентом: «Люби ее и почитай» (Болотов. Записки); «Возможно ли не почитать Аристотеля?» (Крылов. Сочинитель в прихожей); «Все князи его боялись и почитали» («Северный вестник», 1805, № V).

Однако бесприставочная форма глагола *читать* все же оказалась жизнеспособной и употребительной. В наше время для придания торжественности высказыванию часто используются бесприставочные несколько архаизированные глагольные формы, например: целить раны; разить врага; чинить расправу; вернуть дела и т. п.

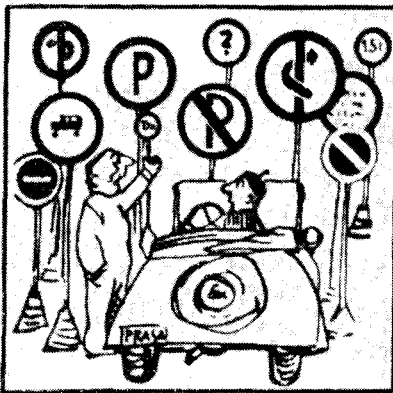
Так и глагол *читать* в торжественных, высоких контекстах и поныне употребляется: «Наши современники чтут память героев, павших за свободу и независимость нашей Родины»; Я чту в этом человеке его принципиальность» и т. п. Глагол *честь* 'считать' (без приставки) не сохранился; еще раньше перестал употребляться глагол *честь* 'читать'. Таким образом, можно считать омонимию форм *чту, чтут, чтущий* распавшейся: они сохранились только у глагола *читать*. Теперь омонимические отношения не препятствуют употреблению формы *чтут* (от глагола *читать*), которая всегда была более употребительной (хотя и менее правильной, чем *чтят*).

В победе формы *чтут* над *чтят*, очевидно, сыграло роль и то обстоятельство, что форма *чту* также не является типичной для глаголов II спряжения. Она должна была иметь чередование *т — ч* (ср., например: платить — плачу, крутить — кручу). Это чередование в 1-м лице единственного числа глагола *читать* отсутствует по фонетическим причинам: непроезносимое стечение двух *ч* в односложном глаголе. Для современного языка форму *чтут*, очевидно, есть все основания считать победившей форму *чтят*.

Кандидат филологических наук
Н. С. АВИЛОВА

Сигнальные знаки и надписи — основной регулятор уличного и дорожного движения. Они обеспечивают безопасность движения водителям и пешеходам и поэтому обязательны для них. Путевые знаки и надписи лишь сообщают, где путешественники сейчас находятся, как называется дорога, какова ее протяженность... и т. д. Реклама и плакаты составляют декорационно-оформительскую часть дорожной «архитектуры». Как особая форма изобразительного искусства и словесного оформления плакаты и реклама, активно и эмоционально воздействуя на зрителя и читателя, используются в агитационных целях. Несмотря на то что назначение этих трех видов словесно-символической информации различно, способы и самый отбор средств передачи диктуются прежде всего особенностями дорожной и уличной жизни.

Надпись, знак или плакат должны быть прочтены с автомобиля, идущего с большой скоростью. Инженеры считают, что, допуская скорость движения, равную 80 километрам в час, чтение текста можно начать с расстояния 145 метров, при этом условии размер букв начального слова должен быть около 400 миллиметров, а допустимый размер последних слов не менее 122 миллиметров. Чтение длится не более 5 секунд. Предполагается, что прочитать можно русский текст от четырех до двадцати шести букв. Определение границ текста ставится, таким образом, в зависимость и от скорости движения автомобиля, и от размера и типа шрифта (считается, что для дорожных надписей лучше использовать узкий шрифт), и от расположения букв в тексте.

— Следите за знаками и помогите спокойно ехать...

Лингвиста дорожная информация может заинтересовать со стороны формы ее существования. Так, в СССР принята международная европейская сигнализация, основу которой составляют символические изображения, а надписи играют вспомогательную роль. Дорожная символика представляет собой одну из разновидностей знаковых систем, используемых в обществе. И с этой стороны она исследуется и описывается, например, в статье А. А. Зализняка '«Опыт анализа одной отно-

сительно простой знаковой системы» (в сб. «Структурно-типологические исследования». М., 1962).

Словесное оформление дорожной информации важно рассмотреть и со стороны ее культурно-речевого оформления. У нас немало говорят и пишут о том, что многие плакаты, выставленные на дорогах, не отвечают самым невзыскательным требованиям. Так, Всесоюзный сатирический киножурнал «Фитиль» № 5 показал фельетон «На щите и под щитом» (автор сценария Э. Пархомовский, режиссер И. Магитон); с достоверностью кинодокумента в нем и рассказано и показано, что если водитель будет читать все тексты на придорожных щитах, то, даже снизив скорость до 20 километров, он не избежит аварии.

«Литературная газета» неоднократно выступала против низкого качества дорожных публикаций. Так, в заметке «При ослеплении остановись!» (4 октября 1966) Гр. Цитриняк пишет:

В своих письмах читатели приводят примеры подобных «самодельных» надписей на щитах, расположенных по обочинам шоссе и в других местах. Видел их и я, когда летом прошлого года прошел пешком и исколесил на автомашине тысячи километров. Тогда-то и выяснилось, что простой фанерный щит стал средством общения известных авторов с путешественниками. Были здесь и стихи, писанные преимущественно ямбом

Смыкаешь глаз —
не жми на газ!

ИЛИ

Водитель, отправляясь в путь,
Тормоз проверить не забудь!

Следует заметить, правда, что рифмованные инструкции встречались главным образом на дорогах районного масштаба. На больших же шоссе почти безраздельно властвует проза, изящная, как паровой каток. «При ослеплении остановись!» — дружески призывает щит на шоссе Ковель-Луцк. Надпись при выезде из Львова советует воздержаться от совершения тяжкого уголовного преступления: «Не ослепляй товарища!». А щит при въезде в Кишинев объясняет, почему этого нельзя делать: «Ослепление — причина аварий!».

И действительно, без ущерба для уличного движения можно убрать очень многие придорожные щиты с надписями. Так, на Ленинградском шоссе недалеко от местечка Спас-Заулок проезжающим рекомендуют: «Подкармливайте зайцев зимой!». В Закарпатье дорога проложена среди горных лесов и всем проезжим и проходящим местные власти советуют: «Охороняйте свиной!», «Охороняйте лісних птахів», на эту тему есть и стихи:

Конечно, трудно давать рецепты, как писать, однако явные ошибки должны быть устранены. На одной из улиц Двинска висит назидательный плакат, и тоже в стихах:

Курите помалу,
Чтоб не было пожару!

В. Маяковский писал в своих записных книжках: «Считающиеся легкими агитки на самом деле требуют самого напряженного труда и различнейших ухищрений». И дело не в том, что в плакатной надписи нельзя употреблять разговорные языковые формы, иногда это может быть даже необходимо. Так, в сатирическом плакате военных лет В. Дени «На Москву! Хох! От Москвы: ох!» или в рекламном плакате В. Маяковского: «Галоши „Резинотреста“ — просто восторг! Носят Север, Запад, Юг и Восток» используются и междометные формы и оценочные обиходные словечки, которые не встретишь в деловой или строгой публицистической речи. Тема решена, как говорят, «снайперски». Стилистические средства рисунка и надписи дополняют друг друга, а потому художественно закончены.

Еще пример. У въезда в г. Пярну стоит щит с плакатом «Город борется за звание безопасности движения». Слово сочетание *звание безопасности* не только стилистически неудачно, оно и просто без-

грамотно. Слово *звание* обозначает официальное или почетное наименование, которое присваивается за какие-то заслуги, обычно отдельному лицу или группе лиц (звание Героя Советского Союза, звание заслуженного деятеля науки, звание инженера). За последние годы появилось сочетание *город-герой* и *звание города-героя*. Здесь связь с прямым значением сохраняется, сочетание же слова *звание* с отвлеченным существительным смысла не имеет.

Под Москвой на многих дорогах водители могут прочесть один и тот же плакат: «Здесь совершены наезды на пешеходов!». Совершают открытия, проступки, преступления. Однако сочетание *совершать наезд* звучит так же нелепо, как *совершать наскок*. К тому же само слово *наезд*, образованное от глагола *наезжать* в значении 'натолкнуться на кого-либо и столкнуться с кем-либо', не имеет пока прав литературности. Оно не зафиксировано ни в одном словаре литературного языка. Если это слово и употребляется, то лишь в профессиональной речи. Да и тематика плаката так мрачна, что следовало бы поискать другие слова, если нужно предупредить водителей об опасном повороте или предостеречь их от возможной аварии.

Грубые стилистические ошибки, так же как и ошибки в словоупотреблении, замечают многие, и поэтому легко убедить дорожные организации в том, что, если авторы не уверены в правильности текста, они должны консультироваться с лингвистами или литераторами. Гораздо опаснее другое. Подписи к современным рекламным и политическим плакатам, и особенно к плакатам на профессиональные темы, часто составляются кустарно, неумело, и в результате массовым тиражом насаждается ординарная бесцветная речь.

В 20-е — 30-е годы искусству плаката придавалось большое значение. Плакатом занимались крупнейшие поэты и художники России: В. Маяковский, Д. С. Моор (Орлов), В. Н. Дени (Денисов), А. А. Дейнека и др. В начале 30-х годов секция пространственных искусств (при Коммунистической академии Института литературы, искусства и языка) организовала вечера дискуссий о плакате. Было принято постановление ЦК ВКП(б) о плакатной литературе, в котором предлагалось создать специальное общество художников-плакатистов. Широко обсуждались и вопросы плакатной стилистики. Современные искусствоведы с горечью пишут о том, что «на послевоенном плакате тяжело сказывается ослабление его связей с литературой, с писателями и поэтами, с народным поэтическим творчеством... Советскому плакату нужно решительное расширение круга сложившихся типов подписей, большее разнообразие интонаций текста, повышение его литературного качества» (Г. Демосфенов, А. Нурок, Н. Шантыко. Советский политический плакат. М. 1962)

Плакат как форма изобразительного искусства характеризуется лаконизмом и динамикой в передаче изображаемого. В докладе о художественной пропаганде на I Всероссийском съезде работни-

ков РОСТА в 1920 году В. Маяковский говорил: «Первая и основная наша задача — это приковывание внимания, это заставить бегущую толпу, хочет она или не хочет, всеми ухищрениями, остановиться перед теми лозунгами, перед которыми мы хотим ее остановить». Как считают художники, выразительность плаката достигается применением контрастных цветов, крупных объемов и плоскостей, схематичностью изображения. При этом «текст должен органически входить в плакат, быть связанным с ним и цветом, и композицией, а не быть приставной плашкой, потерявшей все эстетические свойства» (В. Корецкий. Заметки плакатиста. М., 1958). Классический плакат Д. Моора «Помоги!» (1920) предельно лаконичен: фигура изможденного старика, единственный высохший колосок и одно слово.

В наши дни усилилась тяга к остроумной искусной рекламе. В частности, многие телевизионные фильмы-рекламы сделаны занимательно, с сюжетом и действующими героями. В Таллине последние полтора года работает клуб рекламы, который объединяет 160 художников, фотографов, декораторов и полиграфистов. В клубе профессионально оценивается и «броское» рекламное объявление в газете, и наиболее интересные рекламные фильмы. Искусству рекламно-плакатных подписей в таком клубе должно быть отведено едва ли не первое место.

Составителям текста приходится думать не только о его смысловой стороне; сама стилистическая форма, так сказать «костюм» плаката, — предмет их особенной заботы. В журнале «За рубежом» (№ 6, 1968) рассказано:

На въезде в один из городов французского департамента Воклюз на столбе висит такое напоминание: «Если вы через наш город будете ехать со скоростью 60 километров в час, у вас будет возможность ознакомиться с нашей новой тюрьмой; скорость свыше 80 километров приведет вас в нашу больницу; если вы превысите 100 километров в час, будете иметь удовольствие почивать в мире на нашем гостеприимном кладбище».

История «плакатного слова» показывает, что происходил и происходит отбор языковых конструкций, пригодных для этого жанра. Так, экспрессивная лаконичная надпись «Помоги!» оказалась находкой и появились многие другие плакаты с аналогичной формой: «Отомсти!», «Освободи!», «Не смей!», «Не болтай!», «Выстоять!». Дорожники тоже взяли эту форму на вооружение: под знаком «сужение дороги» есть и подпись: «Уступи!». Активно используется краткая эмоциональная конструкция обращения-призыва: «Пролетарий, на коня!», «Молодежь, на фермы!», «Все на выборы!», «Все на лыжи!». Близки к ним плакаты «Шофер, береги горючее!», «Водитель, будь осторожен!».

Охотно используется форма пословичных противопоставлений: «Шакалы воют, а караван идет!» — о хозяйственном строительстве: «Хоть тонко, но не рвется!» — реклама о нитках, «Экономил секунды, потерял год» — о водителе, попавшем в аварию. За два

последних года стала популярной конструкция отрицательного сравнения с *не*: «Водитель, будь осторожен! Шоссе не космос!», «Дорога не трек! Гонок не устраивать!» и т. п. В противовес таким коротким и по форме, пожалуй, удачным надписям гораздо чаще на дорогах можно встретить плакаты с длинным невыразительным текстом, например: «Увеличим добычу и обработку рыбы за счет полного использования производительной мощности флота, орудий лова и рыбообрабатывающих предприятий!». Основной недостаток этого текста — многотемье. К тому же, сам по себе текст удивительно однообразен, в нем преобладают газетные штампы, читатель засыпает с открытыми глазами.

Справедливости ради следует сказать, что в столицах такие плакаты встречаются редко. Их почти нет на дорогах Прибалтики, и особенно много в маленьких подмосковных городах. Так, при въезде в город Подольск путешественника спрашивают: «Товарищ, что ты сделал, чтобы достичь показателей тех, кто идет впереди тебя?». Вряд ли действительным окажется и такой плакат: «Ставьте решетки на горловины битумоплавильных котлов!». Для большинства он звучит так же непонятно, как и «рудиментарная концепция тектонических адекватных ощущений». Очевидно, плакаты с «узким» адресатом должны использоваться очень осторожно.

И последнее. Иногда желание «культурно» оформить дорогу доходит до смешного. Под Москвой возле села Расторгуева на опушке леса надпись «Зона отдыха», сбит стол и деревянные лавки возле него. На дереве висит дощечка: «Здесь отдыхать». Рядом другая: «Здесь курить», еще в сторону — «Здесь плевать». А на сосне для непосвященных еще одна надпись — «Лес» и нарисована стрелка, куда *идти*...

Как известно, на дорогах плакаты и надписи устанавливают дорожные организации. И этим организациям следовало бы обратить особое внимание на словесное оформление дорожных щитов. От многих плакатов можно было без ущерба отказаться. Но если даже все они необходимы, речевая их форма должна быть безупречной.

Кандидат филологических наук
Л. К. ГРАУДИНА

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

Учитывая пожелания читателей, редакция расширяет раздел «Практикум по стилистике» и считает необходимым при этом сделать некоторые замечания о его задачах.

В нашем журнале регулярно публикуются материалы по литературному редактированию и практической стилистике (в этом по мере советуем обратить внимание на статью Б. С. Мучника «Первоначальное и окончательное восприятие текста»). «Практикум» в значительной мере — повторение пройденного. При анализе связанных текстов мы сознательно ограничиваемся указанием на ошибки, *порбю* учитываем только явные, грубые нарушения грамматиче-

ских правил и стилистических норм, предлагая нашим читателям отредактировать текст в целом.

Исправленных вариантов каждого предложения может быть много, и мы бы не хотели навязывать свои решения. Литературное редактирование в принципе несовместимо со стремлением к единообразию в способах выражения мысли.

Найдите ошибки и исправьте текст статьи из многотиражной газеты «Трибуна кировцев» (23 июня 1967. Ленинград).

Некоторые итоги работы по новому графику

Трудящиеся комбината¹ с 5 июня перешли на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. К этому переходу² во всех цехах и отделах была проведена большая подготовительная и разъяснительная работа, разработаны конкретные графики³ для всех категорий работающих. В целом определен наиболее удачный режим начала и окончания работ⁴ смен и обеденных перерывов.

Вся эта большая проделанная работа дает возможность сказать, что основная задача, которая ставилась при переходе на укороченную рабочую неделю, нами выполнена⁵. Основные цехи и отделы комбината⁶, несмотря на то, что в июне невыходы рабочей силы⁷ значительно увеличиваются, во-первых⁸, за счет учащих и студентов, сдающих экзамены, а также за счет летнего отпускного периода⁹, программу комбинат выполняет.

Были опасения в том¹⁰, что будет¹¹ много опаздывающих среди проживающих¹² за городом и в районах новостроек. Прошедшие¹³ более чем две недели наша проходная не отмечает увеличения опаздывающих в утреннюю смену по сравнению с прежним режимом¹⁴ работы. Но наблюдается и раннее окончание работы в вечернюю смену.

Цеховой администрацией учитываются¹⁵ отдельные¹⁶ работники, которые по тем или иным причинам вынуждены заканчивать работу несколько раньше из-за городского или железнодорожного транспорта. Например, в прядильном цехе фабрики № 2 работнице Р. Петровой в вечернюю смену после проезда на электричке приходится идти 1,5 км пешком¹⁷, а затем переезжать Неву на катере, который заканчивает перевоз в 0 часов 45 минут.

Одновременно в объеме комбината¹⁸ учитывается¹⁹ для соответствующего ходатайства о неудобствах²⁰ в начале и окончании работы отдельных маршрутов городского транспорта и в расписании пригородных ж. д. Например, группа рабочих ставит вопрос о неудобствах в работе автобуса № 102. В своих предложениях рабочие пишут о необходимости пересмотреть как²¹ сам маршрут, так как он очень много петляет²² по Гражданке, а также и о том, что утром на линии бывает мало машин и интервал между ними очень большой. Предложение послано по назначению.

График обеденных перерывов в основном удовлетворяет работу²³ цехов, но для ритмичной деятельности столовых и буфетов²⁴ необходимо цеховой администрации²⁵ проследить²⁶, чтобы посещающие²⁷ столовые и буфеты соблюдали этот график для сокращения лишних²⁸ очередей и времени²⁹ на прием пищи³⁰. В то же время работникам столовых и коллективу отдела старшего механика фабрики № 2 желательно³¹ быстрее в центральной столовой пустить новую установку для комплексных обедов.

Не вызывает сомнения, что новый график быстро найдет свое место в работе нашего коллектива³².

(Примечания на стр. 125)

ОСНОВЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

«Без письма язык оставался бы лишь мгновенным орудием сообщения. Одно письмо придает прочность летучему слову...»

Я. К. Грот
«...только благодаря ему (письму.—
В. И.) сохраняются для будущего
мысли и достижения человека, плоды
настоящего»

Ч. Лоукотка

Письмо было столь великим коллективным изобретением человека, что люди даже не могли поверить в свое «авторство», в свой разум, в свою силу и долго приписывали создание письма... богам. Теперь все хорошо знают, что письмо — дело рук человека, все им пользуются (хотя и не все его ценят), и даже не только пользуются, но постоянно его совершенствуют.

Современное письмо далеко ушло от первых наскальных рисунков первобытного человека, от различных тотемных, магических и культовых знаков на камнях и предметах. Сейчас письмо большинства народов земного шара звуковое (хотя есть еще и незвуковые системы, например, иероглифическое письмо в Китае и Японии). Знаки звукового письма — буквы — условно передают те или иные звуки речи. Законы современного звукового письма держатся на трех китах: алфавите, графике и орфографии. Все знают, что алфавит — это набор букв в определенной последовательности, что орфография — это какие-то строгие правила выбора определенных («правильных») написаний.

Графика — определенная система соотношений между буквами алфавита и звуками. Эти соотношения — иногда даже при наличии совершенно одинаковых букв — разные в языковых системах. Например, в русском письме буква *в* обозначает звук [в], а эта же буква в латинской графике (у французов, англичан и др.) означает звук [b]. В одном и том же письме одна и та же буква — по законам графики — может читаться по-разному. Так, в слове *юла* мы читаем букву *ю* как [йу], в слове *юж* как [у], уже без [й]. Здесь буква *ю* пишется не только для того, чтобы обозначить звук *у* (без [й]), но и для того, чтобы указать на мягкость звука [н]: [н^бух]. А вот в слове *нужда* звук [н] твердый, поэтому после него пишем просто *у*. В некоторых других языках для указания на мягкость согласных есть дополнительные знаки, иногда это даже дополнительные буквы. В польском языке при определенном сочетании букв для обозначения мягкости согласных после них пишут букву *i*, например *niedaleko* (недалеко),

pierwszy (перфшы) 'первый', ziemia (земя) 'земля', wieczór (вечур) 'вечер'. Во всех этих словах буква *i* — знак смягчения, она не читается. В других случаях буква *i* в польском письме обозначает звук [и]: zima (зима). Кроме буквы *i* как знака смягчения, в польском языке в той же функции может быть употреблен надстрочный знак ' : jesień (йесень) 'осень', koń (конь).

Мы также в принципе могли бы пользоваться надстрочными знаками и писать, например: земл'а, н'ух, с'остры и т. п., читая: земля, нюх, сестры. Могли бы также употреблять для обозначения мягкости согласных какую-нибудь дополнительную букву, например то же *i* (или *u*), и писать: земліа (или земля), сіостры (или сиостры), ніух (или ниух). Кстати сказать, до того, как писатель Н. М. Карамзин изобрел букву *ѣ*, буква *i* использовалась в русском письме как знак смягчения. Писали *сіостры*, *сміозы*.

Графика — очень важный и вполне самостоятельный компонент звукового письма. Как должны были показаться приведенные примеры, она по-разному может строиться даже при одном и том же алфавите. Но все же по отношению к алфавиту графика вторична, зависима от него. Зато графика первична по отношению к орфографии. Правила орфографии строятся на основе законов, правил и возможностей графики. Как же именно?

Возьмем простой пример: хорошее доброе слово *лошадь*. Только ли таким способом можно записать это слово, которое в устной речи звучит [лошэть]? Знаком *ъ* мы обозначили гласный звук, который кажется слушающему каким-то не совсем обычным, нечетким: не то [э] — [лошэть], не то [ы] [лошыть], не то [а] — [лошатъ].

Слово *лошадь* можно — по возможностям, которые дает нам графика, — записать по-разному: лопыдь, лопидь, лопэдь, лошедь, лошадь, лошыть, лошить, лошэть, лошеть, лошать, лошоть, лошодь. Возможны двенадцать вариантов, и все они отвечают тому звучанию, которое мы опознаем как слово *лошадь*.

Другие варианты уже не подойдут: они «разрушат» слово *лошадь*. Поэтому писать, например, *локадь* или *бошадь* графика уже не разрешает. Однако и двенадцати написаний, дозволенных графикой, нам много. Такая доброта графики обращается в зло для читающих; какое-нибудь *лошеть* или *лошить* мы можем, ошибившись, признать даже за глагол (вроде *кишеть*, *хорошеть* или *спешить*, *крошить*). Гораздо удобнее, чтобы и я, и вы, и наш сосед, и автор читаемой нами книги писали одинаково: пусть даже *лошеть*, но только тогда уж всегда *лошеть*. Вот здесь и приходит на благо людям та самая орфография, которая многим представляется злой богиней. Она запрещает одиннадцать вариантов и разрешает один, а именно *лошадь*. Он и считается орфографически правильным.

Итак, орфография — это, с одной стороны, правила, обеспечивающие единообразие на письме; с другой, — соблюдение этих правил (в последнем смысле можно говорить об орфографии чьей-

нибудь рукописи). И наконец, орфография — часть науки о языке, изучающая и устанавливающая «правильное письмо».

Ну, а как именно это «правильное письмо» устанавливается? Вернемся к нашему примеру. Почему же все-таки орфография выбрала написание *лошадь*, а, например, не *лошать*? В отличие от нечеткого (редуцированного) гласного, о котором мы говорили, согласный на конце слова — это явный глухой согласный [т], и, наверное, можно и писать *т*? (звук [θ] произносится в косвенных падежах: лошади, лошадьми и т. д.). Так кто же, когда и почему выбрал написание *лошадь*? Персонально его никто не выбирал. Когда-то это написание в большей степени, чем сейчас, соответствовало звучащему слову. Тогда в этом слове звучал именно звонкий согласный [д], так как после него был еще слабый, нечеткий гласный (специалисты называют его глухим, или, иначе, редуцированным гласным). Это слово звучало в именительном падеже примерно как [лошади]. Буква ь (она называлась «ерь») обозначала этот слабый гласный. Гласный, обозначенный буквой *а*, произносился очень отчетливо, именно — [а]. Но в определенную историческую эпоху (XII—XIII века) в русском языке в некоторых позициях исчезали слабые гласные, в частности исчезли они и в конце слов. Перестав обозначать гласный звук, буква ь переосмыслилась, ее стали воспринимать как показатель мягкости конечного согласного. Конечный же согласный, не «защищенный» гласным, оглушился, и на конце в слове *лошадь* стали произносить звук [т].

Некогда отчетливые безударные гласные (в том числе и рассматриваемый нами звук [а]) стали терять свою четкость. И все же, несмотря на изменившееся произношение, написание слова *лошадь* (и других подобных) сохранялось, «не шло» за этим изменившимся произношением.

Гениальный Ломоносов определил смысл (принцип) таких написаний (т. е. написаний, подобных написанию букв *а* и *д* в слове *лошадь*) следующим образом: «В правописании наблюдать надлежит..., чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений» («Российская грамматика»); «*Друг* не пишут *друк* ради косвенных падежей» («Материалы к „Российской грамматике“»).

Таким образом, принцип написаний получил у Ломоносова свое истолкование, позднее — уже другие ученые — назвали его морфологическим принципом русского правописания. Название «морфологический» он получил потому, что при таком написании, пример которого мы рассмотрели, действует закон морфологических аналогий: *лошать* (с *т*) не пишут по аналогии и ради (как подчеркнул Ломоносов) аналогии с другими словоформами (лошади, лошадью и т. д.), в которых по законам графики может быть написано только *д*. Так мы легче (скорее) узнаем в письменной форме речи, что словоформа *лошадь* имеет прямое отношение к словоформам: лошади, лошадью, лошадей, лошадам, лошадьми,

о лошадах. То же можно сказать и о букве *а*: стоит только сравнить слово *лошадь* и *лошадка*. В последнем слове ничего, кроме *а*, графика нам написать не разрешает, значит, мы приспособляем — ради зрительного единства форм — написание *лошадь* к написанию *лошадка*.

Зрительное (графическое) единство морфем (так называются значимые части слов: корни, суффиксы, приставки, окончания) — в тех случаях, когда это единство возможно по условиям графики, — стали сознательно беречь. Иногда, правда, графика таких возможностей нам не дает. Например, в словоформах *писать* и *пишу*, *хожу*, *ходить*, *хаживать* корень слова уже по условиям графики нельзя писать единообразно.

Графическое единообразие морфем можно и отменить. Можно взять и произвести реформу. Это во власти человека. Нельзя реформировать язык, но орфографию реформировать можно. Никто не может приказать говорить всем, например, только так: не только *жить в Крыму* (как мы и говорим), но и *жить в Кавказе*, не только *смотреть на вас*, но и *видеть на вас*. И даже если вдруг приказали бы (что, конечно, абсолютно исключено), все равно никто так говорить не стал бы, так как язык строится и развивается по своим внутренним законам. В отношении языка возможно вмешательство лишь в пределах борьбы за его чистоту и правильность.

А вот орфографическую реформу, которая приблизила бы написание *к* произношению, произвести можно. Такую реформу произвели, например, в конце XIX века в Югославии. По правилам сербскохорватской орфографии там теперь пишут: гипка, слатка, радосна, опходити се, шездесет, оца, срце (ср. русские соответствия: гибка, сладка, радостна, обходиться, шестьдесят, отца, сердце). Принцип такого письма — фонетический. Но в русской орфографии при передаче на письме звуков речи вполне оправдывает себя принцип морфологический и какая-либо перестройка здесь не предполагается.

Однако обозначение на письме звуков речи — это еще только часть орфографии. Представьте себе, что мы пишем все слова вместе:

Икакэтотжесамыйлесхорошпозднейосеньюкогдаприлетаютвальдшнепы онинедержатсявсамойглушиныхнадобноискатьвдольопушкиветранетиветнисолицанисветанитениидвиженьяишумавмягкомвоздухеразлитосеннийзапахподобныйзапахувина (И. С. Тургенев).

Когда-то только так и писали. Этот способ очень экономен, но удобен ли он при чтении? Совершенно очевидно, что нет. Примерно с XVI века сплошь записанные строки стали делить на слова. Такое письмо было большим культурным достижением. Появился еще один орфографический принцип: раздельное написание слов — и появился новый раздел орфографии: слитные, дефисные и раздельные написания. Принцип раздельного написания (дефисные написания отражают некий «промежуточный этап») как буд-

то бы совершенно ясен и прост. Однако при его воплощении на практике возникают свои трудности. Чаще всего они касаются «маленьких» слов: предлогов, частиц, союзов (хотя правописание сложных слов — тоже иногда проблема). Приведем пример.

У Анны Каравановой есть глубоко лиричный рассказ «Наш артиллерист». Это рассказ о первом поколении советских комсомольцев, о трудной их учебе. И в то же время этот рассказ — миниатюрная поэма о могучем великом русском языке, о богатстве его выразительных средств, в том числе даже самых «махоньких» слов. С этими маленькими словами никак не мог справиться боевой артиллерист-наводчик комсомолец Степан Лазарев. Выучившись грамоте «самоуком», он писал эти маленькие слова вместе с другими, «настоящими» словами и не смог сдать экзамена в совпартшколу. Педагоги совпартшколы в «сжатые сроки» стали учить его и русскому правописанию и русскому языку вообще.

Лазарев долго вглядывался в неровные и корявые строчки...

— Д-да... ниточку тут надо найти... — бормотал он.

— Что пишется вместе, а что отдельно, и почему? — наконец, спросил он. — Вот в какой беде надо разобраться! ...И сколько всяких махоньких слов так и лезут, так вот и лезут на тебя отовсюду, всякие там «в», «с», «к», «на», «под», «над», «при», «об», «от»? Фу, черт, разве это настоящие слова?.. Ухом их ловлю, слышу, как толкнутся они возле необходимых слов: «солнце», «хлеб», «дом», «земля», «человек» и так далее, — а куда эти словца в одну-две буквы приспособить, не знаешь... Вот и толкаешь их куда попало... Я вот думаю, может лишние какие правила тут нагорожены, чтобы зря людям мозги засорять?.. Фу, ты, право!.. «Под», «над», «об», «от»!..

«Ниточка» словно сама просилась в руки: вот с этих столь нелюбимых «махоньких» слов мы и начнем.

Сначала, недоверчиво усмехаясь, Лазарев проделал назначенные ему простые задачи: положить книгу на стол, взять ее со стола, сесть за стол, отойти от стола, положить книгу в ящик стола, а потом под стол и так далее. Таким образом были «обыграны» и другие предметы. Каждая из этих задач немедленно записывалась Лазаревым. Записав, он, как и было ему сказано, неторопливо прочитывал написанное, отчеканивая каждое слово. Изумленная улыбка все чаще озаряла его лицо: он записывал все увереннее и уже не ошибался!

— Что должно быть отдельно, то и записано отдельно, все на своем месте! — радовался он, глядя в свою тетрадь. Потом, помолчав, вдруг по-детски звонко расхохотался. — А почему, позволите спросить, я рассказывал то туда, то сюда, по-разному вещи передвигал и так далее? Почему я ни разу не ошибся, а? Да потому, что вот эти маленькие словечки... мне указывали: «от», «у», «за», «к», «в», «над», «под». Вот как! — радостно произнес он.

Итак, он убедился, что эти слова, которые ему так «мешали», очень точно обозначают движение, направление, противопоставление одного другому, начало или прекращение действия, обозначение места и еще многие оттенки русской речи.

Конечно, отдельные написания «до стола», «в столе», «на столе», столь затруднявшие Степана Лазарева, несложны для тех, кого сызмала, последовательно и правильно учат. А вот вопрос, как эти *до*, *в*, *на* — слитно или отдельно — писать в некоторых других случаях, иногда очень трудно решить: в туник* или втуник? в просак или впросак*? в ничью или вничью*? идет в разрез

с чем-нибудь или идет вразрез*, на ходу* или находу? до упаду* или доупаду? до зарезу* или дозарезу?

Здесь уже не только практика, но и теория весьма осложняются. Слова или только части новых слов все эти *е, на, до*? Правильное написание в подобных случаях — один из труднейших вопросов орфографической теории, хотя сам принцип раздельного написания остается ясным. Здесь трудно определить само слово, его границы (в наших примерах принятые сейчас написания отмечены звездочкой).

Итак, слитные, дефисные и раздельные написания — это второй раздел русской орфографии.

Ну, а если кончается строка? Можно ли оборвать слово на любой его букве, а оставшуюся часть перенести на следующую строку? Конечно, можно, но удобно ли? (Когда писали сплошной строкой, именно так и переносили.) Оказывается — неудобно. Сравните такие «воображаемые» переносы: гол-ова; нео-фициальный, не-офашизм. В первом случае нарушено слоговое деление (при таком переносе нарушается внутренняя плавность речи), во втором и третьем — хотя слоговое деление и соблюдено, слова «разрезаны» не на «смысловом шве», и это явно мешает быстрее понять смысл слова в целом.

Правила переноса — они составляют третий раздел орфографии — строятся на учете слогового строения слова и границ его значимых частей, т. е. морфем (приставок, корней, суффиксов, окончаний).

Но и на этом не кончаются заботы орфографии, охраняющей удобства читающего. Все знают, как скучна равнина, как утомляет ровная прямая дорога, где не на чем остановить глаз, задержать внимание... Попробуйте почитать такой «равнинный» текст:

однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. солнце уже пряталось и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею. я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю, было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. сильно, до духоты пахло хвоей. потом я повернул на длинную липовую аллею. и тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени, направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка (А. П. Чехов).

Удобно ли вам? Наверное, не очень.
Теперь прочтите еще один отрывок:

Оставшись одна, тетка ложилась на матрасик и начинала грустить... Грусть подкрадывалась к ней как-то незаметно и овладевала ею постепенно, как потемки комнатой... в воображении ее появлялись какие-то две неясные фигуры, не то собаки, не то люди, с физиономиями симпатичными, милыми, но невнятными; при появлении их тетка виляла хвостом, и ей казалось, что она их где-то, когда-то видела и любила... (А. П. Чехов).

И в первом, и во втором отрывке отсутствовали начальные большие (прописные) буквы слов, которые мы обычно употребляем в определенных случаях и опять-таки со своей «логикой». Вот как об этой логике (т. е. о принципах употребления прописных букв) пишут члены работающей сейчас Орфографической комиссии кандидаты филологических наук И. Ф. Протченко и А. В. Суперапская, составившие значительно уточненный проект правил употребления прописных букв: «В языках с буквенным письмом прописная буква наделена идеографическими функциями. Прописная буква употребляется... для обозначения членения текста, ибо она показывает начало новой мысли, нового предложения. Она может указывать также на особую торжественность, патетику, с которой говорящий или пишущий воспринимает то или иное понятие. Наконец, прописная буква десемантизирует нарицательные имена, превращая их в собственные...» (сб. «Проблемы современного русского правописания», М., 1964, стр. 131).

В нашем втором отрывке *тетка*, написанное со строчной буквы, почти не сдало своих позиций нарицательного существительного, семантически означающего «тетушку», а не имя собаки. Иначе говоря, без прописной буквы оно плохо десемантизировалось.

Правила употребления прописных букв составляют четвертый раздел русской орфографии.

И, наконец, есть пятый раздел орфографии: различные сокращения. Припомните наши удобные «палочки-выручалочки»: и т. д., и т. п., и др. Но и в графических сокращениях есть свои правила, свои законы, свои трудности. Эти правила и законы впервые очень полно изложены в статье В. З. Санникова «О русских графических сокращениях» (сб. «О современной русской орфографии». М., 1964). А о трудностях, которые бывают даже здесь, интересно рассказала Б. З. Букчина на примере лишь одного сокращения: член-корр. или член-кор.? (сб. «Вопросы культуры речи». Вып. VII. М., 1966).

Есть еще специфические средства, обеспечивающие легкость восприятия глазом письменного текста, — это знаки препинания. О волшебной силе знаков препинания можно прочесть в чудесном рассказе К. Паустовского «Случай в магазине Альшванга». Но знаки препинания — это уже другая «стихия» письменного текста.

Вернемся к орфографии, к ее пяти разделам... Пять разделов! Сколько забот, чтобы обеспечить читающему лучшие условия для быстрейшего понимания того, что написано... И все это выливается в правила, правила, правила... Хорошо читающему... Но как-то пишущему? Думает ли кто-нибудь о бедном пишущем?

Логика вещей говорит, что о тех, кто пишет, должны подумать те же самые люди, которые так заботятся о читающих; думая о читающем, они должны соблюсти и интересы пишущего. Правда, это очень трудно. Читающий всегда хочет получить максимум информации, а пишущий часто склонен к минимуму — лишь бы

ему было легче обеспечивать эту необходимую информацию. Пишущий бывает согласен и знаки препинания не ставить, и «хлопотливые» маленькие слова «толкать куда попало», согласен писать *не* вместо *ни* и наоборот; иногда даже пишущий согласен и *лошадь* написать в любом из двенадцати вариантов — одним словом, пишущий часто согласен на очень многое.

В журнале «Крокодил» было опубликовано, например, такое объявление, записанное в парикмахерской города Воронежа: «Дети дошкольного возраста обслуживаются вне очереди. Вне трезвом виде не обслуживаются» (1967, № 2). Но такая орфография, конечно, никому не разрешается...

И все же об удобствах тех, кто пишет, тоже надо думать и думать очень серьезно; нужно охранять интересы пишущих, потому что их время тоже драгоценно. Так перед составителями необходимых для общества правил орфографии вырастает сложнейшая задача: совместить интересы пишущего и читающего.

В идеале к этому всегда и стремятся, но не всегда получаются хорошие результаты. Так, в 1956 году ради пишущего (чтобы ему было легче) были унифицированы написания имен существительных среднего рода, оканчивающихся на *-ье* (в предложном падеже единственного числа некоторые из них имели окончание то *-е*, то *-и*: *о счастье* — *о счастья*, *в Закавказье* — *в Закавказьи* при устойчивости других: *в платье*, *в белье*). С 1956 года правила стали предписывать только одно написание *-ье*. Однако эта унификация не нравится нашим писателям. Об этом они пишут в адрес ныне действующей Орфографической комиссии. Претензии писателей небезосновательны. Унифицированное окончание *-ье* иногда действительно не обеспечивает необходимую информацию, так как не дает возможность отличить предложный падеж от винительного. Сравните: «Для двух, в неведенье идущих» (Авраменко. Нарымская повесть), или «Идти в подземелье», «Лететь в поднебесье». Куда или где?

Подобные случаи недостаточности информации (а их много, и они разнообразны) убеждают в том, что нужны разные своды орфографических правил: своды расширенные, с правилами, тщательно и подробно разработанными, «тонкими» по подходу, иногда допускающими даже вариантность, то есть с правилами, предусматривающими сложность информации и эстетической нагрузки художественного текста (в таких правилах необычайно нуждаются редакторы, корректоры и другие специалисты слова), и своды краткие, в этом смысле несколько упрощенные, рассчитанные на широкие круги пишущих по-русски.

Кто же составляет, может и должен составлять эти своды? Многим кажется (поскольку все пишут, все читают), что составителем правил может быть любой. Такое представление иллюзорно. Чтобы составить правила, лингвисты терпеливо и вдумчиво, с учетом практики и на основе теории, изучают языковой материал. Это трудоемкая и сложная работа.

Как и в любой науке, в орфографии возможны и разные теоретические позиции, которые — в результате — дают иногда и разные практические решения. Приведем один пример. По современной орфографии в словах *ночь, мощь, рожь, мышь* пишется на конце «ерь» (мягкий знак). Зачем? Для обозначения мягкости согласного? Нет. В словах *врач, плац, муж, камыш* в исходе слова звуки точно такие же, как и в первом ряде слов (*ч, щ* — всегда мягкие, *ш, ж* — всегда твердые), но мягкий знак во втором ряде слов не пишется. Лингвисты по-разному относятся к написанию этого «еря». Со звуковой точки зрения он здесь, действительно, не нужен: эта позиция изложена в книге «Орфография и русский язык» под редакцией И. С. Ильинской (М., 1966).

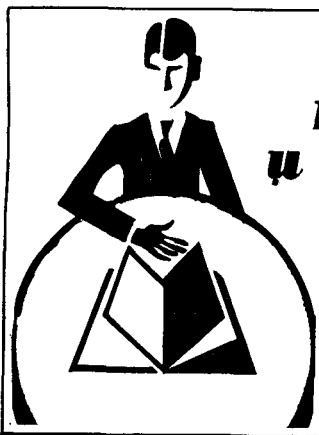
Но есть и другая точка зрения. Она отчетливо выражена в последней статье недавно скончавшегося крупнейшего специалиста по вопросам русского правописания профессора А. Б. Шапиро. Он писал:

Восприятие речи со всеми чертами ее письменного воспроизведения во многом отличается от восприятия ее в виде устного звучания. Написанные (напечатанные) слова *дом, пол, сон, нож, шалаш, сыч, плац*, с одной стороны, и *соль, кровь, грудь, рожь, мышь, печь, вещь* — с другой, поддерживают в читающем отчетливое представление о двух различных родовых категориях существительных, так как выступают как исходные зрительные формы различных парадигм склонения. Читающий усвоил парадигмы (то есть определенные ряды форм.— В. И.) *дом — дома — дому...*, *нож — ножа — ножу...* и *кровь — крови — крови...*, *рожь — ржи — ржи...*, но ему неизвестна парадигма *нож — ножи — ножи...* или *рожь — рожки — рожу...* (он таких никогда не слышит и нигде не видит)... Отмена *ь* в этих формах несомненно разрушила бы существующие в языковом представлении структуры некоторых парадигм существительных... А сохранением цельности этих парадигм следует дорожить, так как они способствуют прочности противопоставлений одних грамматических форм другим и, следовательно, верному пониманию смысла читаемого текста («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1962, вып. 6).

Так за разным отношением к написанию «еря» (и, конечно, не только за этим случаем) стоят разные орфографические теории. Но даже самый краткий разговор о теоретических основах русской орфографии будет неполным, если не подчеркнуть еще один необычайно важный аспект этого вопроса. Орфография — категория социальная: обществу далеко не безразлична его национальная орфография и нельзя поэтому не учитывать отношения к ней со стороны общества. Этим объясняется тот факт, что при совершенствовании или изменении правописания специалисты-орфографы прислушиваются не только к мнению в большей или меньшей степени компетентных в теории орфографии лиц, но и к мнению широких кругов образованных людей.

Оценка общества очень существенна в трудном орфографическом деле. Однако, чтобы эта столь важная для специалистов оценка была и объективно более ценной, необходима широкая пропаганда орфографических знаний.

В. Ф. ИВАНОВА,
доцент Ленинградского университета

первоначальное и окончательное восприятие текста

Я услышал разговор отца с стучавшей посудой в кухне материю (1)

Дядя зашел в сарай, покрытый красной черепицей (2)

О единении сил говорили те писатели, прибывшие из капиталистических стран, которых дорого дело мира (3)

Ошибочны ли приведенные предложения?

Решая этот вопрос, читающий опирается обычно на свое языковое чутье, а оно переменчиво. Поэтому нередко бывает так, что стилистически ошибочное предложение (1) признают правильным, а стилистически безукоризненное (2), (3) — ошибочным (последнее, правда, случается реже).

С неразработанностью вопроса о принципах определения стилистической правильности (ошибочности) предложения связана и другая трудность. Редактор, совершенно правильно считая, что какое-то предложение является стилистически ошибочным, подчас не может доказать автору свою правоту. Один молодой редактор во время эксперимента сказал нам: «Мне важно знать, почему плохо. А то я вижу, что плохо, чувствую, что плохо, а объяснить не могу. Я говорю: это плохо. А автор говорит: „Почему плохо? Это хорошо“. И я не знаю, что ему ответить».

Рассмотрим предложение: *Столяр сделал этажерку из дуба с четырьмя ножками*. На наш взгляд, это предложение стилистически ошибочно, так как в сознании читающего слова *с четырьмя ножками* объединяются со словом *дуба*. Нам могут сказать: каждому здравомыслящему человеку понятно, что дуб не может быть с четырьмя ножками, в это нельзя поверить. «Нельзя поверить, однако очень легко можно подумать», — заметил по сходному поводу академик И. И. Давыдов (Опыт о порядке слов. — «Труды

общества любителей российской словесности». Ч. 7. М., 1817, стр. 87). Возражая против причисления какого-то предложения к разряду стилистически ошибочных, обычно ссылаются на здравый смысл, хотя в печати такие высказывания встречаются редко.

Интересно высказывание по этому поводу В. И. Чернышева. Пример, который он приводит, основан на неправильном понимании отдельного компонента предложения, а не на ошибочной смысловой связи слов, но возражение, которое делает В. И. Чернышев своему оппоненту, распространяется и на случаи ошибочной смысловой связи слов. «...В учебниках словесности,— пишет В. И. Чернышев в книге „Правильность и чистота русской речи“ (СПб, 1914, стр. 255),— приводится в образце неточного выражения фраза Гончарова: „Если бы не эта тарелка да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней (на постели или на трубке? — спрашивают авторы учебников), то можно было бы подумать, что тут никто не живет“. Так как хозяин, конечно, не мог лежать на трубке, то двусмысленности здесь нет, и фраза Гончарова стилистически вполне удовлетворительна» (разрядка моя.— Б. М.).

Распространяя эту аргументацию на другие примеры, можно было бы сказать: «Так как камни не могут разлетаться с писком, то предложение *Мальчик швырял в воробьев камнями, которые с писком разлетались* следует признать стилистически вполне удовлетворительным». Между тем эксперимент показывает, что это предложение стилистически ошибочно: слово *которые* большинство читающих относит к слову *камнями*, а не к слову *воробьев*. Таким образом, мы признали стилистически правильным ошибочное предложение.

В чем же порок подобной аргументации? Те, кто оправдывают стилистическую неправильность предложения ссылками на здравый смысл, рассуждают так, как будто окончательный, правильный смысл, на который они опираются, дан читающему сразу. Они игнорируют динамику восприятия текста. Однако на самом деле читающий сначала ошибается (объединяет слова неправильно), а затем, учитывая общий смысл предложения, исправляет ошибку (объединяет слова так, как они должны быть связаны).

Таким образом, необходимо различать первоначальное и окончательное восприятие текста. Первоначальное восприятие происходит обычно автоматически: слова объединяются в сознании читающего как бы сами собой, а окончательное восприятие — на основе известных размышлений, когда читающий выбирает в качестве более правдоподобного тот или иной вариант объединения слов.

Стилистическую правильность или ошибочность предложения необходимо устанавливать исключительно по первоначальному восприятию. Ведь то, что читающий в конце концов находит правильный смысл, не дает нам никакого права считать предложение стилистически правильным.

Понятие «первоначальное восприятие текста» в работах по стилистике в явном виде не сформулировано. Однако, как показывает вышеизложенное, это понятие совершенно необходимо для аргументированного отделения стилистически ошибочных предложений от стилистически правильных.

Термином «первоначальное восприятие» мы обозначаем восприятие такого текста, содержание которого не известно читающему: он не читал этот текст совершенно или читал настолько давно, что успел его забыть. Иначе говоря, первоначальное восприятие — это такое восприятие, при котором читающий впервые узнает содержание текста в процессе его чтения. Закономерности объединения слов при первоначальном восприятии текста во многом отличны от закономерностей объединения слов при повторном восприятии, которое протекает с деятельным участием сознания.

Таким образом, восприятие фразы с ошибочной смысловой связью слов надо рассматривать во времени, то есть в различные моменты чтения. Когда спрашивают, как объединяются слова при восприятии данного предложения, то этот вопрос нередко должен быть уточнен: «В какой момент чтения?».

Стилистические ошибки, по общему мнению, легче обнаружить, если «дать отлежаться произведению и вновь пересмотреть его» (см.: А. Н. Гвоздев. Об одной проблеме стилистики. — В сб. «Вопросы русского языкознания». Саратов, 1961). Действительно, перечитывание своего текста через длительный срок позволяет писавшему обнаружить многие недочеты, не замеченные ранее. Однако значительная часть недочетов при этом все же остается невыявленной, так как пишущий обычно не осознает, что стилистическая неправильность предложений узнается по первоначальному, а не по повторному восприятию, и пытается определять стилистическую ошибочность предложения по повторному восприятию. (При перечитывании своего текста через длительное время имеет место и первоначальное восприятие и — в случаях неправильного понимания — повторное восприятие.)

Далее. Перечитывание своего текста через длительное время с целью исправления не всегда возможно. Если, например, ученик пишет сочинение в классе, то он должен сдать его не позднее, чем прозвонит звонок, а значит, у него нет возможности перечитать сочинение (исправить ошибки) через несколько месяцев. Можно вспомнить и работу журналистов, когда написанный сегодня материал завтра должен пойти в номер.

Пишущий должен уметь замечать стилистическую ошибку непосредственно в процессе написания текста. В этой связи интересно замечание В. В. Маяковского, который в статье «Как делать стихи?» писал: Все время спрашиваешь себя: «А то ли это слово? А так ли оно поймется?».

Именно так, постоянно, в самом процессе составления текста и многократно пишущий должен уметь становиться на точку зрения читающего, видеть, как будет понят написанный им текст. Чтобы

стать на точку зрения читающего, автору нужно знать закономерности объединения слов при первоначальном восприятии текста. Применяя эти общие закономерности к данному частному случаю, пишущий может заранее узнать, как читающий объединит слова при восприятии данного предложения. Здесь необходимо совершенно точное знание. Ведь если пишущий решит, что в предложении *Дядя зашел в сарай, покрытый красной черепицей* (2) читающий объединит слово *покрытый* со словом *дядя*, то предложение необходимо исправить. Именно к такому заключению приходит, например, критик Амир Саргиджан. Он пишет: «Следует разобрать фразу „Дядя зашел в сарай, покрытый красной черепицей“. Лишь по догадке, а не по строению фразы можно понять, что „черепица“ относится к сараю, а не к дяде. Не исключена возможность понять эту фразу в смысле: „Покрытый красной черепицей дядя зашел в сарай“. Эта возможность двоякого толкования отпадает, если фразу построить иначе: „Дядя зашел в покрытый красной черепицей сарай“» («Литературная учеба», 1936, № 3).

Вопреки мнению А. Саргиджана исправлять приведенное предложение нет необходимости. Это можно доказать при помощи такого лингвистического опыта. Экспериментатор записывает на карточке предложение, окончив его словом *покрытый* — *Дядя зашел в сарай, покрытый...* и предлагает читающим продолжить текст сразу после первого прочтения.

В эксперименте участвовало 29 человек (цифры означают, какое количество читающих данной группы предложило тот или иной вариант продолжения):

- Дядя зашел в сарай, покрытый...
- ...соломой, уже давно изгнившей из-за давности лет — 1
- ... совсем старой и потемневшей соломой — 1
- ... соломой — 9
- ... соломенной крышей — 1
- ... тесом — 1
- ... шифером — 3
- ... толью — 6
- ... черепицей — 5
- ... досками — 1
- ... старыми, сухими ветками — 1

Таким образом, все читающие объединили слово *покрытый* со словом *сарай*. Совершенно такие же результаты были получены в экспериментах с другими группами читающих: ни один из них не отнес слово *покрытый* к слову *дядя*. Следовательно, ошибочной смысловой связи в этом предложении нет (более подробно о применении выше методе осмысленных предложений см. в сб. «Педагогика и психология». Вып. 4. Алма-Ата, 1966).

Приведем аналогичный пример: *О единении сил говорили те писатели, прибывшие из капиталистических стран, которым дорого дело мира* (3). Согласно правилу о местоимении *который* в этом предложении содержится стилистическая ошибка. Между тем, как показывает эксперимент, регистрирующий первоначальное воспри-

ятие текста, стилистической ошибки в этом предложении нет: читающие сразу относят местоимение *который* к слову *писатели*.

Другой случай. Если пишущий решит, что в предложении *Слышится шум потока, образованного снегом, который протекает по ущелью* читающий объединит при первоначальном восприятии слово *который* со словом *потока*, то последует вывод, что исправлять предложение нет необходимости. А как показывает эксперимент, многие читающие первоначально объединяют слово *который* со словом *снегом*.

Как отмечалось выше, неразработанность теоретических вопросов стилистики подчас ставит редактора в трудное положение.

Вот пример,— замечает П. В. Слетов,— где автор, рассказывая о своем пробуждении, пишет: «...я услышал разговор отца с стучавшей посудой в кухне матерью» [см. выше пример (1)]. На первый взгляд этот пример может произвести впечатление грубейшей стилистической ошибки. Автор, мол, не имел права отрывать определительного придаточного предложения (речь идет о причастном обороте.— *Б. М.*) от определяемого.

Если бы он написал: «Я услышал разговор отца с матерью, стучавшей посудой на кухне»,— то все было бы в порядке, и мы не имели бы основания думать, что отец занимался разговорами не с матерью, а со стучавшей посудой.

Но автор может возразить: «Позвольте, а где такое правило, что я должен ставить определение после определяемого? Наоборот, синтаксис позволяет выносить определяемое (речь идет опять-таки о причастном обороте.— *Б. М.*) вперед, и в этом случае обходиться даже без запятой. Если бы я написал: «разговор отца с лежавшей на постели матерью», то вы, вероятно, ни к чему бы не стали придирааться.. И в первой фразе, если подумать, все понятно. Мне нравится строить именно такие фразы, таков мой вкус».

Автор,— пишет далее П. В. Слетов,— как будто прав с точки зрения формального синтаксиса. И в то же время мы никогда с ним не согласимся. Не ясно ли, что данный пример является чудовищной неуклюжестью в обращении со словом? Не ясно ли, что такая неуклюжесть не имеет оправданий? Автор пытается доказать, что он сознательно заставляет нас ломать голову над смыслом сказанного. Надо полагать, что он делает это из «высших» соображений. Ну, а почему он допустил грубейшее «неблагозвучие»: «с стучавшей»? Тоже из «высших» соображений собственного «вкуса», собственного «стиля». Если так, то мы вправе сказать, что мы с таким стилем не желаем иметь ничего общего.

Возмущающее нас начало безвкусицы заключается в том, что автор, вместо того, чтобы взять всю черновую работу над организацией слова на себя, заставляет нас приводить в порядок недоделанное им (П. В. Слетов. Беседы с начинающими писателями. М., 1958, стр. 32).

П. В. Слетов, несмотря на свое совершенно справедливое возмущение, на наш взгляд, не находит аргументов, которые убедили бы автора в том, что его предложение необходимо исправить. П. В. Слетов замечает, что вопреки первому впечатлению разбираемое предложение следует считать грамматически правильным. Между тем рассуждение о грамматической правильности не имеет никакого значения, так как и в грамматически правильном предложении может возникнуть ошибочная смысловая связь.

Далее П. В. Слетов указывает автору на то, что его предложение является «неуклюжим». Однако автор мог бы возразить, что он не видит этого недостатка: ведь предложение, по-видимому, совершенно точно соответствует его мысли, и поэтому автор не осознает, в чем изъян. Чтобы увидеть недостаток этой фразы, автору необходимо стать на точку зрения читающего. Наконец, П. В. Слетов упрекает автора в том, что в его предложении есть неблагозвучное сочетание. Однако это в конце концов случайность: неблагозвучия могло бы и не быть, а предложение тем не менее необходимо исправить.

П. В. Слетов не останавливается достаточно подробно на решающем аргументе: рассматриваемое предложение понимается не сразу.

Именно на это надо было обратить внимание автора.

Если бы теоретические вопросы стилистики были разработаны более четко, в частности, если было бы известно, что стилистическая правильность или ошибочность фразы, в которой, по предположению, возникает ошибочная смысловая связь слов, устанавливается по первоначальному восприятию (а не по грамматической правильности, не по случайному неблагозвучию, не по отсутствию вкуса пишущего), то убедить автора в том, что его предложение содержит стилистическую ошибку, редактору не составило бы труда.

Подведем некоторые итоги.

В редакторской практике и в лингвистических исследованиях отмечаются факты, когда одно и то же предложение признается одним наблюдателем стилистически ошибочным, а другим — стилистически правильным. Это происходит часто потому, что один наблюдатель опирается при оценке предложения на его первоначальное восприятие, а другой — на окончательное. Истинным всегда оказывается мнение тех наблюдателей, которые опираются на первоначальное восприятие предложения. Если при первоначальном восприятии возникла ошибочная смысловая связь или ошибочное понимание отдельного слова, или смещено логическое ударение, то это уже означает, что данное предложение должно быть исправлено. Верное понимание предложения при повторном восприятии (опора на «здравый смысл») не может служить основанием для признания этого предложения стилистически правильным. Таким образом, следует разграничивать первоначальное и окончательное восприятие текста. Понятие «первоначальное восприятие текста» должно быть введено в стилистику, так как оно помогает пишущему оценить стилистическую правильность предложения (запрещает опираться на повторное восприятие) и позволяет более обоснованно, уверенно отделять стилистически ошибочные предложения от стилистически правильных.

Кандидат педагогических наук
Б. С. МУЧНИК

Стоит ли игра свеч?

В рассказе Г. Рыклина «Поездка в Болшево» есть такой эпизод: А. М. Горький и автор осматривают старый парк в сопровождении помощника коменданта — мужчины из категории «свой в доску». «Широчайшие галифе. Желтые краги. А сверху все это украшено огромным и давно нечесанным чубом... Во мне он пробудил фельетониста... Ведь дело здесь большое, нужное, серьезное, а тут вдруг этот чуб и желтые краги.

...Вдали показалась какая-то аллея.

— Это что за аллея? — полюбопытствовал Алексей Максимович.

— Липовая-с, — откликнулись желтые краги.

Я не сдержался. Всею дорою молчал. А тут меня вдруг прорвало. И я нечаянно скаламбурил:

— А больше у вас ничего липового нет? — спросил я.

...Алексей Максимович вдруг остановился и неожиданно для меня залился веселым детским смехом» (Правдивые рассказы. М., 1958).

Прочитав этот стрывок, невольно улыбаемся и мы: автор придал слову *липовый* не обычное его значение «относящийся к липе», сделанный из липы», а просторечное, вульгарное — «фальшивый, поддельный». Употребление рядом двух одинаково звучащих слов с разными значениями (омонимов) создало остроу, каламбур.

А вот как выглядит *липа* в газетном фельетоне И. Шатуновского «Не сажайте липу!» («Правда», 13 апреля 1967). Автор с глубокой горечью рассказывает о недобропорядочном поступке человека, который использовал в корыстных целях наше безграничное уважение к павшим героям Великой Отечественной войны. Посадив около могилы юной партизанки сад и написав об этом в газету, он попытался приписать себе партизанские подвиги, которых никогда не совершал. Газета без проверки опубликовала этот материал под заголовком «Сажайте сады». Гневно звучат заключительные строки фельетона: «Нет уж, дорогие товарищи, растите сады, но не сажайте липу на печатных страницах». Так же гневно звучит и заголовок, иначе осмысленный после прочтения фельетона: автор совсем не собирается настраивать читателя против липы-дерева — он против лжи, обмана, фальсификации.

В основе этого заголовка тоже игра слов, однако способ создания каламбура несколько другой: в одном слове сталкиваются два раз-

ных значения, одно из которых реализуется в тексте. Стала иной и смысловая насыщенность — игра слов наполнилась глубоким содержанием, превратилась в острую, метко разящую сатиру. Чего достиг автор, используя этот прием в заголовке? Внешняя алогичность (почему нельзя сажать липу?!), без сомнения, привлекла внимание читателя, а раскрытие в тексте истинного значения названия заставило его по-новому осмыслить заголовок.

Читатель, раскрывая газету, прежде всего обращает внимание на название материалов. По ним он определяет наиболее важные и интересные публикации. Поэтому журналисты всегда стремятся дать своим выступлениям такие заголовки, которые, отвечая содержанию материала, сразу привлекают внимание. Игра слов — один из способов создания заголовков такого рода.

Подобная игра может возникать при использовании не только отдельных слов-омонимов, но и целых выражений.

В русском языке есть устойчивые сочетания, в которых строго закреплены порядок слов и отношения между ними. Это — ф р а з е о л о г и ч е с к и е о б о р о т ы: *положа руку на сердце* 'чистосердечно, откровенно, совершенно искренне'; *сжечь корабли* 'решительно порвать с прошлым, сделать невозможным возврат к прошлому'; *сзевать собаку* 'иметь, приобрести большой опыт, навык, основательные знания в чем-либо', и о с л о в и ц ы: Волков бояться — в лес не ходить; Не в свои сани не садись; Не место красит человека, а человек место; п о г о в о р к и: В тесноте, да не в обиде; Нашла коса на камень; Легок на помине.

Выражениям этим присуща большая смысловая насыщенность, в них как бы сконцентрирован многовековой опыт народа, его мудрость, наблюдательность и острота в оценке жизненных явлений. Большинство из них образны и лаконичны. Эти свойства и позволяют использовать устойчивые обороты в качестве названий публикаций и употреблять их не только в общепринятом звучании, но творчески обрабатывать, переосмысливать.

Вы видите в газете заголовок «Хоть бы хны...» («Комсомольская правда», 18 мая 1965), и у вас возникает ассоциация с фразеологическим сращением (связанный оборот речи, смысл которого не обусловлен и не мотивирован значениями входящих в него слов-компонентов, например: *бить баклуши, вылететь в трубу, съесть собаку*). Но, читая материалы, вы узнаете о плохой организации труда парикмахеров, которые не получают вовремя хороший инструмент и красители, в том числе хну, и о том, что это мало беспокоит руководителей управления бытового и коммунального хозяйства. В тексте два совершенно разных значения словосочетания *хоть бы хны*: прямое, предметное (хна — краситель) и идиоматическое (безразличное отношение, полное невнимание) — и заголовок начинает восприниматься с различных смысловых позиций.

В основе возникшей игры слов лежит та же языковая закономерность, что и в заголовке «Не сажайте липу!», — омонимия. Но здесь омонимами оказываются словосочетания. Мы не разделяем точку зре-

ния А. И. Молоткова — автора вступительной статьи к Фразеологическому словарю русского языка, — который считает, что свободное словосочетание и фразеологизм не могут быть омонимами. См. о подобной игре слов, основанной на омонимичности оборотов речи, в книгах Н. М. Шанского «Лексикология современного русского языка» (М., 1964), А. В. Калинина «Лексика русского языка» (М., 1967).

Иногда игра слов строится на омонимии лишь одного из компонентов устойчивого оборота. Например, название заметки «Им золотник не дорог» («Известия», 12 декабря 1964) ассоциируется с поговоркой *Мал золотник, да дорог*, обобщенный, отвлеченный смысл которой возник в результате переносного употребления конкретного выражения, где *золотник* — старая русская мера веса. Но в заметке идет речь о детали машины. С одной стороны, происходит своеобразная «реализация» заголовка в тексте, с другой — название заметки, сохраняя исходное значение поговорки («что-то незначительное с виду, но ценное»), наполняет ее новым содержанием, а само приобретает как бы двойное значение — прямое и переносное.

Такого же типа заголовки заметок В. Меньшикова «Как просунуть верблюда в ушко иглы» («Правда», 25 февраля 1968) о том, как США пытаются безнаказанно ввести корабль-шпион «Кэмел» («Верблюд») в территориальные воды какой-либо социалистической страны, а потом вывести его оттуда. Но это не легче, чем «просунуть библейского верблюда в ушко иглы».

Таким образом, при создании каламбура в заголовках авторы используют омонимы-отдельные слова, омонимы-обороты или омонимию отдельных слов внутри устойчивых сочетаний.

В основе игры слов может лежать и другое языковое явление — полисемия, или многозначность слов (способность слова обладать разными значениями).

Полисемия может возникать по разным причинам. Одна из них — перенос названия одного предмета на другой на основании внешнего сходства (крыло птицы — крыло самолета), общности выполняемых функций (дворник — человек и дворник — стеклоочиститель), ассоциаций по смежности в пространстве, времени (выпил рюмку вина — выпил рюмку) и т. д.

Способность слова обладать прямым и переносным значением может использоваться в тексте для создания комического эффекта. Например, в сатирических зарисовках Б. Юрьева и Л. Павлова («Ленинградская правда», 21 января 1968) есть рассказ о том, что покупателям продают недоброкачественные мячи. Авторы используют разные значения слова *надувать* (прямое — «наполнять что-нибудь воздухом или другим газом», переносное — «обмануть, провести»): «Но все-таки интересно, надувают ли перед выпуском мячи работники экспериментального завода „Спорт“. Или в порядке эксперимента они надувают лишь покупателей?».

Эти свойства слова могут быть использованы и в названиях публикаций. Так заголовки «Праву все права» («Комсомольская правда», 7 сентября 1965), «Урок из урока пения» («Комсомольская правда»,

1 декабря 1965) построены на столкновении разных значений слов: *право* 'совокупность законов и постановлений государства' и 'предоставленная кому-либо свобода, возможность действовать'; *урок* 'вывод, итог, полезный на будущее' и 'учебный час'. Хотя эти заголовки органически связаны с содержанием материалов, игра слов в них рассчитана лишь на внешний эффект, на привлечение внимания необычной, нестандартной формой.

Представляет интерес и такой заголовок, разные значения или одно из значений которого обыгрывается в тексте. Примером может служить статья В. Кассиса «Горечь плодов какао» («Известия», 22 сентября 1966), рассказывающая о том, что в некоторых молодых независимых государствах Африки прибыли от производства какао по-прежнему присваивают западные монополии. «Нет сомнения, — пишет автор, — что молодые независимые государства выйдут победителями в борьбе с „Юнайтед Африка“ и прочими западными монополиями. А если говорить о Гане, то хочется верить, что патриоты этой страны сделают все, чтобы ганцы никогда не знали горького привкуса какао». И слово *горечь* 'горький вкус, который имеют плоды какао' выступает в новом значении 'тяжелое чувство, вызываемое бедой, неудачей, обидой'.

Эффектно обыгрывается слово *карта* в фельетоне «Три карты, три карты...» («Известия», 27 июня 1965) о скандале в Вашингтоне, который разразился в связи с разоблачением игорного синдиката. Притоны его находились в самом Пентагоне, в здании штаба военно-морского флота и в других помещениях военных ведомств. Были разоблачены те, кто стоит «на командном мостике Пентагона и ведет еще более азартную игру, пытаясь ставить на карту судьбы народов мира», те, кто, «как выяснилось, пугает порой стратегические карты с игральными». Так в фельетоне переплетаются три значения слова *карта*: стратегическая карта, игральная карта и выражение *ставить на карту* 'подвергать что-либо опасности, риску в надежде на выгоду, выигрыш'.

В тексте могут «реализовываться» и разные значения устойчивых словосочетаний, употребленных в заголовке. В расширенной информации «Высокое напряжение» («Комсомольская правда», 15 мая 1965) рассказано о монтаже турбогенератора мощностью 100 тысяч киловатт на Карагандинской ГРЭС № 2 и о комсомольско-молодежной бригаде турбинистов-монтажников, закончивших монтаж на полтора месяца раньше срока. *Высокое напряжение* звучит в информации в двух значениях 'ток высокого напряжения' и 'большое сосредоточение сил при выполнении чего-либо'.

Оригинальная, своеобразная игра слов возникает и тогда, когда в заголовке используется выражение, в котором соединяются значения фразеологического единства и свободного сочетания слов. Фразеологическое единство — это связанный оборот речи, смысл которого в большей или меньшей степени мотивирован и обусловлен значениями слов-компонентов: делать из мухи слона; закинуть удочку; чесать язык. Сущность большинства фразеологических единств — в их ме-

тафоричности, переносном значении оборота. Они заключают в себе большие потенциальные возможности для различного рода обыгрывания, так как в какой-то мере сохраняют связь с прямым значением соответствующего сочетания. Этот прием использован, например, в заметке о нравах «свободного» мира «Хотите купаться в золоте?» («Правда», 22 февраля 1965). Сочетание *купаться в золоте* всегда воспринимается в переносном смысле — быть очень богатым. В заметке речь идет о том, что японская туристская фирма представляет возможность купаться в золоте буквально, т. е. в ванне из чистого золота. Игра слов — купаться в золоте (золотой ванне) могут те, кто поистине купается в золоте (чрезвычайно богат) — придает заголовку острый политический смысл.

Так же подается фразеологизм «Первая ласточка», вынесенный в заглавие корреспонденции («Правда», 21 августа 1954), которая рассказывает о неудаче, постигшей опытный образец малогабаритного транзисторного приемника «Ласточка». Здесь обыгрываются не только два словосочетания: свободное — первая «Ласточка» (название приемника) и фразеологическое — первая ласточка (самый первый в ряду последовавших за ним), но и поговорка *Одна ласточка весны (погоды) не делает*. Плохой образец приемника сделал «погоду на заводе. Погоду явно неблагоприятную...».

Участвовать в игре слов могут и поговорки. Корреспонденция К. Кожевниковой на морально-этическую тему («Комсомольская правда», 27 февраля 1965), озаглавленная «Про плетень и ясный день», рассказывает о том, как никчемный спор двух соседок о меже, о плетне превращается в многолетнюю тяжбу. В пылу спора взрослые люди забыли о большой правде и ради маленькой, копейной, изворачиваются и лгут, наводят тень на плетень, а эта тень падает на ясный день детства Саши Тюленева (приемного сына одного из спорщиков), который многого еще не понимает и для которого справедливость и правда оказываются закрытыми полусгнившим плетнем. При изложении материала автор использует интересный стилистический прием: от конкретного значения слова *плетень* (предмет тяжбы) он идет к отвлеченно-образному смыслу поговорки *Наводит тень на плетень*, расширяя ее значение до большой морально-этической проблемы (мелочная возня вокруг плетня формирует у подростка превратное представление о правде и справедливости). Здесь происходит, с одной стороны, обыгрывание конкретного и переносного значения слов, входящих в поговорку, а с другой — объединение (контаминация) двух оборотов *Наводит тень на плетень* и *Наводит тень на ясный день*. И эта игра слов, основанная на глубоком осмыслении фактических данных, органично связывает заголовок с содержанием корреспонденции, а со стилистической точки зрения делает его более интересным.

В приведенных примерах метафора в той или иной степени разрушается, происходит, как принято говорить, ее реализация. Воссоздание прямого значения оборота или лишь намек на него и есть основа для каламбура.

В газетной практике встречаются случаи, когда название материала представляет собой свободное сочетание, совпадающее по звучанию с устойчивым, при этом переносный смысл оборота не возникает вообще. Например, «Где раки зимуют?» («Советская Россия», 29 января 1965) — так названа заметка естествоиспытателя о зимовье раков; «Дело... в шляпе» («Известия», 1 октября 1964) — заметка о том, что в октябре в магазинах нельзя купить теплую зимнюю шапку, ибо продаются только шляпы; «„Язык“ мой — враг мой» («Литературная Россия», 2 декабря 1966) — рассказ военного корреспондента Евг. Воробьева о «языке» — военнопленном, враге в прямом и полном смысле этого слова; «Грош — цена» («Известия», 20 февраля 1965) — об уничтожении залежавшихся товаров, которым цена — грош, однако «грош — тоже цена, если подобных товаров много»; «Лес рубят — щепки не летят» («Правда», 14 января 1968) — информация о новом комбайне для валки и разделки леса.

Авторы сознательно подбирают заголовки такого типа, но в отдельных случаях для «сигнализации» чисто внешнего их сходства с устойчивыми оборотами они вводят многоочие, выполняющее смысловую функцию (заголовок «Дело... в шляпе» заставляет читателя почувствовать, что выражение, обычно употребляемое в переносном смысле — «все в порядке, все нормально, хорошо» — здесь использовано в каком-то необычном значении), тире («Грош — цена»), кавычки («„Язык“ мой — враг мой»). Все это должно подсказать читателю, что выражение употреблено в каком-то особом, а не общепринятом значении.

Эти заголовки не играют большой смысловой и стилистической роли. Но эффектность их несомненна, она в неожиданности внешних совпадений: читатель воспринимает подобные заголовки как устойчивые выражения с соответствующей стилистической окраской. Текст полностью разрушает первоначальное восприятие читателя.

Однако следует отметить, что погоня за «рекламностью» заголовок приводит иногда к случайному, ничем не оправданному совпадению его с устойчивым оборотом. Например, слова *Ничто не забыто* прочно вошли в сознание наших людей как выражение глубокой признательности тем, кто в суровые годы Великой Отечественной войны совершал чудеса героизма. И, прочитав в «Известиях» (12 июня 1966) заголовок «Ничто не забыто», читатель вправе был ожидать рассказа о героическом прошлом нашего народа. Но заголовок предпослан... информационной заметке о готовности к выборам. И патетическое настроение читателя разрушается. Без сомнения, выборы — серьезная политическая кампания, требующая большой подготовительной работы. Тем досаднее отсутствие языкового чутья, которое обнаружил журналист, выбирая подобный заголовок.

Неудачно и название заметки «А судьи кто?» в подборке «Путь в полуфинал открывается сегодня» («Смена», 22 июля 1966). Стилистическое несоответствие названия материала содержанию очевидно: крылатое выражение *А судьи то?* включает в себе отрицательную экспрессию (неуважительное и проницательное отношение к тем, кто су-

дит), тогда как из текста читатель узнает о том, что матч на первенство мира между советскими и венгерскими футболистами будет судить известный испанский арбитр Хуан Гардеасабаль.

Отсутствие языкового чутья при выборе заголовка может привести к смысловому искажению, вульгаризации, а иногда и опошлению выражения.

Языковое и стилистическое оформление заголовков — тема большая, имеющая много аспектов. Игра слов — одна из возможностей сделать название оригинальным, подчас даже броским, рекламным. Однако не только в этом достоинство подобных заголовков: тесно связанные с содержанием газетной публикации, они выполняют не только стилистическую роль, но и несут большую смысловую нагрузку, «играют» на раскрытие темы, помогают выделить, подчеркнуть наиболее важное, особенно в критических и сатирических материалах. К тому же игра слов — средство выразительное, помогающее сделать материал образным, запоминающимся.

Знание языковых основ «игры» поможет газетным работникам разнообразить формы подачи материала. А следовательно, она стоит свеч!

Л. И. ВИНОГРАДОВА,
доцент Ленинградской высшей партийной школы.

Э. М. ДУРЫГИНА,
старший преподаватель Ленинградской высшей
партийной школы

Лингвистическая викторина

1. Как называть жителей Камчатки?
2. О населенном пункте, расположенном при впадении реки в море, мы говорим, что он находится *в устье* реки. А как сказать о местонахождении Шлиссельбургской крепости, которая находится в том месте, где Нева вытекает из Ладожского озера?
3. Связаны ли по происхождению слова *карьер* 'быстрый аллюр коня', *карьер* 'место, где берут для строек камень и грунт' и *карьер* 'продвижение по службе'?
4. Связано ли по происхождению слово *консерватория* со словами *консерватор* и *консервы*?
5. Как называть учащихся консерватории?
6. Происходит ли слово *кочегар* от *кочерга*? Если — да, то чем объяснить исчезновение звука *р*?
7. Из какого языка пришло к нам слово *пенсия*? Связано ли оно по происхождению со словом *пансион*?
8. Что означает приставка *па-* в словах *пасынок*, *падчерница*, *патрубок*? Есть ли она еще в каких-нибудь словах?
9. Что такое *зга* в выражении «Ни зги не видно»?
10. Можно ли заменить одним словом сочетание «член парламента»?

Викторина составлена по вопросам читателя А. Г. Кеппена

(Ответы см. на стр. 124)

ЭТИМОЛОГИЯ

Кандидат филологических наук
Ж. Ж. ВАРБОТ

Этимология (наука о происхождении слов) — одна из древнейших отраслей языкознания. Ее основоположниками были древнегреческие философы, в трудах которых и появился термин *ετυμολογία*, образованный из *ετυμον* 'истина' и *λογος* 'слово, учение' и первоначально обозначавший 'науку об истине', или об истинном значении слов. За время существования этимологии как науки понимание ее целей неоднократно менялось, еще большим изменением подвергалась методика этимологических исследований.

В современном языкознании конечной целью этимологического анализа считается определение того, где (в каком языке, диалекте), когда, как (из каких составных частей — морфем, по какой словообразовательной модели), с каким значением возникло слово и какие изменения его формы и значения создали звуковую форму и значение слова, известные исследователю. Например, установлено, что слово *копейка*, появившееся в русском языке приблизительно в XVI веке (после 1535 года), было образовано от прилагательного *копейный* и обозначало первоначально серебряную монету с изображением царя, сидящего на коне с копьём в руке, — *копейная денга*¹ (здесь и далее значком¹ обозначается ссылка на материалы Этимологического словаря М. Фасмера; см.: М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. В. I—III. Heidelberg, 1950—1958. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I — М., 1964. Т. II — М., 1966—1967. Т. III и IV — в печати). Однако такая определенность достижима далеко не во всех случаях, и поэтому этимологическая характеристика многих слов ограничивается лишь установлением круга однокоренных слов в том же языке или в родственных. Так, русскому *ландыш*, вероятно, родственны польские названия того же растения *łanka*, *łanuz*, *łanuzsko* и чешское *lanůž* 'трюфель'. Предполагают, что это слово образовано путем сложения *лань* и *ух* (по принципу сходства листьев ландыша с ухом лани), но остаются неясными первоначальная форма и происхождение *-d-* в русском слове¹.

При этимологизации слова-апеллатива (не являющегося именем лица, города, реки и т. п.) исследователю известны его зву-

ковая форма, значение и бытование в определенном языке. Для выяснения происхождения слова на основе этих данных нужно представлять себе изменения звуков в истории данного языка, историю его грамматики и словообразования, закономерности изменения значений, словарный состав диалектов данного языка, родственные связи его с другими языками (и их историю), лингвистическое окружение данного языка на протяжении его истории и характер контактов с другими языками.

Историческая фонетика — первый пробный камень любого этимологического решения. Так, на уровне современного русского языка, на первый взгляд, кажется возможным сближение слов *лог* и *ложка* (ср. фонетические отношения *нога* — *ножка*), поскольку в значении слова *лог* присутствует мотив углубления ('овраг'). Однако древнерусское написание *лъжка* и формы в родственных языках (сербское *лѣжица*, чешское *lžice* и др.) свидетельствуют о том, что *o* в корне слова *ложка* восходит к редуцированному *ъ*, а в *лог* оно исконное (ср. сербское *лог*, болгарское *лог*). Более того, оказывается, что значение углубления исконно лишь для слова *ложка*, а для *лог* (производного от *лежать*) вторично¹. При ближайшем рассмотрении нетождественными образованиями оказываются русское *болячка* (от древнего причастия) и чешское *boláčka* (от *bolak*). Напротив, историческая фонетика славянских и германских языков служит бесспорным основанием для признания родства русского *волода* и немецкого *Holz* 'дерево', далеко отошедших друг от друга в своем современном звучании¹.

Связь этимологии с исторической фонетикой взаимобратима. Каждый фонетический закон, каждое изменение звуков, принимаемое сравнительно-историческим языкознанием, базируется на определенном круге этимологических отождествлений и сближений слов одного или родственных языков, и степень достоверности каждого закона определяется соотношением этимологий, подтверждающих его, с одной стороны, и противоречащих ему — с другой. Например, чередование *e/o* в славянских и индоевропейских языках выведено из этимологических сопоставлений слов, подобных русским *дери* — *задор*, *пеку* — *опока*, *плету* — *оплот*, *обведу* — *обод*. Известны случаи, когда новое этимологическое истолкование группы слов делало беспочвенным признававшийся ранее фонетический закон, опиравшийся на эти слова.

Необходимость сведений о словообразовании для этимологического исследования очевидна: чтобы определить, из каких морфем (корня, суффикса, приставки) образовано слово, нужно знать существующие в данном языке способы образования слов (типы морфем и закономерности их сочетания) и историю словообразовательных моделей. Например, слово *вожатый* явно соотносится с глаголом *водить*, *вожу*, но для объяснения происхождения комплекса *-атый* необходимо вспомнить древний славянский суффикс *-атай*, соединявшийся с глаголами (ср. *ходатай*), и учесть последу-

ющее влияние со стороны прилагательных с суффиксом *-атый*, образованных от существительных (ср. *косматый*, *носатый*)¹.

Поскольку, однако, историческое словообразование также занимается проблемой формирования слов в истории языка, возникает вопрос о разграничении этимологии и исторического словообразования. Конечная цель этимологического анализа — установление определенного словообразовательного акта, создавшего новое слово на основе ранее существовавших. Но сначала этимология решает вопросы о возможности этимологического сближения этих слов: об их фонетическом отождествлении, о соотношении значений и т. д. Именно доказательство правомерности сближения слов стоит в центре этимологического исследования, и словообразовательный анализ входит в него как одна из составных частей, с различным удельным весом в разных конкретных случаях. В историческом словообразовании, напротив, вопрос о доказательстве родства не ставится, а рассматриваются бесспорно родственные слова и в центре внимания находятся способы, средства их образования друг от друга. Из этого различия вытекает интерес словообразования преимущественно к продуктивным словообразовательным моделям, тогда как этимология постоянно регистрирует и рассматривает «неправильные», нерегулярные соединения морфем в слове и непродуктивные, редкие средства словообразования: именно они могут быть ключом к разгадке происхождения слова. Например, диалектное *кособѣня* ‘кособокий человек’, явно соотносительное с *косой*, остается предметом этимологического анализа, поскольку неясен способ его образования (если *-ен-* — суффикс, то что такое *-б-?*)¹. Может быть, следует считаться с возможностью словосложения (ср. *кособокий*) и упрощения сочетания согласных во второй части сложения: *кособѣня* в таком случае возводится в **косогъбѣня* или **кососъгъбѣня* (буквально ‘косо согнутый’) с основой причастия от глагола *(со)гнуть* во второй части (ср. *согбенный*).

Большая группа славянских слов получает удовлетворительное истолкование при учете архаической приставки *ка-/ко-* с функцией, не определенной до сих пор. Эта приставка выделяется, например, в русских *каверза* (ср. украинское *вѣрзти* ‘пустословить, молоть чепуху’)¹, *колдобина* (к *долбить*)¹, диалектное *колготá* ‘беспокойство, ссора’ (из **ко-голта*, ср. *о-голтельный*)¹, *колупать* (ср. *лупить*)¹. Эту приставку предполагали и в слове *корыто*. В таком случае *-рыто* может быть образованием с суффиксом *-то* от глагола *рыть* (ср. *долото* от *долбить*). Основанием для сближения *корыто* и *рыть* по значению может служить то, что во многих славянских языках **koryto* обозначает не только сосуд (как правило, долбленный), но и русло реки, ручья (древнерусское ‘заводь’, украинское ‘русло реки’, чешское диалектное и сербскохорватское ‘русло’, болгарское ‘овраг’), поэтому первичным здесь может быть значение ‘углубление’; а ‘рыть, копать’ очень близко к ‘углублять, долбить’ (ср. русское колымское

копать 'долбить', чешское диалектное *dloubat* 'копать', болгарское *копанка* 'долбленое деревянное корыто'). Следовательно, от глагола *рыть* вполне возможны производные со значением 'углубленное, выдолбленное'.

Прошедшие этимологический «искус» слова с объясненной структурой становятся достоянием исторического словообразования. Так, отношения слов *молот* и *мел*, *гнуть* и *гибель*, *рвать* и *руно*, (*про*)*стереть* и *сторона* рассматриваются в разделах сравнительно-исторических грамматик, посвященных славянскому словообразованию, а отношения *спать* и *сон*, (*у*)*мереть* и *смерть* анализируются в работах по индоевропейскому словообразованию. Граница «сфер влияния» этимологии и словообразования подвижна. Например, слово *копыто*, толкуемое как производное от *копать* (ср. польское *кара́с* 'копать, рыть; пинать, бить копытом')¹, включается в работы по славянскому словообразованию (ср. древнерусское единичное *копато*), но в этимологических трудах продолжается (вне всякой связи с глаголом *копать*).

Большое значение для словообразования имеет изучение этимологических гнезд, т. е. всей совокупности слов, происходящих от одного и того же слова (или корня), в их зависимости друг от друга и в хронологической последовательности. Степень обособления каждого слова в таком гнезде определяется не только изменением его фонетического облика и значения (по сравнению со звучанием и значением слова, от которого оно образовано), но и степенью употребительности тех словообразовательных средств, которые участвовали в создании этого слова. Рассмотрение этимологических гнезд может дать существенные сведения об истории словообразования, о смене в процессе развития языка одних словообразовательных моделей другими. Анализ существительных, соотносительных с глаголами, например: *грести* — *гроб* (первоначально 'могила') и *погреб*, *рвать* — *ров* и *прорва*, *плести* — *оплот* и *плеть*, показывает, что более древние именные образования с корневым *о*, отличающиеся в этом отношении от глаголов: *гроб*, *ров*, *оплот* заменяются более поздними образованиями с корневыми гласными, тождественными корням глаголов: *погреб*, *прорва*, *плеть*. Следовательно, на протяжении истории славянских языков меняется принцип образования имен существительных от глаголов.

Связь этимологии с грамматикой (особенно с синтаксисом) традиционно считалась более свободной и менее перспективной. Однако чем большие требования предъявляются к этимологии, тем более последовательно этимологические исследования обращаются к рассмотрению грамматических проблем. Распределение слов по типам словоизменения и история этих типов тесно связаны со словообразованием. Поэтому знание форм родственных слов и истории этих форм облегчает выяснение происхождения слов. Например, отсутствие в русском языке форм склонения у

существительного является сигналом его иноязычного происхождения. Слово *лазутчик* возводится к глаголу *лазить*, если принять во внимание древний суффикс причастий настоящего времени *-ут/-уч-* (ср. *могучий, кипучий*)¹. Структуру слов *одежда, надежда* (просторечные, но исконно русские образования; литературные *одежда, надежда* — заимствования из старославянского языка), родственных глаголам *одеть, надеяться*, можно объяснить, исходя из основы настоящего времени (ср. древнерусское *одежуся* 'одедутся').

Этимология в свою очередь дает существенные дополнения и уточнения исторической грамматике. Например, из этимологической связи слова *печаль* с глаголом *печь* (в отношении значения ср. *гореть* — *горе*) А. Мейе сделал вывод о том, что в праславянской древности существовал глагол **печати*, соотносительный с *пеку*, и, следовательно, спряжение *бежать, бегу* было тогда более распространенным.

Самым тесным образом этимология связана с диалектологией, особенно с изучением словаря говоров. Диалектный словарь существен для этимологии с разных точек зрения. Здесь могут сохраниться формы и значения слов, отражающие более древний этап развития, чем слова литературного языка, или параллельные образования от родственных основ. Например, для этимологии слова *околеть* как производного от *кол*¹ существенно диалектное словоупотребление *покойник околел* ('застыл'): оно подтверждает, что значение 'умереть' для этого глагола является вторичным, производным от 'застыть, затвердеть' ('стать твердым и неподвижным, как кол'). Родство существительного *лезвие* с глаголом *лезть* подтверждается исковым *лѣзбѣ* 'лезвие' (соотносительным с *лазить*). Очень существенны данные о географическом распространении в говорах слов, известных литературному языку: наличие слова только в северных говорах часто свидетельствует о заимствовании из финских языков, в новгородских говорах много заимствований из польского языка, в средне- и южнорусских говорах — тюркизмов и т. д. Интересны для этимологии изменения значений слов, представленные в диалектах (см. ниже).

Однако диалектная лексика является и самостоятельным объектом этимологических исследований. Этимология не делает принципиальных различий между литературными и диалектными словами, так как рассматривает национальный язык в целом, во всем его многообразии. Лишь исчерпывающий этимологический анализ всей лексики может быть правомерным основанием для суждения о его развитии, его связях (родстве и контактах) с другими языками. Многие слова, восходящие к глубокой древности и известные родственным славянским и индоевропейским языкам, представлены в русском языке лишь как диалектные: таковы *багнѣ* 'грязь, болотистое место', *бѣлозно* 'толстая доска', *вир* 'водоворот, омут', *мжить* 'цуриться', *молаѣть* 'грызть', *мѣжа* 'сырость', *лам* 'хворост', *леть* 'можно', *ласый* 'жадный', *натѣна*,

негіна 'ботва', *навь* 'покойник', *пѣмча* 'ловушка', *снага* 'сила' и мн. др. В ряде случаев неизвестные литературному языку основы и варианты основ могут быть обнаружены этимологическим анализом диалектных слов. Например, ярославское *натквѣнь* 'ска-терть', вероятно, родственно *ткнути*, *тыкать* ('скатерть' как 'наложенное, приткнутое') и образовано от утраченного глагола **натквѣти*, представленного в других славянских языках: польское *tkwić* 'держаться, заключаться, паходиться', болгарское *таквам* 'отправляться'.

Существенным аспектом этимологического исследования является семантический анализ, т. е. объяснение отношений значений слов, родство которых предполагается. Трудности при этом могут быть значительными, поскольку даже очень близкие (иногда и структурно тождественные) образования нередко обнаруживают далеко разошедшиеся значения, вплоть до противоположных: ср. русское *смазливый* (о человеке) 'красивый' — украинское *мазлюка* 'некрасивый человек' (оба слова от *мазати*), русское *прозрачный* 'чистый, ясный' (заимствовано из старославянского) — чешское диалектное *прогзапно* 'пасмурно' (родственны глаголу *зреть* 'смотреть').

Для этимологических исследований необходимы теория семантических переходов (наиболее типичных связей значений) и разработка принципов номинации (хотя бы выделение наиболее характерных для каждого предмета, явления или понятия типов наименования их по определенному признаку). При этом как в области семантических переходов, так и в отношении принципов номинации весьма существенным было бы разграничение явлений, связанных с общими закономерностями человеческого мышления и психики (например, повторяющаяся связь значений 'делать' — 'говорить', 'достигший' — 'старый', 'сильный' — 'быстрый' — 'дерзкий, наглый'), и явлений, обусловленных материальной и духовной культурой носителей отдельных языков (например, номинация домашних тягловых животных по признаку возраста, характерная для земледельческих народов). Пока, однако, эти области семасиологии не разработаны, этимологии приходится опираться на фрагментарные наблюдения, оперируя методом семантических параллелей и анализа по семантическим полям.

Метод семантических параллелей заключается в том, что для доказательства вероятности предполагаемого родства слов с точки зрения значения этимолог приводит случаи аналогичной связи значений. Например, в пользу приведенной выше этимологии *околеть* 'умереть' и *заколеть* 'замерзнуть' (к *кол*) могут быть упомянуты *окоченеть* (к *кочан*)¹ и белорусское *дубенець* 'твердеть, зябнуть, леденеть' (к *дуб*): все они свидетельствуют о возможности образования слов со значением 'твердеть' > 'мерзнуть' от названий твердых предметов. Для семантических параллелей широко используются диалектные, исторические материалы и данные других языков. Так, для подтверждения этимологии *вить* от

*вопить*¹ можно сослаться на ярославское *бухалица* ‘выпь’ — от *бухать*; для этимологии *ловкий* (от *ловить*)¹ можно использовать ярославское *цепкий* ‘ловкий’ — от *цепить*, *цеплять*. В пользу родства *ворожить*, *ворожея* с *вергнуть*, *вергать* ‘бросать’ (предположение В. Махека) свидетельствует древнерусское *металка* ‘гадалка’ (от *метать* — по обычаю *метать жребий*). Русское просторечное употребление глаголов *шпарить* и *жарить* в значении ‘бежать’ находит себе соответствие в литовском *dėgti* ‘жечь’ и ‘бежать’.

Метод семантических параллелей опирается на бесспорную регулярность многих семантических переходов и устойчивость наименования предметов по одному определенному признаку. Ср., например, древнерусское *трепетница* ‘осина’ (к *трепетать*) и литовское *drebulė* ‘осина’ (к *drebėti* ‘дрожать’). Эта регулярность может касаться повторяемости двух признаков и проявляться в исторической смене принципов номинации. Так, в древнерусском языке в значении ‘берег’ еще употребляется иногда *поль* (собственно ‘половина’), например: *оба поль Волхова* (Новгородская I летопись). Но постепенно в этом значении возобладало *берег*, родственное немецкому *Berg* ‘гора’ и первоначально значившее, вероятно, ‘крутой, гористый, высокий берег’, ср. старославянское *брѣгъ* ‘склон’¹. Следовательно, в обозначении понятия ‘берег’ мотивация по признаку ‘сторона, половина’ сменилась мотивацией по признаку ‘крутой, высокий’ (хотя и сохранилось словупотребление *сторона реки*). Те же два признака обнаруживаются и в литовских названиях: в значении ‘берег’ может быть употреблено *pùsė* (собственно ‘половина, сторона’), но обычное его название *kraĩtas*, родственное русскому *крутой*¹.

Наличие регулярности в области номинации еще более полно используется при анализе по семантическим полям: этимологизируются все слова, обозначающие понятия, связанные друг с другом, — относящиеся к той или иной сфере материальной или духовной жизни человека, к определенному кругу явлений природы и т. д. Например, на материале одного или группы родственных языков исследовались названия растений, названия птиц, юридическая терминология, ремесленная терминология, названия обуви, прилагательные со значением ‘быстрый’ и т. п. В подобном исследовании принципы номинации, установленные на материале наиболее этимологически прозрачном, помогают анализу других слов; предлагаемые решения взаимно поддерживают друг друга и придают особенную убедительность выводам.

В микроскопическом масштабе эффективность этого метода может быть прослежена на примере анализа диалектного (уральского) *брызговáтой* ‘высокий’ (о льне). В тех же говорах есть близкий по звучанию глагол *брызнуть* ‘ударить’ (тождественный по происхождению литературному *брызнуть*, *брызгать*). Но можно ли найти семантические основания для сближения *брызговáтой* с *брызгать*? Для решения этого вопроса полезно рассмотреть, как обозначается процесс роста растения в русском и родствен-

ных ему языках. Оказывается, что здесь часто используются глаголы движения, особенно с оттенком толчка, броска: например, русское *побег* (к *бежать*), *выбросить лист* (к *бросать*), диалектное *выметывать* (о хлебах) 'начинать колоситься' (к *метать*), чешское *vuhopék* 'побег' (родственно *gnatъ*), *obilí metá* 'хлеб начинает колоситься' (родственно *метать*), французское *pousser* 'толкать' и 'расти, распускаться', *rouisse* 'росток, побег'. Если теперь учесть, что в русском языке *брызнуть*, *брызгать* может обозначать и быстрое движение живого существа: «Кошка так и брызнула от собаки на дерево» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка) и даже 'ударить' (см. выше), то становится понятным и архангельское *побрызнуть* 'пускать новые ветки'. Тогда для установления связи *брызговатой* 'высокий' с *брызнуть* 'брызгать, ударять, пускать новые ветки' остается лишь вспомнить семантический переход 'растущий' > 'высокий' (ср. *расти* — *рослый* 'высокий').

Анализ значения слов — это та область, где этимологическое исследование особенно часто обращается к реалиям, к внелингвистическим аргументам, используя данные самых различных областей знания. Вся жизнь слов в языке — их образование на базе ранее существовавших слов или заимствование из другого языка, их дальнейшее употребление, изменение значения и звучания, длительное бытование или исчезновение — связана с природой, особенностями и историей тех предметов, явлений, понятий, которые этими словами обозначаются. Этимолог должен представлять себе мир реалий, стоящий за словами. В этом причина постоянного контакта этимологии с другими науками — историей, экономикой, историей культуры, историей техники, естественными науками — в самом различном их сочетании.

Показательна, например, предложенная О. Н. Трубачевым этимология древнего славянского слова *тризна*, которое он объясняет как производное от славянского *trǐzъ* 'трехгодовалый' (о животных). Это толкование опирается на исследование языческих религиозных воззрений и обычаев древних славян: неперменным элементом погребальных обрядов у славян-язычников было жертвоприношение домашнего животного (коня, быка, коровы, козы), почти всегда трехгодовалого (жертва трем поколениям предков). *Trǐzъ* в свою очередь образовано от *три*. Следовательно, слово *тризна* первоначально обозначало собственно ритуал принесения в жертву животного при погребении.

Другой пример: славянский глагол *двигать*, по этимологии О. Н. Трубачева, оказывается родственным немецкому *Zweig* 'ветка' и в конечном счете производным от числительного *два*. В основе этой этимологии лежит комплекс соображений лингвистического и культурно-исторического порядка: во-первых, значение 'двигать' для данного глагола производно от первичного значения 'поднимать'; во-вторых, для поднятия тяжестей в качестве подпорки или рычага известно использование ветки, палки

с развилкой (ср. немецкое *Zweig*); в-третьих, название такой ветки, развилки может быть производным от числительного 'два' (собственно 'раздвоенное').

Особенно существен внелингвистический аспект при анализе происхождения «культурных» слов, обозначающих предметы и понятия, обязанные своим появлением и распространением техническому прогрессу, торговле, межнациональным контактам. Сформировавшись в одном языке, такие слова, заимствованные вместе с соответствующими предметами, очень быстро становятся достоянием других языков. Их фонетический облик и словообразовательная структура могут быть настолько приспособлены к строю заимствующего языка, что лишь тщательный анализ истории культуры помогает выделить подобные заимствования из словарного состава, а это важно для изучения не только истории лексики данного языка, но и его фонетики и словообразования.

О распространенности заимствований можно судить, например, по названиям одежды и обуви, вошедшим в русский язык из других языков. Многие из этих слов были заимствованы затем из русского другими языками. Хронологическая последовательность и изменение непосредственных источников заимствования этих названий отражают историю сношений России с другими народами. Так, русскому языку допетровской эпохи были известны *сапог* (из иранского **sapaqa*, этимология О. Н. Трубачева), *кафтан* (из турецкого, крымско-татарского *kaftan*)¹, *армяк* (из казанско-татарского *ärmäk*)¹, *башмак* (из турецкого, чагатайского *başmak*)¹, *шляпа* (из баварского *Schlappe*)¹; в Петровскую эпоху появились *галстук* (из немецкого *Halstuch*)¹, *штиблеты* (из немецкого *Stiefelette*)¹, *картуз* (из средненижнемецкого *kartûse*)¹, *мундир* (из немецкого *Mondierung*)¹, *туфли* (из средненижнемецкого *tuffele*)¹, *брюки* (из нижнемецкого *brök* или нидерландского *broek*)¹; в 60-е годы XVIII века появилось *шинель* (из французского *chenille*)¹; к послепетровской эпохе относятся также *пальто* (из французского *paletot*)¹, *сюртук* (из французского *surtout*)¹, *костюм* (из французского *costume*)¹, *ботинки* (из французского *bottine*)¹, *жилет* (из французского *gilet*)¹, *фрак* (из немецкого *Frack*)¹, *бушлат* (из немецкого *Brustlatz*, этимология В. Кипарского), *пиджак* (из английского *pea-jacket*)¹; совсем недавно, вероятно, в 20—30-е годы XX века появились *майка* (из французского *maillot* или итальянского *maglia*, этимология Л. Кипша). Это последнее по времени заимствование особенно показательно как пример приспособления иностранного слова к структуре русского языка (ср. продуктивный суффикс *-ка*). Подобные максимально освоенные заимствования живут в лексике каждого языка с древнейших эпох и выделить их невозможно без широкого обращения к внелингвистическим данным.

Таким образом, этимология многим обязана данным других

областей знания. Однако эта связь обратима: этимологические исследования слов, ведущих свою историю с глубокой древности, дают возможность восстановить многие моменты быта, культуры, экономики древних народов, обогащая историю, этнографию и другие науки. Так, из летописей историкам было известно, что *тризна* имела отношение к погребальным обрядам славян-язычников, но действительное содержание этого обряда вскрыла лишь этимология (см. выше).

При анализе лексики любого языка этимологии постоянно приходится учитывать активное отношение народа к языку — стремление осмыслить каждое слово на фоне всего словаря, в кругу слов, близких по значению, с одной стороны, и по звучанию — с другой, подыскивать для каждого слова родственные связи. Эти поиски часто принимают ложное направление, например, подыскиваются родственные слова для заимствований, сближение слов идет по принципу созвучия и т. д. Нередко ложная этимологизация (народная этимология) определяет дальнейшее изменение звучания слова (приближение к предполагаемым родственным словам), его написания и даже начинает оказывать давление на научный этимологический анализ. Например, просторечное *звездануть* 'сильно ударить' А. Г. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» производит от *звезда*, предполагая первоначальное 'ударить так, чтобы искры из глаз посыпались'. Однако более тщательное рассмотрение лексики русского и родственных языков позволяет восстановить иную картину происхождения и изменения этого слова.

Русское диалектное торжковское *звизнуть* 'сильно ударить', бесспорно родственное с *звездануть*, оказывается, с другой стороны, связанным с древнерусским *звиздати* 'свистать', которое имеет соответствия во всех славянских языках¹. Более того, в чешском языке обнаруживается развитие значений от 'свистеть' до 'ударить': ср. чешское *hvizdati* 'свистеть' (в частности, о камне: свистит над головой) — чешское диалектное *hvizdnút'* 'ударить' (особенно камнем!). Подобное развитие представлено и в русском языке: ср. *лязгнуть* — диалектное твердое, псковское *лезгонуть* 'ударить, хлестнуть'. Следовательно, для глагола *звездануть* значение 'ударить' является производным от значения 'свистеть'. Но утрата большинством говоров и литературным языком древнерусского *звиздати* 'свистеть' вызвала обособление *звездануть* 'ударить' и открыла путь для позднейшего народно-этимологического осмысления его по связи с *звезда*. Первый слог глагола *звездануть* 'ударить' этимологически явно содержит *и*: ср. диалектное *звизнуть*, но в предупредных слогах *е* и *и* в литературном языке произносятся одинаково, поэтому близкие по звучанию **звиздануть* и *звездá* были осмыслены как родственные, а это определило написание *звездануть* с *е* (как *звезда*).

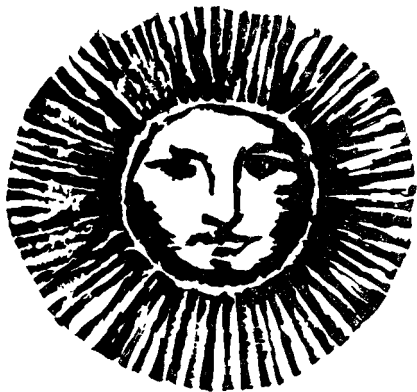
Приведенные наблюдения позволяют судить о сложном взаимодействии различных факторов, которое приходится учиты-

вать при этимологизации слов. В формировании и дальнейшей судьбе каждого слова сочетаются многообразные, в целом закономерные явления и процессы (фонетические изменения, изменения значения, включение в определенное словообразовательное гнездо или изоляция вследствие утраты родственных слов и т. п.), но в каждом отдельном случае это сочетание индивидуально. Можно сказать, что нет двух слов с одинаковой историей, и поэтому бесконечно варьируются от слова к слову пути этимологического анализа. В этом смысле этимология, пожалуй, самая частная из всех лингвистических дисциплин.

Однако как и всякая другая наука, этимология базируется на наличии закономерностей в образовании и изменении слов, которые подсказывают историческая грамматика, семасиология и другие лингвистические дисциплины, и ставит своей целью не только выяснение происхождения отдельных слов, но и определение более общих закономерностей в судьбе слов. К числу таких закономерностей, «этимологических универсалий», Я. Малкиль относит повторяющуюся степень этимологической прозрачности в словах одной группы: например, в романских языках названия животных женского пола более прозрачны этимологически, чем названия животных мужского пола и детенышей, а прилагательные этимологически сложнее, чем глаголы, по определению А. Мейе. Сюда можно, вероятно, отнести и преобладающие этимологические связи определенных групп слов: например, наречия часто этимологически вторичны по отношению к прилагательным, существительным, местоимениям; местоимения, предлоги и союзы этимологически вторичны по отношению к частицам (вывод Ф. Копечного).

Этимологическая практика, конкретные этимологические исследования, имея своим основанием эти частные и общие закономерности, все более стремятся к системности в своей методике. С одной стороны, формулируются определенные методологические принципы, правила, подсказывающие направление этимологических поисков в отдельных случаях (таковы, например, принципы, сформулированные в последних работах О. Семереньи). С другой стороны, этимологические исследования все чаще ведутся на материале целых групп слов (единое этимологическое гнездо, слова одной лексико-грамматической категории, слова одного семантического поля). В совершенствовании методики этимологических исследований кроются резервы дальнейшего развития этой нестареющей и увлекательной науки.

ЗИМА И ЛЕТО

Современная система летосчисления связана с изучением небесных тел и основана на данных астрономии и других естественных наук. А как вели счет времени наши предки? Существовало ли в Древней Руси понятие времени вообще? И если да, то с чем оно связано? Ответы на все эти вопросы дают письменные памятники древнерусского языка. Наличие в них таких слов, как *годъ*, *лѣто*, *часть*, *дѣнь*, *весна*, *зима*, *осень*, а также славянские названия месяцев и дней недели подтверждают то, что славяне еще в древнейшую эпоху имели представление о временных понятиях. Понятия эти были тесно связаны с практической деятельностью человека. Основным занятием славян было сельское хозяйство. Поэтому календарные рамки различных временных отрезков находятся во взаимосвязи с теми сельскохозяйственными работами, которые приходились на тот или иной отрезок времени.

Это можно проследить на примере небольшой группы слов, обозначающих в современном русском языке четыре времени года: весна, лето, осень, зима. Разграничения времен года, существующего в настоящее время, в древнерусском языке не было. Четко различались лишь два сезона: теплый и холодный. Теплый — это период расцвета природы, период посева и уборки урожая, т. е. тот

отрезок времени, который в настоящее время соответствует весне, лету и частично осени. Холодный сезон — период, когда природа мертва, все живое отдыхает, т. е. соответствующий нашей осени и зиме.

Границы между временами года были нечеткими и менялись в зависимости от различных климатических условий на разных территориях и от состояния погоды в тот или иной год. Но слова, обозначающие четыре времени года, древнерусскому языку были известны. Это подтверждается примерами из письменных памятников: «Разложите лѣто на дѣ времена. весну, зиму, лѣто» (Разделите год на четыре сезона: весну, осень, зиму, лето) — Юрьевский пролог XIV века; «дѣ времена суть лѣту весна жатва осень зима» (Год имеет 4 сезона: весна, лето, осень, зима) — 13 Слов Григория Богослова XIV века. (О значении слова *жатва* будет сказано ниже.) Правда, эти и другие примеры относятся к позднему времени. В более ранних памятниках четко разграничиваются лишь лето и зима.

Слова *весна*, *лето* и частично *осень* обозначали теплое время года, собственно лето, а *осень* и *зима* — холодное, собственно зиму. Слово *зима* могло обозначать холод вообще, а весь годовой цикл назывался *лѣто*.

Прежде чем перейти к более подробному анализу каждого слова, относящегося к группе обозначений времен года, следует дать толкование слова *годъ* и показать соотношение

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

понятий *годъ* и *лѣто* в древнерусском языке.

Основным значением слова *годъ* было время вообще, неопределенный отрезок времени: «Бъ бо годъ обѣду» (Ибо было время обеда) — Житие Феодосия Печерского, XII в.; «Кнѣзь въ тыи годы володыи всєю землею рускою именемъ Владимиръ» (Князь, в то время владевший русской землей, по имени Владимир) — Чтения о Борисе и Глебе, XIV в. Очень распространенными были сочетания слова *годъ* с различными прилагательными временного значения: утреннии *годъ* (утреннее время), осеннии *годъ* (осеннее время), вечернии *годъ* (вечернее время) и др.

Со значением 'время вообще', 'неопределенный отрезок времени' связаны известные современному русскому языку глаголы *годить*, *погодить* 'ждать'. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова при глаголе *годить* стоит помета «шутл.», «разг.», а при глаголе *погодить* — «разг.» и приводится пример: «Сказано погоди, ну, и годи, значит» (Салтыков-Щедрин).

Современное понятие года '365 дней' встречается в древнерусском языке гораздо реже, хотя известно оно с давних времен. Первое употребление слова *годъ* в указанном значении И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» относит к 1136 году. В Грамоте князя Всеволода читаем: «Имати имъ оброкъ и въ вѣкы на всякий годъ» (Брать им оброк постоянно каждый год). Это же толкование мы находим и в «Русской Правде» 1280 года, в грамотах XIII—XIV веков. Например: «У 3 день 6898 году» (Третьего дня 1390 года) — Грамота 1390 года. Показательно, что значение 'год' прежде всего отмечается в грамотах — памятниках деловой письменности. Это свидетельствует о том, что оно больше было известно разговорному языку.

Что касается слова *лѣто*, то его основным значением было 'год, период времени в 365 дней'. Так оно употреблялось в памятниках разных жанров вплоть до конца XV — начала XVI века, а в современном русском языке сохранилось только в родительном падеже множественного числа. Так, в Словаре Ушакова при

слове *лѣто* в значении 'год' дается помета: «Р. мн. *лет* употребляется в качестве Р. мн. к *годъ*». То же находим и в других словарях, например, в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах.

Старое значение 'год' сохранилось в современном русском языке в сложных словах с первой частью *лѣто* — летописание, летописец, летописный, летопись, летосчисление (см.: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, а также «Словарь современного русского литературного языка»). Показательно, что сложных слов с первой частью *год* в современном русском языке вообще нет. Не было их и в древнерусском языке.

Другим значением слова *лѣто* было 'самое теплое время года', 'лето'. В одних и тех же контекстах оно могло употребляться в разных значениях: «Томъ (ж) лѣ (т) стоя всѣ лѣ (т) ведромъ» (В этом году все лето стояла ясная погода) — Новгородская летопись XIII—XIV веков; «Да ни зимъ боимся зимы, ни лѣ (т) знои» (Зимой не будем бояться холода, а летом жары) — Лобковский пролог XIII века. Такая многозначность слова вызывала затруднения при чтении текста. Поэтому за словом *лѣто* закрепляется одно основное значение 'теплое время года', а отрезок времени в 365 дней стал называться только *годъ*.

Для обозначения теплого времени года *лѣто* употреблялось обычно в одних контекстах со словом *зима*: «Зимъ и лѣтъ одеждя даруеть намъ» (Зимой и летом дарит нам одежду) — Изборник 1076 года; «И всегда нужаше ю ходити босои зимъ и лѣтъ» (И всегда заставлял ее ходить босой: зимой и летом) — Лобковский пролог XIII века. Правда, в значении 'теплое время года' *лѣто* могло употребляться и без противопоставления зиме: «И ста все лѣ (т) дъжгева» (И стояло все лето дождливое) — Новгородская летопись XIII—XIV веков.

Это значение встречаем и в словах, образованных от того же корня, что и *лѣто*: «Зимьяно и лѣтъняно путьшества» — Рязанская кормчая 1284 года и др. В Ипатьевской летописи употребляется глагол *лѣтовати* 'проводить лето': «Лѣтовати на

Донь». Есть он и в 17-томном Словаре, правда, с пометой «просторечное»: «Остаются здесь вить гнезда и летовать обычные их (степеней) обитатели: кукушка, дрозд, горлинка» (Данилевский. Четыре времени года); «Мне, мил человек, летовать здесь никак нельзя» (Горбатов. Большая вода). Древнерусскому языку были известны слова *лѣтошнии* 'летний', *лѣтось* 'прошлым летом', *лѣтовище* 'летняя стоянка'. Некоторые из них до сих пор сохранились в русских говорах.

Для обозначения самого теплого времени года употреблялось и слово *жатва*. Как правило, оно встречается в письменных памятниках, переведенных с греческого языка, где ему соответствует $\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ 'лето', 'жатва', 'время уборки урожая': «Всельтная времена д. по г. мѣ м(с)цемъ имуще чуть(с). изглеться чися их весна, жатва, осень, зима» (Четыре времени года имеют по три месяца и называются весна, лето, осень, зима) — Хроника Георгия Амартола XIII—XIV веков; «И кыжьдо въздрать уподобиша четьремь лѣтнимъ, измѣнамъ. весну къ дѣтству, и къ жатвѣ уносты, а ко осени мужьство, а къ зимѣ старость» (Он уподобил каждый возраст четьрем временам года: детство — весне, юность — лету, зрелость — осени, старость — зиме) — «Пчела», конец XIV века.

В Ефремовской кормчей, памятнике XII века, встретился пример, подтверждающий положение о том, что в древнерусском языке не было четко выраженных временных границ в обозначении времен года: «(Собор должен собраться) в жатвное время». В греческом тексте прилагательному *жатвынии* соответствует слово $\mu\epsilon\tau\omicron\lambda\omicron\rho\omicron\varsigma$ 'осенний'. И это понятие: ведь лето — не только теплое время, но и время жатвы, время уборки урожая, т. е. такое время, которое в южных странах, например, в Греции, относилось к осени.

Иногда теплое время года называлось словом *межень*. Обычно это середина лета: «Ехат(и) имъ межень по петровѣ дни» (Ехать им в середине лета после Петрова дня) — Новгородская грамота 1265 года.

В. И. Даль в Толковом словаре рус-

ского языка отмечает слово *межень* только в сочетаниях *межень лѣта* 'середина лета' и *межень зимы* 'середина зимы'.

Слово *зима* могло обозначать 'холодное время года, зиму' и 'холод вообще'. В первом значении оно чаще всего противопоставляется лету: «На землю Лядскую наступило на зиму и на лето» (Буду наступать на Польскую землю зимой и летом) — Лаврентьевская летопись, 1377 год. Второе значение — 'холод': «Да не гладомъ и зимою умереть» — Житие Феодосия Печерского XII века; «Въ ту же ночь бы(с) зима велия» (В ту ночь было очень холодно) — Пролог, начало XIV века. Значение 'холод' Срезневский отмечает еще в памятнике XVI—XVII веков, Слове Даниила Заточника: «Зимой умирающа» (Умирающего от холода).

Слова, образованные с корнем *зим-*, дают понятие о холодном времени года: *зимовище* 'зимняя стоянка', *зимовати* 'проводить зиму'. Можно привести соответственные пары слов в древнерусском языке с корнями *лѣт-/зим-*: *лѣто* — зима, *лѣтний* — зимний, *лѣтовище* — зимовище, *лѣтовати* — зимовати. Единство словообразовательной структуры данных слов может быть еще одним подтверждением взаимной противопоставленности двух времен года в древнерусском языке.

В отличие от *лета* и *зимы* понятия *весны* и *осени* были чисто фенологическими и рассматривались как переходное время от лета к зиме и от зимы к лету: «Слажши же весна яко по зимьѣи скорби» (Приятнее весна, потому что наступает после зимней скуки) — 13 Слов Григория Богослова XIV века; «Начинаему ся сару рекше весне земля прозябасть» (Когда начинается сар, то есть весна, земля пробуждается) — Хроника Георгия Амартола XIII—XIV веков. В последнем примере русскими буквами передано греческое слово $\epsilon\alpha\rho$ 'весна', перевод которого дается в том же тексте.

В Словаре Срезневского отмечено слово *пролѣтне*, которым также называлась весна: «Мимо иде уже зима, пролѣтне же вниде» (Уже прошла зима, весна наступила) — Сборник поучений XIV века. Прилагательное *пролѣтныи* известно памятнику бо-

лее раннему — Хронике Георгия Амартола по списку 1389 года: «Сия зимѣ быше въ пролѣтное же время» (Было холодно в весеннее время). *Пролегие* известно русским говорам. В. И. Даль отмечает для него значения: 'весна', 'начало лета', 'июнь, пора до Петрова дня'.

Осенний сезон тоже не был строго определен. В зависимости от разных природных условий в него включались сентябрь, октябрь, ноябрь, а иногда даже август. Вот пример из Новгородской летописи XIII—XIV веков: «А на осень прѣставися ольгѣ... авгу(с) в. а.» (А осенью умер Олег первого августа); «На то же осень зѣло страшно бы(с) ... градъ же яко ябълковъ боле мѣся ноября» (Той же осенью было очень страшно, в ноябре был град больше яблока). В основном же словом *осень* называется просто холодный период, пред-

шествующий зиме, а не конкретное время года: «Бобрь трудолюбиво, осень доколѣ поводню быти берегъ знамѣнаеть» (Бобер с наступлением холодов старательно замечает на берегу, до какого места поднимается вода) — Мерило праведное XIV века.

В значении 'осень' выступало и слово *осенина*. Правда, оно употреблялось значительно реже: «То(г) же лѣ(т) въ осенинѣ» (В том же году осенью) — Новгородская летопись XIII—XIV веков.

Таким образом, в Древней Руси последовательно различались лишь два времени года: теплое и холодное, соответственно *лето* и *зима*. *Весна* и *осень* обозначали промежуточные явления природы и четких временных границ не имели.

Кандидат филологических наук
Л. В. ВЯЛКИНА

ДРОФА — ДУДАК

Этимологические заметки

На первый взгляд, между этими двумя словами нет ничего общего, кроме значения: оба они называют крупную степную птицу из отряда журавлиных *Otis tarda*. Утверждению лингвистов, что это одно и то же слово, но пришедшее в наш язык в разное время, трудно поверить.

Действительно, сейчас у слов *дудак* и *дрофа* общее лишь начальный согласный *д-*. Гласный *-а* в слове *дрофа* — окончание, изменяющееся в других падежах, а в слове *дудак* *-а* относится к основе и при склонении устойчиво сохраняется. И все-таки это слова-братья, имеющие общее происхождение.

Названия *дрофа* и *дудак* в русском языке распространены неодинаково: первое из них — общелитературное слово, а второе — диалектизм. В. И. Даль в Толковом словаре при этом слове дает помету *вост.* «Восточным наречием» русского языка наш знаменитый словарник называл русские говоры Поволжья и восточных областей, исключая Сибирь.

Ни к существительному *дуда*, *дудка*, ни к глаголу *дудеть* слово *дудак* не имеет никакого отношения: эта птица не «играет на дуде» и крик ее на звуки дудки не похож. Нет у этого слова родни и в других славянских языках. Правда, в чешском, словацком и польском мы находим слова, созвучные с рассматриваемым названием: чешское и польское *dudek*, словацкое *dudok*. Так названа мелкая птица угод за ее характерный крик. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» сопоставляет русское существительное *дудак* с названием этой птицы в тюркских и монгольских языках и приходит к выводу, что оно заимствовано из тюркских, но не указывает точно — из какого. Приводимые им примеры малоубедительны: отмеченные у него слова отличаются в звуковом отношении от русского *дудак*.

С. Т. Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» касается вопроса о происхож-

дении названий дрофы: «Имя *дрофы* — не знаю, откуда происходит. В Оренбургской губернии зовут ее по-татарски *тудак*, или *дудак*. Это же название слышал я и в соседственных губерниях, но в Курской вместо *дрофа* говорят *дрохва*. Я остаюсь убежден в нерусском происхождении этого слова». Сам С. Т. Аксаков в этой книге преимущественно употребляет форму *тудак*, которая не отмечена ни в одном русском толковом словаре. О татарском происхождении слова *дудак* говорил и В. И. Даль.

Действительно, в татарском отмечено слово *дудак* с тем же значением. Форма с начальным *г-*, по-видимому, восходит к одному из татарских диалектов. Форма с начальным *д-* заимствована также многими кавказскими языками: абазинское *дудакъ*, адыгейское и кабардино-черкесское *дудакъ*, осетинское *дудакъ*. Ближе к этому звучат лакское название *давадахъ* и аварское *тувадахъ*, которые отражают заимствования из других тюркских языков или диалектов. Ср. чечено-ингушские формы *тогакъ*, *тодакъ*.

Название *дрофа* почти общеславянское: его начало звучит одинаково у всех славян, но конец обычно оформлен по-разному. Раньше в русском языке оно было известно в вариантах *дрохва*, *драфа*, *драхва*. Причем написания с *а* в начальном слоге, по-видимому, не просто отражены на письме акающего произношения: в «Российском с немецким и французским переводами словаре, сочиненном Иваном Нордстетом» (ч. I. СПб., 1780) дана лишь форма с ударением на начальном слоге *дрáхва*. Русские словари, к сожалению, не отмечают широко представленного на юге произношения *дрѳа* с ударением на начальном слоге. Приводимую в словарях форму с конечным ударением) впервые встречается в рукописном западнорусском славяно-латинском Словаре XVII века (из собрания А. А. Барсова. Рукопись этого Словаря — № 2313 — хранится

в Государственном историческом музее).

По указанию «Энциклопедического словаря» (издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона), в Сибири встречается местное название этой птицы *драп*, связанное с немецким *die Trarre* 'дрофа'. В других источниках это название найти не удалось.

Г. А. Полетика — автор «Словаря на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданного в пользу учащегося российского юношества» (СПб., 1763) наряду с *дрохва* упоминает не встречающееся в других словарях русское название птицы *дрѳъ*. Возможно, оно восходит к польскому языку. Именно в «Словаре на шести языках» впервые зафиксировано *дрофа*, а не в словаре И. Нордстета, как утверждает семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка».

В украинском языке это слово встречается в формах *дрохва*, *дрѳва* и *дрѳа*. Формы с начальным ударением, по мнению Л. А. Булаховского, являются вторичными (см.: «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», 1948, № 2). Белорусскому языку оно известно в форме *драфа́* (ср. диалектные: *дрѳ*, *грѳ*). Таковы разновидности этого слова в языках восточных славян.

Южнославянские языки увеличивают число отклоняющихся форм. В болгарском представлены *дрѳля* и *дрѳля* (причем слово с твердым *л* вторично, оно возникло из множественного числа *дрѳли*, а также из уменьшительного *дрѳлица*). Болгарская форма *ждрѳля* возникла в результате переосмысления и сближения со словами на *ж-*, например, *жир*, *ждрапам* и т. п. Впрочем, известный немецкий славист Эрих Бернекер считает, что формы *дрѳля*, *дрѳля* заимствованы из сербскохорватского *дрѳля* (см. E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch). К сербскохорватскому языку, по Э. Бернекеру, восходит и словенское *drplja*. Македонское *дрѳля* весьма близко к болгарскому.

Западнславянские языки еще более увеличивают количество форм этого слова. В современном чешском представлена форма мужского рода *drp*. В старочешском форм было

больше: *dropha, drofa, droptva* (последняя, очевидно, под влиянием старого названия куропатки *kuroptva, koptva* — изменила конечную часть), *droa, drof*. По-разному звучат названия в словацком языке *drov, kroup, drachva* (последнее отмечено в карманном Русско-словацком словаре Л. Мичатека 1892 года, но Л. А. Булаховский считает его возможным книжным русизмом — см. «Известия АН СССР», там же). Польские наименования дрофы единообразнее: *drov* (родительный падеж *drofia*), древнепольское *drofia, drov*. Значительно уклонились от других славянских форм серболужицкие: нижнелужицкие *grouf, grouf*, верхнелужицкая *grouf*.

Колебания в оформлении слова даже в одном языке заставляют думать, что во всех славянских языках существительное *дрофа* и его видоизменения заимствованы. Справедливость такого предположения подтверждают и колебания в значениях: в древних польском и чешском языках *drofia* и *drofa* могли служить наименованием лебедя. Считать это слово заимствованным заставляло и то, что почти все славянские названия, относящиеся к растительному и животному миру степной полосы, отсутствовали в праславянском языке (см.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962).

Источник заимствования искали сначала в германских языках, но впоследствии было установлено, что все соответствующие германские формы (немецкие *Trarre, Trarrgans, Trarrhuhn*, голландские *trap, trapgans*, датские *trap(re), trapgaas*, шведская *trarp* и др.) известны только с 1200 года и восходят к славянским языкам, ибо «птица эта была наиболее распространена на бывших славянских территориях Германии» (Н. Suolahti. Die deutschen Vogelnamen. Straßburg, 1909, стр. 263). От немцев славянское слово попало в другие германские языки.

Предположение о германском происхождении всех славянских форм оказалось неверным, но оно помогло установить происхождение ряда особенно отклоняющихся славянских форм. Немецкое *Trarrhuhn*, вернувшись в славянские языки, дало серболужицкие и словацкую формы

kroup. Заимствовали у славян название дрофы румыны — *drofie*, молдаване — *дрѳине*, а через германское посредство — финны — *trappi* и лютцы *trāpas, trāmpas*.

Согласно новой гипотезе (об исконном славянском происхождении всех форм, кроме лужицких и словацкой, явно восходящих к немецкому *Trarrhuhn*) название быстро бегущей и тяжело взлетающей крупной степной птицы связано с глаголом *дранать*. Его индоевропейский корень восстанавливается в виде **dra-‘бегать’*. Чередование гласных *o/a* часто встречается в славянских языках (ср. русское *ловить* — *лавливать*). Это предположение объясняло южно- и западнославянские формы, в которых представлен звук *n*. Но остались необъяснимыми слова восточнославянских языков, содержащие звуки *ф* или *хв*.

Если принять эту гипотезу, то придется восстановить большое количество праформ, из которых получились современные слова в разных славянских языках: **дропъ, *дропь, *дропья* (из нее получились южнославянские формы с *л* типа болгарской *дропля*), **дрона*, а также **дропы* с родительным падежом **дропъве*. Считают, что именно форма **дропы* легла в основу восточнославянских: русской, украинской, белорусской. Она склонялась по тому же древнему склонению, что и существительное женского рода **буки* (родительный падеж *букъве*), которое по образцу косвенных падежей дало форму именительного падежа *бука*. В слове **дропья* произносился особый, очень краткий гласный звук *ъ*, который затем выпал. Получившееся в результате этого выпадения сочетание *пв* должно было упроститься в один гласный *ф*. Переход сочетания *пв* (из *пъв*) в *ф* наблюдается в польском *ufać* и чешском *doufatí* (‘надеяться’), которые соответствуют русскому глаголу *уповать* (древнерусское *упъвати*). Но в этом доказательстве есть непоследовательность: восточнославянские формы со звуком *ф* объясняются с помощью процессов, которые происходили в западнославянских языках. При этимологическом сближении существительного *дрофа* с глаголом *дранати* остаются необъясненными и колеба-

ния в значении и исконно славянский характер названия этой степной птицы.

Наиболее правдоподобной остается этимология, предложенная финским тюркологом Мартти Рясяненем в 1946 году (M. Räsänen. Die wolgal-bolgarische Einfluss im Weste im Lichte der Wortgeschichte.— «Finnisch-ugrische Forschungen». Bd. XXIX, стр. 196). М. Рясянен сопоставил тюркские названия дрофы и вывел общетюркскую праформу *тогдак, с которой, по строгим законам соответствий внутри тюркских языков, должна была согласовываться чувашская праформа *tārah. Правда, М. Рясянен установил непосредственную связь только между древнечувашским словом и русскими формами *драхва*, *драфа*, *дрохва*, *дрофа*, встречающимися в Словаре В. И. Даля. М. Рясянен предположил, что в слове *тогдак содержится тот же суффикс, что и в общетюркском названии утки *ōrdāk. Неполное звуковое совпадение суффиксов в тюркских названиях дрофы и утки зависит от действия закона сингармонизма. Этот закон требует, чтобы внутри тюркского слова все гласные по ряду (передний или задний) строго соответствовали гласным корня. Ср. суффикс множественного числа в каракалпакских существительных: *ат* 'лошадь' — *атлар* 'лошади', но *ийт* 'собака' — *ийтлер* 'собаки'.

Что касается соответствия *gd* (во многих тюркских языках) — *p* (в чувашском языке), то М. Рясянен объясняет его через ступень *z: gd > z > p*. Например, общетюркское название пшеницы *богдай было заимствовано венграми из того древнечувашского диалекта, где сочетание *gd* превратилось в *z*, отсюда венгерское *búza*. В современном чувашском языке ему соответствует *pāri*, правда, в значении 'полба'.

Название дрофы в венгерском языке тоже заимствовано из древнечувашского языка и звучит *túzok*. Следовательно, мы имеем два почти одинаковых ряда:

тюркское *богдай — венгерское *búza* — чувашское *pāri*;

тюркское *тогдак — венгерское *túzok* — чувашское *tārah.

Свои разыскания М. Рясянен, однако, закончил весьма пессимистиче-

ски: «Все-таки начальное *đ*- и конечное *-va* (здесь имеются в виду формы *дрохва*, *драхва*. — И. Д.) остаются неясными».

Необходимый для объяснения не только этих темных мест, но и всех славянских форм тюркский материал обширен и многообразен: башкирское *тугазак*; татарское *дудак*; казахское *дуадак*; каракалпакское *дууалак*; туйлак; ногайское *дувадак*; кумыкское *дувадакъ*; карачаево-балкарское *дувадакъ*; азербайджанское *довдаг*; узбекское *туводоқ*, *тўхтатувалоқ*; киргизское *тоодак*; тувинское *тогдак*. Особняком стоят туркменские формы *токалтай*, *токлутай*.

К этим формам современных тюркских литературных языков следует добавить ряд диалектных и архаических. В чагатайском языке (иногда называемом староузбекским) известны *тугдак*, *тогдак*, *тойдак*. *Тоодак* отмечена в койбальском, качинском и сагайском диалектах хакасского языка. Следует также учесть, что в хакасских говорах это слово известно в значении 'цапля' — *тоодак*. В казахских диалектах встречается *дуалак*. Этот же самый корень содержат турецкие *той*, *туй*, *тойлак*, *тоғдари*, *тоғдари* и чагатайское *тоғдуй*. Чуваши заменили это слово описательным оборотом *хир кәркки* 'степная индюшка'. Известно оно и монголам (родственным тюркам по языку): бурятское *тоодог*, калмыцкое *тоод*, монгольское *тогодак*, *тогодок*, дахурское *tdok*, в маньчжурском языке — *тодо*.

Все приведенные здесь тюркские формы и восходящие к ним кавказские позволяют внести ряд уточнений в гипотезу М. Рясянена и решить те вопросы, которые для него оставались неясными. Во-первых, начальное *đ*- в некоторых тюркских языках говорит о том, что в тюркском праязыке сосуществовали формы с начальным *đ*- и *t*-, поэтому начальное *đ*- в славянских формах не должно вызывать недоумения. Во-вторых, башкирское *тугазак* указывает на то, что изменению в *z* и далее в *p* подверглось не сочетание *gd*, а просто согласный *đ*. А заднеязычный согласный *z* через ступень неслогового *y* превратился в гласный и слился с предшествующим *o*, поглотив его. Следовательно, из тюркских

*тогдак, *догдак получились *тоузак, *доузак, а затем *туузак, *дуузак с долгим *у*. Это долгое *у* мы находим в венгерском *tízok*. Славяне же заимствовали наименование дрофы из другого диалекта, в котором был начальный согласный *ð*; из диалекта, где долгий гласный *у* сократился, *z* между гласными изменился в *p*, а конечный согласный *k* — в *x*. Но этот согласный *x* был огубленным, или лабиализованным, и напоминал одновременно произносимые звуки *x* и *v*. Такой звук встречается в русских народных говорах: при передаче его на письме употребляют сочетание букв *xv*. Вероятно, он был и смягченным, подобно начальному согласному в диалектном произношении имени *Фёдор* — *Хвёдор*.

Итак, форма, заимствованная славянами из диалекта древнечувашского языка, — **дураx^{vv}*. Оба гласные краткие. Согласные *ð* и *p* славяне оставили без изменения, ибо такие звуки были и в их языке. Краткий гласный *у* закономерно переходил в очень краткий гласный *ʉ*, который впоследствии исчез. Краткий гласный *a* наши предки постоянно превращали в *o*. Сложного звука *x^{vv}*, который произносился при подъеме задней части спинки языка с одновременным огублением и смягчением, у большинства славян не было. Восточные славяне заимствовали этот звук, но утратили его мягкость. Позже этот сложный звук *x^{vv}* был заменен у нас звуком *ф*. Южные славяне этот звук передали как очень мягкий согласный *n^b*, превратившийся потом в сочетание *п* с мягким *л* (ср. сербскохорватское *дропља*), а запад-

ные славяне — то как твердое, то как мягкое *п*. Отсюда разное оформление этого слова в славянских языках.

Итак, конечное *-ва*, смутившее М. Ряснену, объяснено. Написание *xv* нельзя разрывать: это способ передачи сложного *x^o*. Конечный гласный *-а* был добавлен к слову уже на славянской почве, ибо название дрофы вошло в состав существительных женского рода.

Существуют и другие взгляды на происхождение славянских наименований дрофы. Замечу здесь, что М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» напрасно приписал Л. А. Булаховскому гипотезу о звукоподражательном происхождении названий дрофы у славян. В указанном им труде Л. А. Булаховского такого высказывания нет.

Теперь о языке, из которого славяне заимствовали название дрофы. В нашей статье он называется древнечувашским. Наряду с ним в лингвистике употребляется название «булгарский язык». Когда-то тюркоязычные булгары занимали большие пространства южной части Восточной Европы. Они говорили на языке, близком к чувашскому. Но этот многочисленный народ частично был истреблен, частично «растворился» среди других племен, приняв чужой язык. Существует мнение, что булгары составляли костяк гунских и аварских орд.

Древний булгарский язык сохранился (несколько видоизменившись) у современных чувашей. Названия народов *болгары* на Балканах и *балкарцы* на Кавказе свидетельствуют о том, что в этих местах когда-то жили булгары, которые оставили лишь название свое да отдельные слова в языках соседей. Некоторые из этих слов утрачены чувашами, непосредственными потомками булгаров. Так, например, ушедшие в лесную местность чуваше не сохранили старое название дрофы **дураx^{vv}*. Но оно осталось у славян. Даже более того: они способствовали распространению этого слова далеко на запад. Лингвисты, изучая такого рода заимствования, восстанавливают слова давно исчезнувших языков.

Кандидат филологических наук
И. Г. ДОБРОДОМОВ

В следующем номере
«Русской речи»
читайте:

Почему убегают
гласные?

Что ели русские
в древности?

С Е Р В И С

Слово *сервис* впервые в русском языке было отмечено в «Словаре иностранных слов» (1937). Интересно, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1940) первым значением дано узкоспециальное, спортивное: «*сервис* [сэ], -а, мн. нет, м. [англ. *service*] (спорт.)». То же, что *сервировка*. Искусный сервис». «*Сервировка*, -и, мн. нет, ж. (спорт). Действие по глаголу *сервировать*, подача мяча. *Искусная сервировка, трудная сервировка...*». И только как второе (причем с пометой *новое*) дается значение «совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и созданию всевозможных удобств для него» (быстрая починка носильных вещей, доставка покупок на дом, справочное дело и т. д.). О новизне и еще недостаточной ассимиляции слова русским языком говорило и специально отмеченное произношение: *сервис* [сэ]. Однако позднее развилось именно второе значение. Так «Словарь иностранных слов», вышедший в 1964 году, отмечает: «*сервис* [англ. *service*] — 1) обслуживание, 2) *сп* [специальное] в теннисе и других играх — подача мяча, т. е. удар, которым игрок вводит мяч в игру».

Но развитие значений слова *сервис* еще не закончилось, и еще не все они отражены в словарях. Если Д. Н. Ушаков в 1940 году отметил значение «совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах...» без всяких местных ограничений, то в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1962) зафиксировано: «*Сервис*, -а, м. В некоторых странах Западной Европы — обслуживание бытовых нужд населения; совокупность учреждений по обслуживанию бытовых нужд населения и созданию

всевозможных удобств для него». Это ограничение — «в некоторых странах Западной Европы, можно полагать, не совсем справедливо. Словари иностранных слов, например, таких ограничений не делают. В 4-томном «Словаре русского языка» дано: «*сервис*, -а, м. Книжн.— Обслуживание бытовых нужд населения».

В литературе и особенно в публицистике слово *сервис* в значении — «обслуживание населения и т. п.» встречается довольно часто: «Журнал „Служба быта“ — должен стать настоящим пропагандистом советского сервиса, в котором забота об удобствах и комфорте человека сочетается со стремлением сделать красоту хозяйкой и жилища, и вещей, и одежды, и человеческих отношений» («Литературная газета», 10 августа 1965).

Употребительность этого слова на страницах массовой печати возрастает после XXIII съезда КПСС, в период оживления интереса к работе в сфере обслуживания в области организации труда, быта, отдыха. «Рядовые сервиса...» — Чувствуется большая озабоченность большинства покупателей нашим торговым сервисом... Советский сервис выходит на новые рубежи» («Комсомольская правда», 11 марта 1966); «Пустите сервис на завод» («Комсомольская правда», 26 марта 1966); «Сервис „Паннони“ — о выставке промышленных швейных машин Венгрии» («Известия», 9 июня 1966); «Сервис — это выгодно для всех...» — Роль сервиса становится все заметнее». («Известия», 21 июня 1966); «Сервис начинается с улыбки» («Советская культура», 6 октября 1966).

Постепенно слово приобретает особое морально-этическое осмысление, тот или иной более специальный, узкий оттенок значения благодаря широкой сочетаемости с определениями: советский сервис, торговый сервис.

Проследим формирование новых оттенков значения еще на ряде примеров: «— Эффект экономического, разумеется, от такого обильного сервиса небольшой. — Не скажите... сервис должен быть комплексным: вас должны обслужить полностью» («Известия», 21 июня 1966); «Заоблачный сервис» («Известия», 18 июля 1966);

«Сви́репый сервис» («Советская культура», 6 октября 1966).

Как видим, слово *сервис* в словосочетании «определение + определяемое» или «субъект + именной предикат» может получить не только оценочно-качественную характеристику (обильный сервис, свирепый сервис), но и новые оттенки значения: уточняющее (советский сервис), профессионально-специальное (торговый сервис, комплексный сервис).

Существительное *сервис* находится в ряду близких по значению исконно русских слов *обслуживание — услуги*. Ср.: «Он рассказал об услугах, которые оказывают покупателям... Я заметил: — Эффект экономический, разумеется, от такого обильного сервиса небольшая» («Известия», 21 июня 1966); «Жертва сервиса... А поток жалоб в редакции от очередных жертв обслуживания, увы, не уменьшается» («Правда», 17 июля 1966); «Киевский сервис... Торговые услуги — киевлянам» («Правда», 16 июня 1967).

Однако существительное *сервис* шире по значению — совокупность всех учреждений по обслуживанию бытовых нужд, все виды бытового обслуживания. Этот собственный оттенок значения позволил иностранному слову закрепиться в ряду русских слов *обслуживание — услуги*.

Иногда слову *сервис* придается слишком широкий смысл — не только «услуги, обслуживание», но и «внимание», «радушный прием» и даже «порядок, ритуал какого-либо торжества». Вот пример такого неоправданного употребления. «Комсомольская правда» опубликовала информацию «Сервис голубой арены» (30 июля 1967). Речь шла сначала о бас-

сейне в Лужниках и четкой работе обслуживающего персонала. А дальше сообщалось о чetyрех студентах: «Их обязанность — сервис победителей. Девушки ассистируют председателю Федерации плавания СССР З. П. Фирсову и почетным гостям спартакиады во время церемонии награждения. И букеты цветов, и милые улыбки — это ли не самое лучшее приложение к медалям...».

Обратим внимание на формальную сторону в функционировании слова *сервис*. Русские существительные *услуги, обслуживание* сохраняют достаточно развитую систему падежного управления: *услуги кому?* (дательный адресата) и *услуги кого — чьи?* (родительный субъекта); *обслуживание кого?* (родительный объекта) и *обслуживание кем?* (творительный действующего лица). Такой развитой падежной системы существительное *сервис* не имеет. Родительный падеж, возможный при нем (сервис Паннонии, сервис голубой арены), воспринимается как родительный субъекта действия или места действия. *Сервис победителей* — двусмысленно: 1) сервис, созданный для кого-то победителями, или 2) для самих победителей.

Итак, существительное *сервис* достаточно распространено в современном русском языке. Однако его функционирование оправдано только в значении «услуги, обслуживание, совокупность бытовых услуг» и не оправдано в значении «внимание, забота вне бытового плана, порядок, ритуал, церемония».

А. А. БРАГИНА,
преподаватель МГПИИЯ имени
М. Тореза

В следующем номере «Русской речи»

ч и т а й т е:

Как понимал задачи поэзии Дерявин?

Чем отличается академический словарь
от словаря-справочника?

ПЕРВАЯ РУССКАЯ К Н И Г А

До недавнего времени полагали, что письменность на Руси появилась в конце X века при князе Владимире после принятия христианства в 988 году. Однако теперь на основании новых фактов можно утверждать, что на Руси она существовала уже в начале X века. Об этом свидетельствует находка археолога Д. А. Авдусина (при раскопках в 1949 году Гнездовского кургана близ Смоленска) — глиняный сосуд, относящийся к первой четверти X века, с надписью *гороу. а* (на месте точки неясное начертание). Все чтения этой надписи спорны: гороушца, гороушна, гороух пса (т. е. писал), гороунца. Кроме того, известен в списке XV века Договор князя Олега с греками, заключенный в 912 году, где не раз упоминается о письменных соглашениях между Русью и греками. К сожалению, это не подлинник, а список, отстоящий от подлинника не менее чем на 50 лет, но все же свидетельствующий о том, что Договор 912 года существовал.

Первая русская книга, дошедшая до нас в оригинале, Остромирово евангелие содержит 294 листа или 588 страниц большого формата (29 × 35,5 см). Написана она дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира (в крещении — Иосифа) в 1056—1057 годах на пергамене (особым образом обработанной коже) бурными железистыми чернилами. Есть основания полагать, что и до этого на Руси существовали другие книги, но они, к сожалению, не сохранились.

Евангелие — церковная книга, рассказывающая о земной жизни мифического Иисуса Христа. По имеющимся данным, Евангелие впервые было переведено с греческого на один из старых южнославянских диалектов Мефодием, его братом Константином (Кириллом) и их помощниками в середине IX века. Впоследствии книгу переписывали, вносили при этом черты местного языка. Остромирово евангелие — список с восточно-болгарского оригинала, поэтому в нем отразился восточноболгарский говор X—XI веков.

Этот памятник ценен для нас не содержанием, а тем, что внес туда дьякон Григорий от собственной речи. В южнославянском диалекте, на который впервые были переведены церковные книги с греческого языка, существовали звуки *о* и *е*, произносимые в нос, приблизительно так же, как в современном польском языке *ą*, *ę*. Обозначались они буквами, называемыми юсами: ж — юс большой (*oⁿ* — «о» носовое), а — юс малый (*eⁿ* — «е» носовое). Дьякон Григорий неправильно употреблял

юсы, вместо них часто он писал *ou* (у) и *ia* (я), также наоборот, например, писал: *двоиѣ* вместо *двою*, *багрѣнь* вместо *багрѣнь* и т. д. Эта путаница букв *ѣ* и *ou*, *я* и *ia* свидетельствует о том, что в древнерусском языке XI века не было носовых звуков.

Вместо *жд* дьякон Григорий писал *ж*: *прѣже* вместо *прѣжде*, *рождство* вместо *рождѣство* и т. п. Мы узнаем, что диалектное произношение *зерно* вместо *зерно* существовало уже во времена дьякона Григория, поскольку он писал *зърно*, а также *скърѣбѣ*, *мѣльва* (в XI веке буквами *ѣ* и *ѡ* обозначали особые звуки, близкие к коротким *e* и *o*) и т. д. Характерную особенность древнерусского языка — сочетания звуков *-oro-*, *-оло-*, *-ере-* между согласными — дьякон Григорий отразил в написаниях слов *Новгородѣ*, *Володимира*, *переганъ* *Жеѣ*. В окончании 3-го лица глагола в отличие от южнославянских списков евангелий, в которых писали *-гѣ*, он писал *-гѣ*, например: *възгласить*, *идеть*, *отъноущать*, *подобаетъ* и т. п. Такое произношение до сих пор свойственно южнорусским говорам и украинскому языку.

Остромирово евангелие — один из источников изучения русского языка XI века. В памятнике мы находим и собственно русские слова. На листе 36а читаем русское название дня: *пѣтъница* вместо церковнославянского *пѣтъкъ*; на л. 288а: *посъла ц(ѣ)сарѣ мечьника* (другие славянские языки слова *мечьник* не знали, поэтому вместо него писали: *посъла... спекулатора* или *воина*); на листе 293б: *на разбойника ли изидосте съ мечи* (т. е.: *на разбойника ли вышли с мечами*), а в других списках читаем: *съ оржжемь*. Этот факт свидетельствует о том, что в древнерусском языке слова *оржже* не было, поэтому дьякон Григорий заменил его словом *мечь*.

Остромирово евангелие — величайшее произведение искусства. Книга написана в два столбца, в каждом по 18 строк. Все буквы тщательно вырисованы. Недаром в древнерусском языке слово *писати* означало 'рисовать': «Образ писанъ... Сimeoномъ иеромонахомъ» (запись 993 года), т. е. «Икона нарисована иеромонахом Сimeoномъ». Слова писали сплошь, не отделяя их друг от друга. На месте необходимой паузы ставили точку. Каждая заглавная буква нарисована в золотом обрамлении цветными красками. В заглавных буквах геометрический орнамент переплетается с лапами, когтями, клювами фантастических и земных животных (особенно часто варьируются головы собаки и крокодила), с человеческими лицами, умело вписанными в сложные переплетения. Нередко начало текста и отдельных глав украшено художественно выполненными заставками (рамками).

Рукопись украшена тремя миниатюрами (рисунками апостолов на полный лист), выполненными в стиле византийских портретов IX—XI веков. Вот как характеризует одну миниатюру искусствовед А. Н. Свирин: «Первая миниатюра изображает евангелиста Иоанна, стоящего с поднятыми руками, обращенными к орду, держащему свиток. За Иоанном сидит перед низким столом с письменными принадлежностями, поджав ногу, его ученик Прохор. Лицо Иоанна не сохранилось, но волосы на голове и борода переданы крупными прядями, подчеркнутыми пробелами. Таким же приемом отмечены глубокие складки его хитона (нижней рубахи.— А. Л.) и гиматия (плаща.— А. Л.). Глубокие глазные впадины, подчеркнутые тенью, и румянец на щеках характеризуют лицо Прохора. Эти приемы обближают миниатюру с произведениями живописи...».

На ряде заглавных букв *В* изображена голова крокодила с очеловеченными глазами. Каким образом в русский памятник попало изображение крокодила? В византийских (греческих) рукописях оно не обнаружено, а есть только там, где ощущалось влияние Древнего Египта, например, в древнеармянских миниатюрах. На отдельных заглавных буквах *В* изображается фантастическая фигура с крыльями, с двумя лапами и головой, напоминающей собаку. Такое соединение в одной фигуре птицы и четвероногого животного характерно для древнеиранской мифологии.

Приведенные данные не исключают древних связей Руси с Востоком и Закавказьем. Детальное изучение заглавных букв, по-видимому, установит связь ряда изображений с древнерусской устной поэзией (фольклором). По приемам разрисовки букв их написание связывается с древнерусским ювелирным искусством. Выдающийся памятник древнерусского изобразительного искусства Остромирово евангелие представляет огромную ценность и ждет своего дальнейшего изучения.

Несколько слов об истории самой рукописи. Тщательное изучение ее привело профессора Н. М. Каринского к выводу о том, что первые 23 листа написаны одним почерком, а листы 24—294 другим — почерком дьякона Григория. По-видимому, был и третий писец, который надписывал золотом заголовки отдельных чтений. Дьякон Григорий в послесловии сообщает, что писать Евангелие он начал 21 октября 1056 года и окончил 12 мая 1057 года, т. е. переписка продолжалась 6 месяцев и 22 дня. До XVI века Евангелие находилось в новгородском Софийском соборе, а в 1707 году было уже в Воскресенской церкви Московского кремля. Известно, что затем по приказу Петра Великого его перевезли в Петербург, в 1805 году оно было обнаружено Я. А. Дружининым в гардеробе Екатерины II среди ее платьев. В этом же году рукопись была передана в Публичную библиотеку (ныне — Ленинградская государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), где она хранится и сейчас.

В 1843 году Остромирово евангелие издано академиком А. Х. Востоковым специальным шрифтом, напоминающим начертания букв рукописи, с точным соблюдением количества строк на листе и букв в строке. Это до сих пор единственное научное издание, к сожалению, не лишено недостатков. Так, известный исследователь Остромирова евангелия М. М. Козловский нашел в нем более 700 ошибок. Правда, в 1883 году на средства купца И. К. Савинкова Остромирово евангелие было издано фотолитографическим способом, а в 1883 году это издание повторено. Для литографирования рукопись переписывал художник, к сожалению, допустивший по невнимательности множество ошибок, а местами и порчу текста.

Рукопись Остромирова евангелия, сильно деформировавшаяся со временем, в 1955 году реставрирована. Новое издание ее в таком виде, в каком она дошла до нас, дало бы возможность широкому кругу ученых-филологов и искусствоведов продолжить изучение этого прекрасного памятника древнерусской письменности и искусства середины XI века.

Доктор филологических наук
А. С. ЛЬВОВ

поэма «Русской рези»

Значительную часть почты, поступающей в редакцию журнала, составляют возражения против употребления отдельных слов и выражений, которые, по мнению авторов писем, засоряют нашу речь. Так, Зинаида Викторовна Широкова из г. Электростали Московской области пишет:

«Считаю необходимым высказаться по поводу прочно вросших в речь оборотов со словом *хочется*: хочется поздравить, хочется поблагодарить, хочется отметить, хочется возразить... Изъятие этого *хочется* из речи оживит ее. На мой взгляд, фраза, выраженная непосредственно в изъявительном наклонении, звучит весомее и законченнее».

**Хочется
поблагодарить —
благодарите!**

Сами по себе обороты с глагольным составным сказуемым в безличных предложениях, приведенные Э. В. Широковой, вполне нормативны и грамотны, но в публичных выступлениях некоторые из них стали штампом, действительно, слишком распространившимся и уже поэтому вполне заслуживающим осуждения. Оттенок усиления или эмоциональности, когда-то присущий сочетаниям *хочется поздравить*, *хочется поблагодарить*, выхолостился, сами они потускнели. Следует, конечно, чаще прибегать к простым выражениям с глаголами в изъявительном наклонении: *поздравляю (-ем)*, *благодарю (-им)*. Но часть оборотов, осуждаемых нашей читательницей, совершенно необходима в устной речи, да и в письменной тоже. Это выражения *хочется отметить*, *хочется возразить* и некоторые другие. Они гораздо мягче прямых *я отмечаю*, *я возражаю* и помогают избежать этого «яканья», часто неуместного, порою даже нескромного.

**Заводская
газета или
многотиражка?**

Инженер Уралмашзавода Соломон Захарович Маллер прислал нам письмо, в котором он решительно протестует против употребления в речи слова *многотиражка* и предлагает пользоваться только сочетанием *заводская газета*. Не нравится С. З. Маллеру и «близкий, хотя и более пристойно заграничавшийся родственник *многотиражки* — термин *многотиражная печать*». С. З. Маллер пишет:

«Заглянем в Толковый словарь Д. Н. Ушакова. Там слово *многотиражный* признано специальным (типографским), а слово *многотиражка* — новым. Как оно истолковывается? Это, оказывается, „печатная газета предприятия, учреждения со значительным тиражом, в отличие от стенгазеты, изготовляющейся в одном экземпляре“. Что ж, может быть, когда-то, много лет назад, такое отличие и требовалось: напечатанные типографским способом листки-четвертушки, чуть побольше тетрадной страницы мало походили на газету. Но что общего с ними могут иметь, скажем, настоящие четырехполосные газеты формата „Советского спорта“, выходящие на крупных предприятиях страны? Хорошо известны газеты городского типа, издающиеся, например, на „Серпе и Молоте“ или на Уралмашзаводе. Как можно применить к ним термин *многотиражка* с его уничижительным суффиксом?».

Слово *многотиражка* образовано при помощи суффикса *-ка* от прилагательного *многотиражный*, входящего в состав устойчивого сочетания *многотиражная газета*. В современном русском языке это продуктивный способ образования имен существительных. Известный славист А. В. Исаченко называет его «семантической конденсацией комплексных наименований», при которой один из значимых элементов заменяется суффиксом. В книге «Развитие словообразования современного русского языка» (М., 1966, стр. 59) сообщается, что «образование на *-ка* чаще всего являются в устной речи, в языке художественной литературы и обычно, даже будучи широко употребительными, имеют оттенок разговорности»: *дежурка* — дежурная комната, *зачетка* — зачетная книжка, *малолитражка* — малолитражный автомобиль, *публичка* — публичная библиотека и т. п. «Но, с другой стороны, в языке имеется ряд образований этого типа, которые являются достоянием общелитературного языка. Например, *землянка*, *ветрянка*, *кожанка*, *овсянка*, *пятидневка*, *пятитонка*, *стеганка* и др. Эти образования, как правило, уже не соотносятся со словосочетаниями, от которых образованы, кажутся привычными и понятными без соотношения с ними».

Рассматривать все слова с суффиксом *-ка* как уничижительные нет оснований, и тем более никак нельзя называть просто уничижительным суффикс *-ка*, при помощи которого образуются и уменьшительные, и уменьшительно-ласкательные имена существительные.

Слово *многотиражка*, воспринимаемое еще в середине 30-х годов (когда и составлялся Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова) как новое, распространилось в речи достаточно широко, современные словари уже не дают этой пометы. Изменено и толкование слова: «Многотиражка. Разг. Печатная газета со значительным тиражом, регулярно издаваемая отдельным предприятием, учреждением» (17-томный «Словарь современного русского литературного языка». М.— Л., 1957). Пометой «разговорное» снабжено это слово и в последнем четырехтомном «Словаре русского языка», изданном Академией наук СССР в 1958 году, а вот в Словаре С. И. Ожегова этого ограничения нет, и слово признано стилистически нейтральным.

Все это дает основания полагать, что распространяемое на любой стиль речи решительное неприятие слова *многотиражка* и подобных ему весьма субъективно.

Москвич Вадим Михайлович Цветков пишет нам:

«Я живу около Разгуляя, недалеко от Новорязанской улицы. Живу здесь с 1937 года. Еще в детстве ходил в кино в Клуб шоферов. Именно — в клуб, именно — шоферов. И вот лет пять-шесть назад с клуба была снята старая вывеска и повешена стеклянно-неоновая „ДК автомобилистов“. Почему? Дом остался прежним, если не считать той модернизации, которая коснулась сейчас фойе. И за баранкой на грузовиках, в такси и в автобусах сидят все те же шоферы, никто не называет их автомобилями...».

Дом культуры... стройматериалов

Многие читатели журнала справедливо считают такие переименования необоснованными. В прошлом номере «Русской речи» была опубликована статья о ложно многозначительных вывесках, отнюдь не украшающих улицы наших городов, но пока этот номер набирали в типографии, вблизи редакции, на Волхонке, появилась вывеска: «Дом культуры и техники Главмоспромстройматериалов».

Как сообщили нам в ВЦСПС, разряд, к которому относится учреждение культуры, зависит не от названия, а от объема и характера его работы. Видимо, об этом не знают руководители некоторых «учреждений клубного типа» (так названы в тарификационных справочниках их дворцы и дома).

В. М. Цветков, обратив внимание еще и на замену слова *шофер* «более значительным» — *автомобилист*, пишет нам о том, что его удивляют таблички с надписью *водитель* (водитель трамвая) на кабинах вагоновожатых в московских трамваях:

«Переименование — это какое-то поветрие за последнее время. Происходит неоправданная замена традиционных, устоявшихся названий, как *вагоновожатый*, *шофер*, на иные, не лучшие, не более точные, а в крайнем случае — примерно такие же. Просто переименовывают — и всё».

Согласившись с автором письма, заметим только, что тенденция к усложнению в наименованиях лиц по профессии или должности в настоящее время действительно усилилась. Пример тому — замена однословных названий «примерно такими же» по смыслу словосочетаниями. Вот и сам В. М. Цветков подписался под письмом в редакцию: «руководитель бригады Гипрооргсельстроя» (то есть *бригадир*?).

В. Д.

● **Склоняются ли Пушкино, Тушино, Шувалово?**

Многие читатели задают нам вопрос: «Склоняются ли названия населенных пунктов Пушкино, Тушино, Иваново, Шувалово, можно ли считать закономерным употребление их в неизменяемой форме?». Нам пишут, например, Ц. М. Мельникова, М. Н. Чижова, Н. П. Гонобоблев. Прежде чем ответить на вопрос, надо вкратце остановиться на происхождении этих слов, рассмотреть морфоло-

гическую структуру и место их в грамматической системе русского языка.

Нетрудно заметить связь этих названий с именами лиц или их фамилиями. Ср.: Пушкин—Пушкино, Иванов—Иваново. Многие старые собственные имена — Шувалово, Голицыно, Одинцово и т. п. — первоначально были названиями поместий родовитых русских дворян и употреблялись как определения при нарицательных существительных (село, поместье, имение). Так, например, в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорится о дворянах Тушиных, родоначальником которых был живший в XVI веке русский дворянин Василий Иванович Квашинин по прозвищу Туша. Отсюда его усадьба стала называться *имение Туши* или *Тушино имение*. Впоследствии такие притяжательные прилагательные стали употребляться как собственные имена существительные. Так появились названия населенных пунктов Тушино, Пушкино, Шувалово и др.

Возникают подобные слова и в наше время, например: Репино — по фамилии художника И. Е. Репина, Павлово — по фамилии русского физиолога И. П. Павлова, Поленово — по фамилии художника В. Д. Поленова. Все эти названия населенных пунктов относятся к существительным среднего рода на -о. Ясна и их морфологическая структура: в них отчетливо выделяются корень, суффикс *-ин-* (или *-ов-*) и окончание *-о*. Подобно нарицательным существительным *озеро, зеркало*, названия *Шувалово, Тушино* относятся к склоняемым словам (см.: академическая «Грамматика русского языка». Т. I. М., 1952). Нет никаких языковых оснований для перевода их в разряд несклоняемых существительных. Не склоняются, как правило, лишь заимствованные из других языков существительные — *пальто, депо, бюро* и т. п. Да и то некоторые из них включаются в разряд склоняемых, например, *монисто, титло*.

Собственные имена существительные *Тушино, Шувалово* не только причисляются грамматистами к склоняемым словам, они и на самом деле, как правило, склоняются, если иметь в виду письменный язык. Не только в художественной литературе, но также и в газетах и журналах преобладают изменяемые формы от этих существительных. Например: «Дорога к *Захарову* идет через лес... *Захарово* разбросалось по обрывистому берегу *Южанки*» («Юность», 1965, № 2); «Плыла в Останкино зима Сугробная, лохматая, Была в *Останкине* зима...» («Звезда», 1965, № 12); «Хорошо бы Волгу к *Иванову* подвести, как к Москве» («Известия», 12 августа 1965); «Объектив удалось своевременно эвакуировать из *Пулково*» («Ленинградская правда», 8 декабря 1967).

И все же нельзя отрицать, что в разговорной речи очень часто встречаются: «Живет в Софрино...», Соревнования в Подрезково...» и т. п. Иногда неизменяемые формы от подобных названий проникают и в печать, но по нашим наблюдениям теперь реже, чем в первые послевоенные годы.

Чем же можно объяснить это явление? Можно ли считать его закономерным? Есть несколько причин. Немаловажен здесь тот факт, что в приказах и донесениях, печатавшихся во время Великой Отечественной войны, названия населенных пунктов давались в форме именительного падежа. Существовало официальное требование — не изменять исходную форму географических названий, чтобы не смешивать близкие по звуковому составу слова, ср.: Киров — Кирово, Пушкин — Пушкино, Ефремов — Ефремово. Иначе, например, форма предложного падежа в *Ефремове* была бы одинаковой для названий населенных пунктов *Ефремов* и *Ефремово*. Под влиянием этой практики стали и говорить так в определенной среде. Здесь проявилось влияние социального фактора на язык.

Неизменяемость таких слов была подготовлена в какой-то мере и тем, что в русском литературном языке давно узаконена возможность употреблять собственные имена в неизменяемой форме, если перед ними стоят нарицательные. Это распространяется не только на названия населенных пунктов. Ср., например: на станции Тула, к городу Пенза, в селе Павлово, в романе «Евгений Онегин», на фабрике «Скороход».

Употребление в разговорной речи в неизменяемой форме таких названий, как *Тушино*, *Шувалово*, облегчается также тем, что ударение в них падает на основу, и поэтому безударный конечный гласный (особенно после твердого согласного) в некоторых падежных формах произносится неясно. Например, в родительном падеже *из окон*, но *из Блишева*, *из Тушина*.

На страже правильности и чистоты литературного языка стоят нормативные словари и грамматика, которые предназначены для упорядочения речевой практики. Одним фактам они открывают «зеленую улицу», другие допускают ограниченно, третьи просто запрещают. С позиции таких нормативных изданий употребление слов *Тушино*, *Шувалово* в неизменяемой форме занимает, по-видимому, промежуточное положение между фактами второй и третьей группы. Их уже нельзя запретить, но они еще очень далеки от свободного доступа в русский литературный язык, особенно в письменную речь.

Л. В. Щерба в одной из своих статей писал: «Можно сказать, что все изменения языка ... куются и накапливаются в кузнице разговорной речи» (Избранные работы, М., 1957, стр. 116). Но этот же ученый подчеркивал, что литературный язык сопротивляется этим новшествам, пока не приспособит их к своей системе. Литературный язык оказывает сильное сопротивление переводу таких названий населенных пунктов как *Шувалово*, *Тушино* в разряд неизменяемых слов, поскольку склоняемость — очень существенная черта русского имени существительного.

Г. А. КАЧЕВСКАЯ

• Принадлежит к...

Читательница О. А. Тюренкова из Кургана просит объяснить правомерность выражения *принадлежит к* ... «Студенты пишут в контрольных работах: *глюкоза принадлежит к углеводам*. Я обычно писала на полях: „Принадлежать к чему-нибудь нельзя“. Но потом у меня появилось сомнение. С одной стороны, глюкоза не „принадлежит к углеводам“ — она „является углеводом“. Также нельзя сказать: *Волк принадлежит к животным*. Он является животным. Я бы сказала: *Волк относится к животному миру*. Он является животным. Не могу я сказать также: *Рука принадлежит ко мне*. Правильно было бы: *Рука принадлежит мне*.

На правомерность сочетания *принадлежать к чему (кому)* указывают толковые словари русского языка. Но чтобы выяснить условия его употребления, надо разобраться в двух вопросах. Один из них — многозначность слова, другой — синонимичность предложений.

У глагола *принадлежать* два основных значения. Первое связано с выражением отношений собственно принадлежности, владения. Субъект владения выражается формой имени существительного в дательном падеже: *Дом принадлежит деду; деньги принадлежат мне*. Второе значение служит для выражения отношений к л а с с и ф и к а ц и о н н ы х: рода и вида, или целого и составляющих его частей. Реализуется это значение с помощью формы имени существительного в дательном падеже с предлогом *к*. Эта форма и обозначает целое или родовое понятие: *Глюкоза принадлежит к углеводам; Волк принадлежит к отряду хищников*.

Таким образом, слово *принадлежать* неоднозначно, и разные значения его обнаруживаются в разных конструкциях, беспредложной и предложной.

Значения, выражаемые с помощью глагола *принадлежать*, могут быть выражены другими языковыми способами. Сравните:

а) Дом деда; Деньги мои;

Дом — собственность деда; Деньги — моя собственность;

б) Глюкоза — (это) углевод; глюкоза является углеводом; глюкоза представляет собой углевод; глюкоза относится к углеводам.

Предложения, выражающие разными средствами одни и те же структурно-смысловые отношения, называют синтаксическими синонимами. Различаются они между собой смысловыми оттенками, стилистической окраской. Говорящий или пишущий выбирает (более или менее сознательно) наиболее подходящую ему конструкцию из ряда возможных. Сама возможность выбора, которую предоставляет язык в распоряжение говорящих, — свидетельство богатства языка.

Г. А. ЗОЛотова

● *Неосторожный* в юридических терминах

Читатель А. Е. Разумный (г. Москва) не столько ставит вопрос, сколько просит апробировать предложенное им в письме рассуждение о некоторых юридических терминах. Речь идет о терминологическом использовании слов общелитературного языка, конкретно — об употреблении слова *неосторожный* в составе юридических терминов «неосторожное убийство», «неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», «неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества».

Попытаемся подкрепить протест А. Е. Разумного против этих терминов некоторыми собственно языковыми фактами.

Прилагательные, как известно, обозначают качества, свойства имен существительных, к которым они относятся. При этом есть «неписанный закон» употребления одних прилагательных при существительных со значением лица, а других — не-лица (предмета, процесса). Так, о человеке можно сказать *симпатичный*, *обаятельный*, о предмете этого сказать нельзя (хотя в разговорную речь и просачиваются «симпатичные дома» и «обаятельные платья»); о человеке можно сказать *осторожный* — *неосторожный*. Повреждение, уничтожение, убийство квалифицировать как *неосторожное* нельзя. Семантика определяемых существительных несовместима с определением *неосторожный*.

К тому же, действительно, употребление прилагательных с отрицанием предполагает существование положительной формы этих же прилагательных (смелый — несмелый, воспитанный — невоспитанный, осторожный — неосторожный). Поэтому естественно предположить, что наряду с *неосторожными* телесными повреждениями, уничтожениями имущества и даже убийствами указанные злодеяния могут быть и *осторожными*. И опять еще резче выступает семантическая несовместимость сочетающихся слов.

Предложенный А. Е. Разумным вариант замены неудачных терминов с прилагательным *неосторожный* терминами с наречным сочетанием *по неосторожности* представляется несомненно более удачным и правильным.

В. П. ДАНИЛЕНКО

● *Мусоргский* или *Мусóргский* ?

Читательница Т. В. Пояркова (Тбилиси) пишет: «Радиодикторы делают в фамилии Мусоргский ударение на первом слоге. В БСЭ (2-е издание) указано такое же ударение. Между тем наши отцы, современники Мусоргского, знакомые с музыкальной жизнью того времени, всегда произносили: Мусóргский. У А. Н. Апухтина даже есть эниграмма, подсказывающая такое ударение:

Мусоргский наш посредством нот
Расскажет все на свете:
Как петли шьют, как гриб растет,
Как в детской плачут дети».

В решении вопросов о правильности ударения в фамилиях чаще всего учитывают, как произносил фамилию сам ее носитель. Фамилия Мусоргского долгое время имела колебания в ударении: ее произносили и Мусоргский и Мусóргский. Однако существует предание, основанное на свидетельствах современников, что сам композитор ставил ударение на первом слоге, причем считал, что его предком был некий Мусорга. Другое произношение фамилии композитора — с ударением на втором слоге, очевидно, появилось под влиянием обширной группы фамилий на *-ский*, *-цкий* польского происхождения, имеющих ударение в соответствии с требованиями польского языка на предпоследнем слоге.

Л. П. КАЛАКУЦКАЯ

● Откуда слово *офеня*?

Наш читатель Г. Гоффманн из г. Дюссельдорфа (ФРГ) пишет: «Мне случайно попалась на глаза гравюра Калло, датированная 1622 годом. На ней изображен маленький человечек с ящиком за спиной и открытым ртом, изо рта — *oh fena garite* „Черви сидят в мозгу“. В XVII—XVIII веках такие человечки бродили по разным странам. Они вытаскивали червей из мозга через нос и этим „зашибали деньги“. Можно ли предположить, что от *oh fena garite* и произошло слово *офеня*?».

Слову *офеня* в каком-то смысле «повезло» — попыток объяснить его было больше, чем у слов, которые употребляются гораздо чаще. Обычно его объясняют, сравнивая с различными ново- и древнегреческими словами, например: *'αφεντης* 'господин' (И. Ягич), *'αφέν*, *'αφην* 'оставленный, отошедший' (В. Григорович), *'αθηνατος* 'афинский' (М. Фасмер), *ὄβιον* 'сорт полотна' (БСЭ). Есть и совсем простые этимологии, вроде предложенной И. Срезневским: *офенский* или *а-финский*, т. е. *финский*.

Однако все эти толкования имеют один недостаток — они неубедительны. Вообще-то не очень трудно найти в каком-либо языке слово, созвучное с *офеня*, а если допустить, что оно «склеено» из нескольких, то возможности просто не ограничены. Объяснение, предлагаемое Г. Гоффманном (*офеня* как сращение латинского *oh fena...*), заслуживает внимания. Гравюра, на которую ссылается читатель, — серьезный довод. По нашему мнению, ни одна из упомянутых этимологий не опирается на доказательства, которые можно было бы считать более сильными.

Дело в том, что слово *офеня* — крошечный обломок целого слоя в русской истории и культуре, слоя, о котором мы знаем очень мало. *Офенями* называли торговцев-разносчиков, ходивших с разнообразным мелким товаром по русским деревням. Когда появился этот промысел — сказать трудно: во всяком случае такая форма торговли была уже в XVI веке и просуществовала она до начала XX века. Вспомните некрасовских «Коробейни-

ков» — это и есть *офени*, по-другому их еще называли *ходебичиками, суздадой*. Возник этот промысел среди крестьян бывшей Владимирской губернии (Суздаль — Вязники — Ковров — Шуя), т. е. по соседству с местами, в которых особенно широко было развито иконописание (Палех — Мстера). Сначала основным товаром офеней были иконы и другие предметы культа, потом к ним прибавилась галантерея и, наконец, лубок, книги. Офени сыграли огромную роль в приобщении крестьян к грамоте.

С другой стороны, офени были чем-то вроде средневекового цеха, частью огромного сообщества, которое можно было бы назвать «бродячей» Русью — это безместные, переходящие люди, странствующие по Руси, а часто и за ее пределами. Здесь было место для всех — от монахов, торговцев скотом — прасолов, шаповалов до нищих (чрезвычайно крепкая организация, строгая регламентация этого вида занятий довольно хорошо известна) и воров. Объединяющим началом в этом сообществе было арго, тот язык, которым «бродячая» Русь пользовалась. Само арго распадалось на множество диалектов, впрочем, довольно близких друг к другу. Одним из них, может быть, наиболее древним и хорошо нам известным, был офенский язык.

Сложившееся в период позднего средневековья арго в несколько измененном состоянии сохранилось и по сей день. То, что под видом «молодежного жаргона» вселяет в нас ужас и одновременно «украшает» страницы «молодежной прозы», отнюдь не так ново. Многие из этих слов известны уже лет 200—300.

Арго, как и следует ожидать от языка переходящего люда, вообразило в себя словарный материал едва ли не всех языков Европы; очень силен в нем тюркский и финский элемент. Наиболее древний слой — греческие слова. Видимо, поэтому и было так много попыток объяснить само слово *офеня* как заимствование из греческого. Наверное, в русском литературном языке есть еще не одно слово, проникшее в него из арго.

Таким образом, есть возможность объяснить слово *офеня*, исходя из самого офенского языка. В. Даль, который знал об этом, подошел к истине, очевидно, ближе других. Он обратил внимание на то, что в офенском языке есть слова *офест* 'крест', *офениться* 'молодиться', и сделал вывод, что *офеня* значит просто 'крестный, христианин'.

Забавно, что офени сами пытались объяснить происхождение этого названия, связывая его с возникновением своего промысла. По одной из этих гипотез, начало их торговле положили купцы из города Офена — старое немецкое название Пешта (теперь часть Будапешта). Другое их объяснение почти полностью совпадает с объяснением, предлагаемым М. Фасмером в «Этимологическом словаре русского языка»: в офенском они видели афинский, относящийся к Афинам.

Правдоподобно, однако, другое объяснение. В тех диалектах арго, которые были распространены в Западной Белоруссии и на

Украине, в областях, граничащих с Польшей, традиционные предметы торговли офеней назывались *охвес*, *ахвись*, *яхвес* 'икона', а также *ахвес*, *яхвес* 'бог, Христос', *ахвесаться* 'молиться'. Сочетанию *хв* в этих районах соответствует *ф* в русском языке (ср.: Хведор — Федор), отсюда и *офеня* (подробнее см. в статье М. В. Арапова «К этимологии слова офеня». Сб. «Этимология». М., 1964).

Таким образом, *офеня* — это 'иконник'. В Польше (а польское арго очень близко к русскому) еще в XIX веке хорошо были известны *ochwieśnicy* 'охвесники' или *obraznicy* 'иконники'. Занятие, которое в точности совпадает с занятием офеней, с той только разницей, что в отличие от своих русских коллег польские иконники не только продавали, но и сами делали иконы. Слово *ахвес*, *яхвес*, *охвем* не представляет трудностей для объяснения — это библейское *Яхве*, одно из имен еврейского бога, проникшее в арго из языка еврейского населения Западной Белоруссии или Украины.

М. В. АРАПОВ

● полТИНа алТЫН

Читатель Р. Салимов из Душанбе обращает внимание на созвучие конечных частей в словах *алтын* и *полтина* и просит рассказать о происхождении этих слов.

О возникновении существительных *алтын* и *полтина* известно несколько различных мнений. Все они разобраны в статье И. Г. Добродомова «Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке», помещенной в сборнике «Вопросы лексики и грамматики русского языка» (М., 1967).

Слово *полтина* (встречается вариант *полтына*) известно русскому языку с XII века. Можно предположить, что оно восходит к древнему парному слову *пул-тин* (-тын), в состав которого входят тюркские наименования мелких монет *пул+тин* (*тын*). Ср., например, узбекские *пул* 'самая мелкая монета, деньги' и *тийин* 'копейка'. Для истории монет характерно постоянное снижение их стоимости, поэтому есть основания думать, что в древности обе эти денежные единицы ценились более высоко.

Тюркское слово *пул-тин*, по-видимому, имело значение 'деньги вообще', но в древнерусский язык вошло в качестве наименования конкретной денежной единицы того времени. Здесь оно испытало обычную для заимствованных слов замену одних звуков другими и в именительном падеже единственного числа получило характерное для существительных женского рода окончание *-а*.

Название трехкопеечной монеты *алтын*, встречающееся в русских памятниках с XIV века, восходит к тюркскому словосочетанию *алгы тын* (*тин*), которое буквально значит 'шесть (*алгы*) денег (*тын*)'. Старинная монета *деньга* равнялась половине копейки, следовательно в алтыне содержалось три копейки. Тюркское сочетание *алгы тын* было воспринято древними русскими как одно

слово, а два одинаковых слога *-ты-* подверглись упрощению: один из них выпал, отсюда древнерусское *алтынъ*.

Тюркское слово *тын* (*тин*), которое встречается и в алтыне и в полтине, происходит из более древней формы *тыйын* (*тийин*). *Тыйын* первоначально имело значение 'белка', но потом наряду с этим значением стало употребляться и в качестве названия мелкой монеты — копейки. Дело в том, что в древности у многих народов шкурки пушных зверей имели хождение вместо денег. Как показывает сравнительно-историческое изучение тюркских языков, это слово тюрки позаимствовали у лесных финно-угорских народов (ханты, манси). К этому финно-угорскому наименованию белки восходит и русское слово *деньга* 'полкопейки' (откуда и общее название *дёнги*). Родственные между собой хантыйское *танги* 'белка' и мансийское *лехын, ленгын* 'белка' в виде *деньга, геньга, таньга* и т. п., а также в виде *тыйын, тийин* и т. п. широко распространились по многим языкам народов нашей страны.

Любопытно отметить, что древнее русское *деньга* значит 'полкопейки', в тюркских языках Средней Азии *таньга, тенге* и т. п. — наименование двадцатикопеечной монеты, а в тюркских языках Поволжья — название рубля.

Русская поговорка «Не было ни гроша — да вдруг алтын» возникла, вероятно, в то время, когда *алтын* имел гораздо более высокую цену, чем сейчас. О большой стоимости алтына говорит запись в приходо-расходных книгах Антониева Сийского монастыря за 1578 год: «Купил шубу, дал 6 алтын».

И. Д.

Как написать адрес ?

Читатель А. П. Осипович (Краматорск Донецкой области) спрашивает, как правильно написать почтовый адрес и, в частности, нужно ли употреблять в его тексте знаки препинания.

Форма адреса в каждой стране определяется прежде всего традицией. Если мы на конверте письма, направляемого, скажем, в Смоленск, вначале укажем номер дома, затем улицу, а уж потом название города, то это окажется серьезным препятствием для доставки письма по назначению: так писать адрес у нас не принято. Во многих странах, напротив, именно эта форма адреса является обычной. Например, французская газета «Юманите» сообщает свой адрес читателям в таком виде: 6, boul. Poissonnière — Paris — 9e.

Вопрос о правильном написании адреса входит в компетенцию Министерства связи СССР. В 1963 и в 1966 году Министерство издало «Почтовые правила», а в 1967 году — «Справочник об услугах связи», где предусматривается форма адреса как для внутренних почтовых отправок, так и для международных.

Первое и наиболее важное условие правильности адреса — его точность. То, что в ином тексте может быть принято за опisku,

Здесь порою становится серьезной ошибкой, затрудняющей (или даже делающей невозможной) доставку корреспонденции по назначению. Адрес с искаженным или пропущенным названием населенного пункта напоминает «На деревню дедушке» чеховского Ваньки Жукова.

При написании адреса, как говорится в Правилах, следует избегать употребления малоизвестных аббревиатур (сложносокращенных слов), затрудняющих понимание адреса.

Почтовые правила рекомендуют следующее:

На почтовых отправлениях, посылаемых в областные, краевые и республиканские центры, в начале адреса указывается название города, наименование предприятия связи (почтамт, узел связи) или номер отделения связи... При адресовании корреспонденции в гг. Москву и Ленинград перед номером отделения связи указывается буквенный индекс...

На почтовых отправлениях, посылаемых во все другие населенные пункты, в начале адреса указывается:

а) наименование предприятия связи, которое должно вручить почтовое отправление, с указанием в необходимых случаях номера отделения связи;

б) наименование области (края, республики), района (горсовета), населенного пункта (станции, разъезда).

Далее на всех почтовых отправлениях должны быть указаны:

а) название улицы, номер дома и номер квартиры;

б) фамилия, имя и отчество адресата или наименование предприятия, учреждения и организации [в дательном падеже.— А. П.].

В отдельных случаях можно указывать фамилию и инициалы адресата («Почтовые правила», М., 1966).

Помимо этого, на каждом отправлении указывается обратный адрес, причем фамилия, имя и отчество адресата или название учреждения ставятся в именительном падеже.

Теперь о знаках препинания. В почтовом адресе только, пожалуй, точка не ставится в конце текста (да и она может быть поставлена). Остальные же знаки препинания ставятся в соответствии с общими правилами. Например: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2, редакции журнала «Русская речь». С помощью запятых здесь и в других подобных случаях выделяются уточняющие слова. Ср.: «Он живет в Москве, на Ленинском проспекте, в доме № 15», где выделенные запятыми слова — уточняющие обстоятельства места. Уточняющим обозначением следует считать и условное наименование узлов связи, почтовых отделений и т. д. Поэтому необходима запятая и перед буквенным индексом или цифровым обозначением.

В образцах адресов, какие даются Почтовыми правилами и «Справочником об услугах связи», этой запятой нет (во всех остальных случаях знаки препинания расставлены безупречно). Так, в «Справочнике» в качестве образцов приводятся, например, такие адреса: «Москва Е-43, Измайловский бул., дом 17, кв. 125. Васильеву Федору Семеновичу»; «Братск 2, Иркутской обл., ул. Строителей, д. 4, кв. 5. Столярову Петру Ивановичу».

Впрочем, отсутствие запятой после слов Москва, Братск и т. п. в данном случае нельзя считать пунктуационной ошибкой. Состав-

вители Правил начинают адрес обозначением предприятия связи (узла связи), а в состав этого наименования входит не только буквенный индекс и цифра, но и предшествующее название города. Иначе говоря, Москва, Е-43; Братск 2 и т. п. — все это условные обозначения узлов связи, каждое из которых является нерасчлененным.

И все же, по нашему мнению, более правомерным будет тот вариант, где запятая стоит и после названия города. Ведь ее отсутствие может повлечь за собой искаженное понимание смысла, например: *Братск 2* можно прочесть, как *Братск 2-й*, подобно: *Волховстрой 1-й*, *Волховстрой 2-й* и т. п. К тому же почти каждый корреспондент, когда пишет адрес, уверен, что он прежде всего направляет свое письмо в Москву, в Братск, в Волгоград и т. д., а не на узел связи с условным наименованием: *Москва Е-43*, *Братск 2*, *Волгоград 10* и т. п. Да и сами составители Почтовых правил, как уже указывалось выше, пишут, что «на почтовых отправлениях, посылаемых в областные, краевые и республиканские центры, в начале адреса указывается название города...».

В случаях, когда адрес пишется на бланке, где обозначены рубрики: область, район, город и т. д., — запятые обычно не ставят, поскольку расчлененный по рубрикам адрес не воспринимается как единое синтаксическое целое (ср. заполнение различного рода анкет и т. п.).

В заключение напомним, что даже незначительные отступления от формы адреса, разработанной Министерством связи СССР, в большей или меньшей степени затрудняют сортировку почтовых отправлений и своевременную их доставку адресату.

А. К. ПАНФИЛОВ

● Кавычки!

Читатель В. Д. Жаров из Ярославля прислал в редакцию интересное, живо и убедительно написанное письмо, в котором возмущается злоупотреблением кавычками в современной прессе. «Комсомольская правда» в репортаже о параде на Красной площади взяла в кавычки слово «тачанка»; ярославская областная газета «Северный рабочий» — слово «изобретать» в заголовке «Зачем „изобретать“ велосипед?» «Право слово, об эти кавычки спотыкаешься, как о камень...» — пишет В. Д. Жаров. — Ну зачем они здесь поставлены? Неужели я сам не сумею понять, в прямом или переносном смысле употреблено закавыченное слово? Очень, очень неприятно читать материалы, написанные закавыченным языком! Так и видишь за этими кавычками солидного редактора, который щедрой рукой рассыпает кавычки по газетному тексту, наделая ими каждое мало-мальски живое и образное слово».

Беда это действительная, а не мнимая, и подмечена, несомненно, правильно. Обращаясь к журналистам, хочется еще и еще раз предостеречь их от излишних «штанишек-кавычек», которые, по словам В. Д. Жарова, «нейтрализуют всю живость и образность обрамленных ими слов и понятий».

В. Д. Жаров не первый обращает внимание на газетные «кабычегоневычки». Кстати, последнее выражение употреблено Л. Успенским, писавшим в «Литературной газете» (16 октября 1965) о том, что излишние кавычки — знак гражданской робости, знак снятия с себя ответственности. Среди уже многочисленных статей и заметок, призывающих к борьбе против «кавычечной» перестраховки в газетах, укажем и на статью Б. С. Шварцкопфа «Внимание: кавычки!», опубликованную в журнале «Русская речь» (1967, № 4).

В. Г. КОСТОМАРОВ

● **Неспокойно, но выдержанно**

Читатель журнала Н. Красенков (г. Гатчина Ленинградской обл.) спрашивает, допустимо ли культурному человеку в выступлении на собрании или в беседе с другим человеком говорить беспокойно. «Должны ли все культурные люди, — пишет автор письма, — всегда говорить спокойно и выдержанно?».

Вопрос поставлен не совсем правильно. Спокойствие и выдержка — это не тождественные понятия. Культурный человек во все не обязан всегда говорить бесстрастно, монотонным голосом. Известно, например, с каким жаром отстаивал свои убеждения В. Г. Белинский в спорах с друзьями и недругами. Что касается выступлений на собраниях, митингах, то где же, как не там, наиболее уместно страстное, горячее, зажигающее слово?

«В своих пропагандистских выступлениях, — вспоминала Н. К. Крупская, — Ильич не обходил больших вопросов, не затушевывал их, напротив — ставил их со всей резкостью и конкретностью. Он не боялся резких слов, нарочно заострял вопрос, он не считал, что речь пропагандиста должна быть бесстрашна, уподобляться мирному журчанию ручейка...» (Н. К. Крупская. О коммунистическом воспитании. М., 1956, стр. 396).

Однако страстность речи не должна переходить в невыдержанность, т. е. в неумение владеть собой, неуважение к слушателям. В. И. Ленин даже в спорах с идейными противниками был исключительно выдержанным. «...Когда он „клеимл“ тем или иным словечком... противника, — вспоминал П. Ленинский, — то его полемический выпад не имел ни одного грана личной выходки, переступающей пределы политической оценки позиции или хода мысли его оппонента. В этом смысле он очень выгодно отличался не только от несдержанного и истеричного Мартова, но и даже от Плеханова» (сб. «Ленин — журналист и редактор». М., 1960, стр. 311—312).

Мартов упомянут здесь не случайно. У этого оратора страстность действительно нередко переходила в истеричность. Вот как описывает М. Горький одно из выступлений Мартова: «Он весь содрогался, качался, судорожно расстегивал воротник крахмальной рубашки, размахивал руками; обшлага, выскакивая из рукава пиджака, закрывали ему кисть руки, он высоко поднимал руку и

тряс ею, чтобы водрузить обшлаг на его законное место... Иногда его ... речь звучала почти истерически, обилие слов делало ее непонятной, а сам оратор вызывал впечатление тяжелое» (очерк «В. И. Ленин»).

Не следует считать, что всякое выступление на собрании должно быть непременно эмоциональным. В некоторых случаях необходима простая констатация фактов, справка. Неуместная эмоциональность здесь способна лишь помешать делу.

И последнее: страстность только тогда хороша, когда она настоящая. Не надо притворяться, прибегать к ложному пафосу. Фальшивая «страстность» всегда оставляет неприятное впечатление у слушателей.

А. К. ПАНФИЛОВ

Лингвистическая викторина

(Ответы к стр. 85)

1. Вспоминается в первую очередь слово *камчадалы*. Но это название относится только к коренному населению полуострова. Жителей Камчатки можно называть общим именем — *камчатцы* (единственно число — камчатец, но соответствующее женское название — камчатка — не сможет войти в употребление из-за омонимии с самим названием полуострова).

2. Шлиссельбургская крепость, находится у истока Невы.

3. Карьер 'бег лошади' — от французского *carrière*, последнее — от итальянского *carriera* 'бег'; *карьер* 'движение по службе' — непосредственно от итальянского *carriera*, употребленного переносно; горнопроходческой термин *карьер* (из французского *carrière*) с этими словами не связан, у него другой источник: латинское *quadrum* 'камень'.

4. Слово *консерватория* (итальянское *conservatoria*) происходит от того же латинского глагола *conservare* 'сохранять', что и слова *консерватор* и *консервы*. Первоначальное значение этого слова в итальянском языке — 'приют, убежище'. Значение 'музыкальное учебное заведение' развилось потому, что уже несколько веков назад в итальянских детских приютах было введено обучение музыке.

5. Консерваторец (женское — консерваторка).

6. Слово *кочергар* происходит от *кочерга*; *-ар* — суффикс. Первоначальное *кочергар* упростилось: в результате диссимиляции (расподобления) выпал один из двух согласных *р*.

7. *Пенсия* (или устаревшее *пенсион*) — от латинского *pensio*, родительный падеж *pensionis* 'платеж'. *Пансион* — исконно то же слово, но заимствовано из французского языка — *pension*. Этим словом обозначались как плата за содержание, так и воспитательное учреждение, где воспитанники жили на полном содержании.

8. Приставка *па-* вносит значение подобия или близости: *пасынок* 'подобный сыну', *падчерица* 'подобная дочери', *патрубок* 'нечто, находящееся возле трубы'. Ту же приставку можно встретить в диалектных словах, в том числе и в таких, которые известны литературному языку: *пакль*, *пáгруздь* (названия растений), *пáводок* 'временное скопление воды' и др.

9. Наиболее вероятное объяснение: из первоначального *стыга* 'дорога', которое упростилось после выпадения редуцированного *ь*. Ср. диалектное *стега* 'дорога, тропа', откуда в литературном языке уменьшительное *стёжка*.

10. Парламентарий.

(Примечания к тексту на стр. 63).

Из общих недостатков статьи можно отметить обилие канцеляризов, лишних слов, грамматически не завершенных предложений. Слишком часто повторяется слово *работа* и производные от него.

1. Слово *трудящиеся* употребляется обычно с уточняющими существительными, обозначающими более широкие понятия: трудящиеся страны, области или края, города (Ленинграда). В данном предложении можно рекомендовать: *рабочие и служащие* или *работники комбината*, лучше — последнее.

2. Вместо предлога *к* здесь необходим по смыслу предлог *в связи с...*; весь этот оборот можно заменить также наречием *предварительно*.

3. Под *конкретными графиками* автор понимал, видимо, *подробные графики*.

4. Лишнее слово, затрудняющее понимание всей фразы.

5. Многословная фраза не содержит информации.

6. Далее с этими словами грамматически ничто не связано, поэтому все предложение выглядит незаконченным.

7. Термин *рабочая сила* не сочетается с отглагольным существительным *невыгод*, обозначающим конкретное действие. Выражение «невыгоды рабочей силы» — канцеляризм.

8. Если есть *во-первых*, обязательно должно быть и *во-вторых*.

9. Неверно построена перечислительная конструкция: *за счет учащих-ся и студентов..., за счет... отпускного периода*. Возможны варианты: *за счет отпускников* или *в связи с периодом летних отпусков*.

10. Ошибка в управлении. Можно исправить: *Были опасения, что... или Были опасения по поводу того, что...*

11. Повтор: *Были... будут*.

12. Неправильно употреблены подряд два субстантивированных причастия.

13. Пропущен предлог: *За прошедшие...*

14. Сопоставление несопоставимого: *увеличение опаздывающих и режим*.

15. Неоправданное употребление страдательной конструкции.

16. Лишнее слово.

17. Смысловая неточность: из предложения следует, что Р. Петровой «приходится идти 1,5 км пешком»... по прядильному цеху. Можно изменить: *работнице прядильного цеха фабрики № 2 Р. Петровой...*

18. Сочетание *в объеме комбината* здесь неуместно, так как речь идет о людях, о работниках комбината.

19. Глагол неправильно сочетается с другими словами (*учитывается... для ходатайства*), предложение грамматически не завершено.

20. Речевая недостаточность: *ходатайствовать* можно только *об устранении неудобств*. Та же ошибка и в следующем предложении.

21. Далее в предложении после *как* нет необходимого грамматически так и...

22. Иноstileвое вкрапление. Разговорное *петляет* (об автобусе) в таком контексте, да еще в сочетании со словом *маршрут*, неуместно.

23. Смешаны конструкции *удовлетворять (кого-что) и удовлетворять (чему)*.

24. Столкновение слов из разных стилей речи, слово *деятельность* надо заменить близким по смыслу.

25. Неправильный порядок слов. Исправить: *цеховой администрации необходимо (или надо) проследить*.

26. Речевая недостаточность. Надо изменить: *проследить за тем, чтобы...*

27. Слово *посещающие* не употребляется самостоятельно как субстантивированное причастие. Надо заменить: *посетители столовых и буфетов*.

28. Лишнее слово.

29. Сопоставление несопоставимого: *очередь и время*.

30. Смысловая неточность: из слов *для сокращения... времени на прием пищи* следует, что графики составлены для того, чтобы посетители столовых и буфетов ели быстрее.

31. Если безличное сказуемое *желательно* сочетается с существительным (или местоимением) в дательном падеже, то это последнее обозначает логический субъект: *работникам столовой... желательно* означает, что им этого 'хочется', им это 'необходимо, нужно' (17-томный «Словарь современного русского литературного языка»). Между тем автор статьи хотел сказать: *желательно, чтобы работники столовой... быстрее пустили...*

32. Неверно употреблен оборот *найти свое место* (да еще в *работе коллектива*) по отношению к слову *график*.

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(Окончание. Начало на стр. 2)

мик АН БССР К. К. Атрахович (Крапива). Основная научная организационная работа по подготовке каждого съезда ведется главным образом соответствующими национальными комитетами. Советский комитет славистов, учрежденный в 1956 году, пользуется большим авторитетом среди других национальных комитетов и крупнейших славистов мира. В его состав входят ведущие советские ученые. Председатель комитета со времени его основания — академик В. В. Виноградов, его заместители: академик Б. А. Рыбаков, член-корреспондент АН СССР В. И. Борковский, доктор исторических наук И. А. Хренов, ученый секретарь — доктор филологических наук А. Н. Робинсон.

Главная задача Советского комитета славистов в период организации очередных съездов — подготовка, утверждение и публикация докладов советских ученых. Научно-издательская его деятельность совместно с Украинским и Белорусским комитетами славистов весьма обширна. Опубликовано 170 научных и информационных трудов, в том числе 19 книг, в частности международные сборники научных статей, такие фундаментальные труды, как «Славянская филология» (т. 1, 2, 3, М., 1958), «Сборник ответов на вопросы по языкознанию» (М., 1958), «Сборник ответов на вопросы по литературоведению» (М., 1958), «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссий» (т. 1, 2, М., 1962), «IV Международный съезд славистов. Отчет». (М., 1960).

На совещании в Вене в 1965 году был определен круг тем VI Международного съезда славистов. Советский комитет славистов рассмотрел несколько сотен тематических заявок советских ученых, желающих выступить на предстоящем съезде, и отобрал те из них, которые наиболее соответствовали проблематике

съезда: к печати утверждено 22 доклада по языкознанию, 28 — по литературоведению, 9 — по фольклористике, 14 — по истории, этнографии и культуре славянских народов. Некоторые доклады публикуются отдельными брошюрами, остальные — в сборниках «Славянское языкознание», «Славянские литературы», «История, культура, фольклор и этнография славянских народов».

Основное содержание сборника «Славянское языкознание» составляют исследования, посвященные вопросам лексики и семантики, историческому и сравнительно-историческому изучению славянских языков, а также вопросам славянской диалектологии.

В сборнике «Славянские литературы» помещены материалы о взаимосвязях славянских и западноевропейских литератур. Значительное место в нем занимают доклады, посвященные проблеме реализма как литературного направления в славянских литературах, широко поставлен вопрос о становлении метода социалистического реализма в русской и других славянских литературах. Особое место отводится роли А. М. Горького как основоположника литературы социалистического реализма. Вообще горьковская тема в связи со столетием со дня рождения великого пролетарского писателя занимает на съезде значительное место.

Сборник «История, культура, фольклор и этнография» посвящен следующим вопросам: жанровая систематизация славянской народной словесности, современные виды фольклора славянских народов, образование раннефеодалных славянских государств и их взаимоотношение, влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие социалистических стран, содружество славянских народов в годы второй мировой войны.

В периоды между съездами работают 13 международных славистических комиссий: по истории славяноведения; составлению единого старославянского словаря; созданию общеславянского лингвистического атласа; изучению грамматического строя славянских языков; стилистике и поэтике; изучению балто-славян-

ских отношений; ономастике и топонимике; фонологии; составлению словаря общеславянского литературного языка; литературоведческой и лингвистической терминологии; текстологии; транскрипции; библиографии. В работе каждой из этих комиссий принимают участие советские ученые. Ряд крупнейших наших ученых руководит работой этих комиссий: академик В. В. Виноградов — Комиссией по поэтике и стилистике, член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов — Комиссией по общеславянскому лингвистическому атласу, академик Литовской ССР К. П. Корсакас — Комиссией по балто-славянским отношениям, член-корреспондент АН СССР Д. С. Лихачев — заместитель председателя Энциклопедико-текстологической комиссии. Совещания международных славистических комиссий проводятся один-два раза в год в тех странах, где эти комиссии сосредоточили свою работу. Там же в специальных сборниках или журналах публикуются научные труды комиссий.

Одна из важных форм международных научных связей — обмен славистической литературой между странами. Во время очередного съезда славистов организуется большая международная выставка трудов и изданий по славянской филологии, которая затем переходит в дар стране — устройнице съезда.

Для участия в международных съездах славистов и для работы в славистических комиссиях широко привлекаются представители различных научных институтов и высших учебных заведений страны. Тематика и проблематика предстоящих съездов, а также решения ежегодных Пленарных заседаний Международного комитета славистов публикуются в журналах «Вопросы языкознания», «Советское славяноведение», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Деятельность Советского комитета славистов оказала и продолжает оказывать большое влияние на развитие славистики в СССР, на укрепление научных и дружественных связей со славистами всех стран.

Н. М. ВОЛКОВА,
сотрудник Советского комитета славистов

П РА К Т И К У М Н О С Т И Л И С Т И К Е

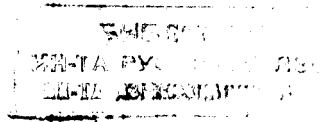
(Ответы на задание, помещенное в № 3)

1. В первом предложении — цепочка родительных падежей и злоупотребление отглагольными существительными: «...организовал серию лекций по вопросам *закладки* новых садов, *подбора* ценных сортов деревьев и кустарников, *ухода* за садом».

2. Вместо *специалисты академии* следует употребить сочетание *сотрудники академии* или *специалисты-сотрудники академии*.

3. В третьем предложении неправильно согласовано по смыслу местоимение *они*.

4. Слово *еженедельно* в сочетании «еженедельно по понедельникам» излишне.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. В. ВИНОГРАДОВ**,
В. Я. ДЕРЯГИН (ответственный секретарь), **Л. М. ЛЕОНОВ**, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО**
(зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**, **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. ФИЛИН**,
Н. Ю. ШВЕДОВА

Редакция: **К. И. Елагина** (зав. отделом языка художественной литературы),
С. А. Иванов (зав. отделом культуры речи), **Л. Е. Лопатина** (зав. отделом
информации и писем), **Ю. Ф. Хаустова** (старший литературный сотрудник),
Н. Г. Бландова (зав. редакцией)

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 46-29-33

Графическое оформление **Ю. И. Космылина**
Технический редактор **Т. А. Михайлова**
Корректоры **Н. Н. Глаголева**, **Г. Н. Шамина**

Сдано в набор 24/IV 1968 г. Т-09229 Подписано к печати 19/VI 1968 г. Тираж 45300 экз.
Формат бумаги 60×90^{1/16} Печ. л. 8 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 10,8 Зак. 438
